МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ

Annotation

«Мир приключений» (журнал) — российский и советский иллюстрированный журнал (сборник) повестей и рассказов, который выпускал в 1910–1918 и 1922–1930 издатель П. П. Сойкин (первоначально — как приложение к журналу «Природа и люди»). С 1912 по 1926 годы (включительно) в журнале нумеровались не страницы, а столбцы — по два на страницу, даже если фактически на странице всего один столбец. Журнал издавался в годы грандиозной перестройки правил русского языка. Зачастую в книге встречается различное написание одних и тех же слов. Тогда так писали. В связи с чем орфография оригинала максимально сохранена, за исключением явных опечаток.

- МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ
  -
  - СОДЕРЖАНІЕ
  - ЧОТКА СЕВИРЪ
  - ГАЦІЕНДА НАДЪ МОРЕМЪ
  - БРОДЯЧІЙ РЫЦАРЬ
  - АРІЯ ВЕРДИ
  - ЗАСЛУЖИВАЕТЪ ЛИ СНИСХОЖДЕНІЯ?
  - ЧЕЛОВѢКЪ У ИЗГОЛОВЬЯ
  - Калейдоскопъ «Міра Приключеній»
  -
- notes
  - 1

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ
1918

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Книга 1-я

*

Пятая Государственная типографія. Стремянная, 12

КЪ СВѢДѢНІЮ гг. АВТОРОВЪ

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть написаны четко, на одной сторонѣ листа. На рукописи должны быть обозначены фамилія, адресъ автора и условія оплаты. При переводахъ необходимо прилагать оригиналъ. Авторы и переводчики, благоволятъ оставлять у себя копіи своихъ произведеній, такъ какъ отвѣтственности за сохранность рукописей редакція ни въ какомъ случаѣ на себя не принимаетъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧОТКА СЕВИРЪ.
Разсказъ Г. Филиппса (съ 2 рис.)

ГАЦІЕНДА НАДЪ МОРЕМЪ.
Разсказъ Фреда Уайта (съ 1 рис.).

БРОДЯЧІЙ РЫЦАРЬ.
Разсказъ Э. Маршалла (съ 1 рис.).

АРІЯ ВЕРДИ.
Разсказъ Марлея Робертса (съ 4 рис.)

ЗАСЛУЖИВАЕТЪ-ЛИ СНИСХОЖДЕНІЯ?
Разск. И. Филльпотса (съ 1 рис.)

ЧЕЛОВѢКЪ У ИЗГОЛОВЬЯ.
Разсказъ Джемса Барра

КАЛЕЙДОСКОПЪ «МІРА ПРИКЛЮЧЕНІЙ»:
— Мартышка и гиря (съ 1 рис.)
— Разнообразіе шахматной игры.
— Любопытный графикъ, (съ 1 рис.)

ЧОТКА СЕВИРЪ

Разсказъ Генри Филиппса.

I.

Чортъ знаетъ, какъ безучастна, въ самомъ дѣлѣ, мать-природа ко всѣмъ нашимъ житейскимъ дѣламъ и тревогамъ! Вотъ сейчасъ мы четверо ѣдемъ по полямъ, сплошь заросшимъ дикими розами, алыми, какъ кровь, нѣжно-розовыми, какъ утренняя заря, и такими душистыми и милыми; надъ головой у насъ лазурное небо преріи, такое ласковое и доброе, какъ глаза любящей матери; впереди — изумрудно зеленая, мягкая, какъ шелкъ, мурава безконечныхъ луговъ, — а между тѣмъ мы ѣдемъ для того, чтобы повѣсить одного человѣка, котораго мы всѣ любимъ.

Злополучный Чотка былъ внукомъ чистокровнаго породистаго индѣйца знатнаго рода и сыномъ маленькаго юркаго и живого француза. Что касается меня, то я всегда говорилъ, что люблю краснокожихъ, люблю также и бѣлыхъ, когда эти люди хорошіе, — но розовыхъ людей я терпѣть не могу. А вѣдь смѣсь краснаго съ бѣлымъ даетъ розовое, не такъ ли? Но Чотъ былъ славный малый, невзирая ни на что.

— Знаешь, братъ, — говоритъ мнѣ одинъ изъ моихъ спутниковъ, — претитъ моей душѣ это дѣло! Вѣдь отецъ-то Чотки и я не мало горя вмѣстѣ видали… Не подымается у меня рука на этого парня.

— Что и говорить, — поддакнулъ ему я.

— Да и чѣмъ какой-то ледащійголландецъ лучше его? — продолжалъ онъ.

— Тутъ не въ голландцѣ дѣло, Ханкъ, — возразилъ, я, — а въ томъ, какъ все это у нихъ произошло. Говорятъ, Чотка первый напалъ на него, а кромѣ того, мы не можемъ долѣе допускать такой самовольной расправы въ нашихъ мѣстахъ. Чотъ никогда не былъ примѣрнымъ обывателемъ, и вотъ теперь ему приходится за эго расплачиваться.

— Ну, а это можно сказать не про него одного. Если мы вздумаемъ вѣшать каждаго, кто позволялъ себѣ иногда немного лишняго, то намъ придется учинить всеобщее избіеніе.

И такъ какъ старикъ Ханкъ все время разговора разсыпалъ свой табакъ по полямъ, то я постарался его успокоить, какъ могъ.

А теперь моя очередь за Хессомъ. Всякій разъ, когда этотъ господинъ гдѣ-нибудь появлялся, онъ производилъ на меня впечатлѣніе льнувшаго тухлаго яйца. Этотъ человѣкъ никогда не сдѣлалъ мнѣ ничего дурного или даже непріятнаго, но, не знаю почему, я инстинктивно не выносилъ этого человѣка. Если говорить правду, то этотъ Хессъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ непривлекательный человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы не могли бы указать ни на что такое, что могло бы оправдать дурное къ нему отношеніе. Это былъ грузный, неповоротливый и непривѣтливый человѣкъ, глаза у него были тусклые, неподвижные, — но вѣдь все это не имѣетъ никакого значенія въ глазахъ суда. Онъ былъ широкоплечъ и крѣпкаго сложенія, — а руки у него были положительно безобразныя, со сплющенными широкими пальцами, что особенно бросалось въ глаза; но никто не вѣшаетъ человѣка за то, что у него безобразныя руки. Тѣмъ не менѣе, я очень хотѣлъ бы повѣсить Хесса и вовсе не хотѣлъ вѣшать Чотку. Но вотъ Хессъ обратился къ старику Ханку.

— Вамъ нѣтъ никакой надобности безпокоиться объ этомъ, Петерсъ, — сказалъ онъ, какъ всегда изысканно выражаясь по-англійски,

чтобы сказать что-нибудь дурное и сказать это противнымъ голосомъ. — Вы только не вмѣшивайтесь, и все будетъ въ порядкѣ.

Ханкъ откинулъ назадъ голову, какъ степной жеребецъ. Онъ уже не былъ молодъ годами, но еще слишкомъ молодъ для того, чтобы съ нимъ можно было безнаказанно разговаривать въ такомъ тонѣ.

— Хотѣлъ бы я знать, откуда вы все это знаете, любезный, — отозвался Ханкъ, глядя въ сторону.

— Ну, слушайте, Петерсъ, — возразилъ Хессъ, — не позволяйте себѣ подобныхъ выходокъ со мной; вѣдь я хотѣлъ только сказать, что никто не долженъ вмѣшиваться въ это дѣло. Всѣмъ извѣстно, что вы и старый конокрадъ Севиръ были пріятели, а это одно уже возбуждаетъ противъ васъ подозрѣніе.

— Въ самомъ дѣлѣ? — вызывающе спросилъ Ханкъ. — Ну, такъ я вамъ скажу, что и мнѣ ничего не стоитъ навлечь на васъ подозрѣніе въ томъ, что вы… Посмѣйте только утверждать, что я не могу по чести и совѣсти справедливо оцѣнить поступки и дѣйствія каждаго человѣка, будь онъ мнѣ другъ или врагъ!

Оба они впились другъ въ друга глазами. Можно чѣмъ хочешь поручиться, что стойкій и смѣлый взглядъ сѣрыхъ глазъ стараго Ханка не опустился первый подъ дерзкимъ взглядомъ тусклыхъ черныхъ глазъ Хесса.

— Не знаю, зачѣмъ вы подымаете такой шумъ изъ-за пустяковъ, Петерсъ, — замѣтилъ Хессъ. — Я выѣхалъ сегодня, только чтобы быть свидѣтелемъ того, что справедливость восторжествовала, какъ'того требуетъ законъ. Положительно не понимаю, почему вы такъ яро на меня ополчились.

Послѣ этихъ словъ онъ сталъ для меня еще болѣе ненавистенъ. Онъ хотѣлъ задѣть старика Ханка, когда думалъ, что это пройдетъ ему даромъ, но какъ только старикъ показалъ — ему зубы и глухая угроза глянула на него изъ смѣлыхъ сѣрыхъ глазъ, онъ сейчасъ же поджалъ хвостъ и перешелъ на примирительный тонъ.

Старикъ, однако, не позволялъ съ собой шутить; онъ подъѣхалъ вплотную къ Хессу и сказалъ:

— Вотъ что, пріятель: я имѣю сказать вамъ еще кое-что. Развѣ вы не знаете, что здѣсь, въ преріи, бываютъ всякіе несчастные случаи съ такими большеротыми и самонадѣянными парнями, какъ вы. Вѣрный признакъ бѣды — имѣть такую пасть, какъ ваша. На вашемъ мѣстѣ я отростилъ бы себѣ усы и бороду, чтобы скрыть ее.

Хессъ готовъ былъ вскипѣть снова, но Ханкъ ударилъ его довольно

дружелюбно двумя пальцами по плечу.

— Ну, ну, Хессъ! Вѣдь я же знаю тебя давно и знаю, чего ты стоишь. Что ты мнѣ ни говори, а всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что ты имѣешь зубъ на Чотку Севира, съ тѣхъ самыхъ норъ, какъ онъ прошлымъ лѣтомъ отдѣлалъ тебя. Онъ тогда порядкомъ проучилъ тебя, и за дѣло. И если ты теперь обвинилъ его въ убійствѣ и натравилъ на него судъ, такъ я ужъ лучше поѣду домой и займусь своими дѣлами, а не стану смотрѣть на это нечестное дѣло.

Но тутъ вступился Билли Руссель, нашь четвертый спутникъ.

— Что онъ его убилъ, такъ это вѣрно, Ханкъ, — сказалъ онъ. — Мнѣ очень тяжело говорить объ этомъ, но Чотъ сознался двумъ парнямъ изъ Сквэръ-Бютта. Жаль только, что этотъ Хессъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ этого дѣла.

Тогда Ханкъ обратился прямо къ Хессу:

— А какимъ это образомъ ты очутился тамъ? — спросилъ онъ.

— Я отправился навѣстить Шаффера и заночевалъ у него. Вы несправедливы ко мнѣ, утверждая, будто я хочу выместить на Чоткѣ свою прошлогоднюю обиду. Я случайно видѣлъ, какъ все это произошло, — вотъ и все. Грязное это было дѣло, подлое убійство безоружнаго человѣка. Шафферъ не имѣлъ даже возможности защищаться. У меня не было при себѣ ружья, чтобы защитить его, и кромѣ того, я боялся за собственную жизнь. Вы, конечно; знаете, что я не имѣть основанія любить Шаффера; я былъ ему долженъ извѣстную сумму, а онъ имѣлъ привычку постоянно напоминать мнѣ объ этомъ долгѣ; вотъ я и отправился къ нему, чтобы уговорить его позволить мнѣ отработать ему эти деньги какимъ-нибудь способомъ.

— Хмъ! — промычалъ Ханкъ. Я съ своей стороны тоже дважды сдѣлалъ:

— «Хмъ».

Что онъ явно лгалъ на Чота, всѣ мы невольно чувствовали и понимали. Но и онъ понималъ, что теперь его врагъ въ его рукахъ, и что если ему удастся провести свою хитрость до конца и надуть судъ, то черезъ два часа судьба Чотки Севира будетъ рѣшена.

Въ виду этого онъ молча глоталъ все, что мы ему подносили, и старался только объ одномъ — выказать себя безпристрастнымъ и честнымъ свидѣтелемъ. И вотъ онъ подскакиваетъ къ Русселю и ѣдетъ между мной и имъ, въ то время какъ старикъ Ханкъ выскакалъ немного впередъ.

— Послушай, Билли, — обращается онъ къ моему спутнику.

— Меня зовутъ Руссель, — поправляетъ его Билли.

— Ну да, конечно, — согласился Хессъ, глотая и эту пилюлю. (Никогда не забуду, каково мнѣ было однажды, когда я впервые заправилъ себѣ въ ротъ комъ жвачнаго табаку, и одна молодая лэди, которая мнѣ тогда очень нравилась, подошла ко мнѣ и заговорила со мной; мнѣ ничего болѣе не оставалось какъ проглотить свою жвачку. Но эта моя жвачка крѣпкаго табаку была настоящей шоколадной пастилкой въ сравненіи съ тѣмъ, что теперь приходилось проглатывать Хессу). — Конечно, — повторилъ голландецъ, — васъ зовутъ Руссель, кто же этого не знаетъ. Ну такъ вотъ, Руссель, я положительно не понимаю, почему Ханкъ такъ накидывается на меня…

— Почему не понимаете? По близорукости или слѣпости, всего вѣроятнѣе, — отрѣзалъ ему Билли. — А по моему Ханкъ Петерсъ еще мало набрасывается на васъ; васъ и не такъ еще слѣдовало пробрать.

Физіономія Хесса приняла цвѣтъ яркаго спѣлаго томата. Какъ видно, всему есть предѣлъ, даже и тому, что можетъ проглотить змѣя или акула. Вся сдержанность его полетѣла къ чорту, и онъ вспыхнулъ, какъ зажженная ракета, позабывъ всякую осторожность.

— А, такъ и вы туда же! — закричалъ онъ. — Что же вы думаете, со мной можно и не считаться? Ну, погодите же, я вамъ когда нибудь покажу себя! Запишите вы это себѣ мѣломъ на вашихъ дверяхъ. А что такого особеннаго сдѣлалъ или можетъ сдѣлать Петерсъ?

— Что онъ можетъ, сдѣлать, — спокойно повторилъ Руссель, — это я вамъ сейчасъ скажу: онъ можетъ снести вамъ башку и перевернуть кверху дномъ всю вашу судьбу. И я совѣтую вамъ не являться и ко мнѣ съ похвальбой и хвастовствомъ, слышите вы меня! И не смѣйте касаться меня своей рукой, не то я продырявлю вамъ вашу глупую башку. Словомъ, если вамъ это все еще не ясно, то я скажу вамъ въ двухъ словахъ, что единственное мое желаніе, это имѣть возможно большее пространство между нами. Ну-ка!.. Поторапливайтесь увеличить его сейчасъ же!

Тогда Хессъ обращается уже прямо ко мнѣ:

— Что вы на все это скажете, Рэдъ?

— Скажу, что страна эта очень обширна и велика, Хессъ, но, несмотря на это, я чувствую что мнѣ тѣсно, когда вы подлѣ меня. Быть можетъ, вы во многихъ отношеніяхъ прекрасный гражданинъ, и я увѣренъ, что какъ только вы вполнѣ поймете, до какой степени вы непріятны намъ всѣмъ, вы окажетесь черезчуръ добросовѣстнымъ, чтобы навязывать намъ долѣе ваше общество. Давайте разойдемся разъ навсегда. Но знайте, что вы распадетесь на ваши составныя части, если дѣло дойдетъ до борьбы между

мной и вами. — И я глянулъ на него такъ сердито, что онъ и не подумалъ вступать со мной въ пререканія.

Послѣ того мы продолжали вчетверомъ ѣхать дальше, но нельзя сказать, чтобы всѣ мы были особенно дружны, какъ вы и сами объ этомъ догадываетесь.

Хессъ ѣхалъ особнякомъ, блуждая своимъ тусклы мъ взглядомъ по окрестности и какъ бы проклиная все кругомъ.

Ханкъ поровнялся со мной и, ткнувъ пальцемъ въ сторону Хесса, сказалъ:

— Ну скажи по совѣсти, Рэдъ: развѣ я того сорта человѣкъ, чтобы говорить дурно о людяхъ или попусту злословить кого?

— Этого про васъ никто не скажетъ, — подтвердилъ я.

— Ну такъ вотъ, этотъ парень-негодяй и подлецъ. И мнѣ кажется, что у меня есть на то доказательства. Помнишь ты тѣхъ людей, что отправились годъ назадъ къ Чернымъ Холмамъ и о которыхъ съ тѣхъ поръ никто ничего не слыхалъ и не знаетъ?

— Помню.

— Хессъ взялся тогда проводить ихъ туда.

— Что вы говорите? — воскликнулъ я невольно.

— Это такъ, и они всѣ какъ въ воду канули. Ну а теперь слушай дальше.

Онъ досталъ свои очки и вытащилъ изъ кармана-пачку какихъ-то бумагъ, затѣмъ выбралъ изъ нихъ одну въ формѣ почтоваго листа.

— Вотъ это оно самое и есть, — сказалъ онъ, пробѣжавъ нѣсколько строкъ глазами. — Я далъ одному изъ этихъ людей письмо къ моему старому пріятелю Самсону, владѣльцу соляной коги Салли Бризъ, прося принять этихъ людей къ себѣ на работу, потому что они мнѣ казались порядочными людьми… А кромѣ того, я еще и стороной отъ себя написалъ ему, сообщая кое-какія свѣдѣнія объ этихъ людяхъ. Мѣсяца три спустя я получилъ отъ Сама письмо, въ которомъ онъ спрашиваетъ меня, что же сталось съ тѣми бѣлыми людьми, о которыхъ я ему писалъ; онъ такъ и не видѣлъ ихъ, а пришелъ къ нему въ лагерь какой-то парень, который, повидимому, знаетъ нашихъ здѣшнихъ людей. Да вотъ я прочту тебѣ, слушай:

«Черномазый, грубо сложенный, тяжеловатый дѣтина этотъ бродилъ съ недѣлю около нашего лагеря. Онъ говоритъ, что знаетъ тебя и что бывалъ въ вашихъ мѣстахъ и теперь онъ ищетъ работы; но отъ всякаго дѣла, которое я ему предлагалъ, онъ отбояривался или же даже дѣлалъ видимо нехотя. Признаюсь, онъ мнѣ совсѣмъ не нравится, а глаза у него

такіе, что я сказалъ бы, что они совсѣмъ не у мѣста на лицѣ честнаго и порядочнаго человѣка. Я бы, кажется, охотно утопилъ его въ рѣчкѣ, если бы онъ не сказалъ мнѣ, что знаетъ тебя. Онъ называетъ себя Смитомъ, но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, утверждать трудно. Смитъ — имя распространенное, а я замѣчалъ, что онъ далеко не всегда на него откликается; иной разъ назовешь его: «Смитъ, Смитъ», а онъ начинаетъ озираться, нѣтъ ли гдѣ Смита. Это широкоскулый парень съ непривѣтливымъ угрюмымъ взглядомъ, плечистый и тяжеловѣсный, ростомъ пять футовъ и девять или десять дюймовъ».

Здѣсь старикъ Ханкъ на минуту. пріостановился и многозначительно посмотрѣлъ на меня поверхъ очковъ.

— Узнаешь по портрету? — спрашиваетъ.

— Есть нѣчто общее, — говорю.

— Ну такъ слушай дальше: «Чтобы тебѣ лучше напомнитъ этого парня, если ты его знавалъ когда-нибудь, я добавлю, что у него шрамъ дюйма въ три длиною'отъ конца лѣвой брови къ основанію уха, словно кто-нибудь хватилъ его по этому мѣсту топоромъ. И хорошо сдѣлалъ. Надѣюсь, по этому описанію ты его узнаешь, и надѣюсь также, что онъ тебѣ не другъ. Съ почтеніемъ твой старый товарищъ Джимъ Самсонъ».

— Значитъ, нашъ мистеръ Хесси не только негодяй и мерзавецъ, но и почище того, — заключилъ Ханкъ. — За послѣдній годъ этотъ Хессъ, кажется, работалъ немного, не правда ли?

— Почти что не работалъ, можно сказать, отвѣтилъ Ханкъ — и вотъ изъ-за этого-то у него съ Чотомъ и ссора вышла. Чотка въ ту пору участвовалъ въ бѣгѣ ста человѣкъ, и Хессъ поставилъ на него, разсчитывая, что онъ придетъ первымъ. Но Чотъ тогда напился, какъ настоящій индѣецъ и не могъ въ пѣшемъ бѣгѣ побить какого-то вислоухаго зайца. И когда Чотъ вернулся, шатаясь изъ стороны въ сторону, проигравшій свой бѣгъ, но все же добродушный и пьяный, какъ стелька, то Хессъ съ досады обозвалъ его мерзавцемъ и вообразилъ, что такъ какъ Чотъ слишкомъ пьянъ, чтобы бѣжать, то вѣроятно, слишкомъ пьянъ и для того, чтобы драться. Но эта была большая ошибка съ его стороны. Здорово тогда досталось отъ Чотки почтенному Хессу, да еще при всемъ честномъ народѣ— и люди потѣшались надъ нимъ. А теперъ вотъ онъ и задумалъ отомстить ему въ этой исторіи съ голландцемъ и добиться, чтобы его повѣсили за убійство бѣлаго человѣка.

— Чувствуетъ мое сердце, что здѣсь что-то неладное. Но скажите мнѣ, Ханкъ, если этотъ Хессъ прикончилъ троихъ ребятъ, то какъ же онъ осмѣлился снова вернуться сюда?

— Да очень просто: кто станетъ допрашивать о нихъ? Кто объ этомъ знаетъ? Люди эти были чужіе для всѣхъ, никто ихъ не зналъ, никто о нихъ и не безпокоится. Онъ можетъ присягнуть, что проводилъ ихъ до Черныхъ Холмовъ, и что они оттуда сразу пустились на развѣдки и напоролись гдѣ-нибудь на лихихъ людей. Онъ могъ спокойно ихъ зарыть тамъ гдѣ-нибудь или даже просто оставить ихъ тамъ, гдѣ они лежали, потому что пройдутъ года, прежде чѣмъ той же тропой проѣдетъ еще кто-нибудь.

— Это вѣрно. Но какъ намъ вывести это дѣло на чистоту, да такъ, чтобы это послужило на пользу Чоткѣ,—спросилъ я.

— Вотъ на этомъ-то ты меня поймалъ. Я къ этому и клонилъ только, и, признаюсь, разсчитывалъ на твою смышленную башку. Неужели ты ничего не придумаешь?

— Видишь ли, если бы все дѣло было въ насъ съ тобой, то я, недолго думья, повѣсилъ бы Хесса, вмѣсто Чота, на той самой петлѣ, которая припасена для индѣйца. Но другіе-то считаютъ Чота виновнымъ. Назови человѣка воромъ, и кто бы что ни укралъ, всѣ на него станутъ оглядываться — такъ и съ Чотомъ. У кого бы по сосѣдству что ни пропало, всякій прежде всего спрашиваетъ: «А гдѣ былъ Чотъ въ это время? Не то, чтобы мы думали на него, Боже упаси, но все же любопытно знать, гдѣ онъ въ это время находился?» — Ну а теперь надо, чтобы кто-нибудь былъ въ отвѣтѣ за этого убитаго голландца, и хотя мы всѣ четверо увѣрены, что дѣло это было чисто, тѣмъ не менѣе насъ-то вѣдь всего только четверо, а тамъ, въ Хлопковомъ лѣсу, соберется человѣкъ пятьдесятъ народа со всей округи, и всѣ будутъ судить, а не мы одни. Право, лучше бы я сидѣлъ дома и не видѣлъ своими глазами этого страшнаго дѣла.

Въ этотъ моментъ на гребнѣ холмовъ появилась передъ нами фигура всадника.

— Пошевеливайтесь, друзья! — кричалъ онъ. — Тамъ на опушкѣ лѣса ужъ давно всѣ въ сборѣ: прибавьте рыси-то!

Мы подтянули поводья и поскакали къ мѣсту сбора, на опушкѣ хлопковаго лѣса.

II

Дѣло разбиралъ капитанъ Гендерсенъ, — красивый представительный человѣкъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Онъ былъ несомнѣнно честный и уважаемый гражданинъ, но свернуть его съ его мысли, разъ онъ забралъ себѣ что-нибудь въ голову, было не легко. Я не зналъ въ своей жизни

человѣка, котораго легче было бы уважать и труднѣе полюбить, чѣмъ капитана Гендерсена. Но справедливъ и честенъ онъ былъ безусловно.

Когда мы подъѣхали, онъ насъ ласково и дружески привѣтствовалъ всѣхъ, за исключеніемъ Хесса, которому онъ только кивнулъ головой и небрежно кинулъ «какъ живешь?», но такимъ тономъ, по которому ясно было видно, что онъ не сталъ бы просиживать ночи, чтобы дождаться его отвѣта. Это меня чрезвычайно порадовало, и я примостился поближе къ нему.

— Какое чудесное утро для такого мерзкаго дѣла, капитанъ, — замѣтилъ я.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Я съ вами поговорю объ этомъ послѣ, Рэдъ, а теперь скажу вамъ прямо, что это имѣетъ больше значенія, чѣмъ кровавое и шумное убійство, учиненное кѣмъ нибудь другимъ.

Насъ было около сорока человѣкъ, все больше рослыхъ, здоровыхъ и внушительнаго вида ребятъ. Чотъ стоялъ и смотрѣлъ на насъ, съ головой, повязанной испачканнымъ кровью платкомъ, и лицомъ, выражавшимъ не гнѣвъ, не озлобленіе, а просто только напряженное вниманіе и, пожалуй, отчасти удивленіе. Онъ былъ красивый парень, съ благороднымъ, породистымъ и выразительнымъ лицомъ, и если бы тутъ среди насъ были наши дѣвушки, то я готовъ поручиться, что изъ ихъ глазъ выкатилась бы не одна слеза. Чотъ принималъ свое положеніе, какъ мужчина; онъ смотрѣлъ бодро, хотя петля веревки, спускавшаяся съ дерева, подъ которымъ онъ стоялъ, болталась у него надъ головой. Когда мы подъѣхали къ опушкѣ, онъ радостно привѣтствовалъ насъ ласковымъ окликомъ и движеніемъ руки, но когда онъ увидѣлъ среди насъ Хесса, лицо его мгновенно омрачилось, и жилы у него на вискахъ и на шеѣ надулись; Хессъ отвѣтилъ ему злобнымъ торжествующимъ взглядомъ.

— Займите свои мѣста въ алфавитномъ порядкѣ, друзья мои, — сказалъ капитанъ Гендерсенъ, — и по мѣрѣ того, какъ онъ выкликалъ наши имена, мы выстраивались въ рядъ подъ первыми деревьями опушки лѣса. Воцарилась такая тишина, какая обыкновенно бываетъ за моментъ передъ тѣмъ, какъ спустить курокъ. Всѣ мы на минуту подтянулись и насторожились, но когда Гендерсенъ сталъ перебирать какія-то бумаги, тотчасъ опять распустились. И я спросилъ у Боба, сильно ли Чотъ пострадалъ, когда его старались схватить.

— А кто его знаетъ! Только дрался онъ и отбивался такъ, какъ будто рѣшительно не хотѣлъ, чтобы его задержали. Подстрѣлилъ, кажется, только одного Девлина, другимъ все больше по ногамъ попало, — но

отстрѣливался онъ хорошо и довольно мѣтко, если принять во вниманіе ранній часъ утра, когда только еще начинало свѣтать. Меня онъ полоснулъ но рукѣ за то, что я осмТлился спросить его, почему у него голова перевязана, — во я на него сердца не имѣю за это. И что касается меня, то сунься ко мнѣ какой-нибудь такой же лысый голландецъ, я бы тоже отбаловалъ его разъ навсегда, чтобы ужъ больше не приставалъ.

— Прошу молчанія, — возгласилъ Гендерсенъ. — Чотка, встаньте вотъ сюда, пожалуйста.

Чотъ выступилъ впередъ съ величавымъ спокойствіемъ и горделивой самоувѣренной осанкой чистокровнаго индѣйца. И я сразу понялъ, что онъ не посрамитъ ни себя, ни насъ, своихъ старыхъ друзей, и что намъ за него краснѣть не придется.

— Обернитесь къ намъ лицомъ, Чотка, — сказалъ капитанъ.

Чотка обернулся и всталъ ко всѣмъ намъ лицомъ.

— Ну, друзья, всѣ вы должны торжественно клясться, что исполните свой святой долгъ по совѣсти, какъ передъ Богомъ. — Прошу подтвердить установленнымъ порядкомъ, произнося слово «Аминь».

— Аминь, — повторили всѣ разомъ.

— Такъ, — одобрилъ Гендерсеръ. — Вотъ, Чотка Севиръ, вы стоите теперь передъ над и, вашими согражданами, жителями Дакоты, нѣкоторые изъ нихъ ваши друзья, другіе ваши враги: вы обвиняетесь въ мерзкомъ безчеловѣчномъ убійствѣ, въ убійствѣ человѣка безоружнаго, которому вы не дали возможное! и защищаться. Итакъ, я обвиняю васъ въ неимѣющемъ оправданій убійствѣ… Ну, какъ его звали по имени-то, этого голландца? Кто помнитъ?

— Адольфъ, — крикнули присутствующіе.

— Вь неимѣющемъ оправданій убійствѣ голландца Адольфа Шаффера, въ тотъ моментъ, когда онъ, будучи безоруженъ, пытался бѣжать отъ вдсъ. Признаете вы себя виновнымъ, или нѣтъ?.

— Я, конечно, застрѣлилъ его, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, — подтвердилъ Чотъ, видимо смущенный этимъ формальнымъ допросомъ.

— Да, да, конечно, это мы всѣ знаемъ, — сказалъ капитанъ, — но было ди это въ честномъ бою?

— Онъ вскинулъ свое ружье и дернулъ за курокъ, ну я и выстрѣлилъ; то есть мнѣ кажется, что я выстрѣлилъ… хорошенько не помню. Я только ясно помню, что услышалъ выстрѣлъ, но выстрѣлилъ ли я, или кто другой, — съ увѣренностью сказать не могу. Я былъ пьянъ, здорово пьянъ въ тотъ день. Ну, да къ чорту всю эту вашу канитель, кончайте скорѣй ваше дѣло. Изловили меня, какъ крысу. Чего тутъ долго разсуждать?

Капитанъ посмотрѣлъ на него гнѣвнс и, хмуря сердито брови, сказалъ:

— Это не манера такъ говорить. Если бы вы не были обвиняемымъ, стоящимъ передъ лицомъ суда, я бы показалъ вамъ, что шутить и издѣваться надъ судомъ никому добра не приноситъ. Такъ вы не признаете себя виновнымъ? Не правда ли?

Чотъ сталъ извиняться — онъ и въ мысляхъ не имѣлъ оскорбить судъ или судью, это была просто его манера выражаться… А виновнымъ въ предательскомъ убійствѣ безоружнаго человѣка онъ себя не признаетъ.

— Хорошо, — сказалъ Гендерсенъ. — Ну теперь вы, Мартынъ Хессъ, поклянитесь передъ Господомъ Богомъ, вашимъ Творцомъ, что вы, какъ единственный свидѣтель этого происшествія, будете говорить здѣсь святую правду, и только правду, и что ни злоба, ни предательство, ни личная вражда не исказятъ въ вашихъ устахъ правды, не заставятъ васъ очернить человѣка, или же, въ силу дружбы и расположенія, обѣлить его.

Чотъ въ недоумѣніи вперилъ глаза въ лицо Хесса, и когда этотъ послѣдній выступилъ впередъ съ нескрываемымъ злобнымъ торжествомъ, написаннымъ на лицѣ, Четка не выдержалъ и кинулся къ капитану.

— Этотъ человѣкъ станетъ свидѣтельствовать противъ меня?.. — воскликнулъ онъ. — Этотъ лжецъ? Нѣтъ, капитанъ, онъ не можетъ сказать правды… нѣтъ!

— Ты безусловно правъ, Чотъ, — крикнуло десятка два голосовъ убѣжденно и одобрительно.

— Ну и довольно съ васъ, даже и слишкомъ довольно! — крикнулъ капитанъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ. — Если кто-либо изъ васъ, тонковолосыхъ, двуногихъ, лупоглазыхъ обезьянъ, думаетъ, что можетъ руководить судомъ лучше меня, такъ пусть онъ вскочитъ на мое мѣсто въ то время, когда я отвернусь, или же пусть онъ закроетъ свой клапанъ и молчитъ, какъ колода. Надѣюсь, вы всѣ согласны со мной, не такъ ли? Ну, говорите, Чотъ. Что вы имѣли сказать?

— Я говорю, что этотъ Хессъ лжецъ! — повторяетъ Чотка. — Я не знаю, что онъ теперь будетъ говорить, но знаю и всѣ это знаютъ, кто съ нимъ хоть разъ дѣло имѣлъ, что онъ всегда лжетъ. Вы, ребята собрались здѣсь, чтобы повѣсить меня. Что же, я, конечно, не важный человѣкъ, отъ меня немного прока на свѣтѣ. Голландца я убилъ, это вѣрно. Но только я не хочу умирать по милости этого Хесса; пусть его не примѣшиваютъ къ моему послѣднему блюду на семъ свѣтѣ. Этой приправы я переварить не могу. — Затѣмъ, указывая рукой на дерево, на которомъ болталась приготовленная для него петля, онъ продолжалъ — Повѣсьте меня, и я буду смѣяться. Моя мать была дочь краснокожаго вождя, дитя воина Ункарана;

сожгите меня на кострѣ, я буду пѣть до конца, до послѣдняго моего издыханія, и поползу въ адъ на карачкахъ. Но пока эти поганые черные глаза смотрятъ на Божій свѣтъ, — онъ указалъ пальцемъ на Хесса, — не произносите надъ бѣднымъ Потомъ вашего приговора. Ну, подлый койотъ, подойди-ка сюда поближе, жалкій трусъ, бѣлый съ черной совѣстью и черной душой! Выйди-ка впередъ и сразись съ Четкой въ честномъ бою, сразись, съ нимъ прежде, чѣмъ онъ умретъ.

— Вотъ это дѣло! — закричали присутствующіе. — Молодецъ, Чотъ. Иди къ нему и задай ему хорошенько. Ну-ка, вылѣзай впередъ, паршивый щенокъ, сразись-ка съ индѣйцемъ, — раздалось въ толпѣ, и въ слѣдующій моментъ произошло бы нѣчто дикое, если бы капитанъ Гендерсенъ не вскочилъ на ноги и не выросъ среди насъ, какъ сигнальная ракета. Видитъ Богъ; вспылилъ онъ такъ, что всѣмъ намъ страшно стало. Даже моя старушка и та никогда не обзывала меня та. кими словами, а ужъ ея слова, бывало, всегда меня въ жаръ кидали.

— Ахъ вы красноголовые мясники, воловье отродье! Какъ вы посмѣли допустить, себѣ подобную выходку, — кричалъ онъ. — Нѣтъ у васъ развѣ уваженія даже къ вашему же суду, изъ васъ самихъ составленному?

Я хотѣлъ было сказать ему что-то, да куда тутъ.

— Молчи! — крикнулъ онъ на меня. — Если какая-нибудь дикая птица среди васъ еще посмѣетъ раскрыть свой клювъ и запоетъ какую ни на есть пѣсню, прежде чѣмъ его о томъ попросятъ, то я, предсѣдатель вашего суда, прикажу Ченти Сичи Рэду Саундеру дугой согнуть его и привязать его красную воловью выю къ его ногамъ, или накинуть ему затяжную петлю на шею, и дѣло съ концомъ! Слышали вы меня? Выступи впередъ ты рыжій слонъ, и будь наготовѣ перетянуть глотку первому, кто зачирикаетъ. Ну а ты, Чотъ, вернись на свое мѣсто и держи себя, какъ подобаетъ. Конечно, если бы ты былъ изъ числа бѣлолицей швали, я бы ничего не сказалъ тебѣ за такое поведеніе, но когда я вспоминаю, что твоя мать была честная, работящая и благопристойная индѣйская матрона, уложившая въ честномъ бою двухъ охотниковъ на буйволовъ и солдата-ренегата, то мнѣ становится стыдно за тебя, Чотка Севиръ.

Послѣ этого Ногъ успокоился, а Хессъ сталъ выкладывать свое свидѣтельское показаніе. Признаюсь, говорилъ онъ хорошо и складно, безъ лишнихъ словъ, и это подѣйствовало на тѣхъ изъ присутствующихъ, которые недолюбливали Чота, — а ихъ оказалось числомъ немного больше, чѣмъ насъ.

Хессъ говорилъ, что былъ у Шаффера въ домѣ въ этѳ утро и услышалъ на дворѣ сердитые голоса и перебранку. Выглянувъ въ окно, онъ увидалъ,

что Шафферъ со всѣхъ ногъ бѣжалъ къ дому, какъ бы спасаясь отъ чего-то. Севиръ вскинулъ свое ружье и выстрѣлилъ въ него. Шафферъ упалъ, Хессъ вскочилъ на одного изъ его коней и поскакалъ за докторомъ.

— И вы даже не взглянули на пострадавшаго, не полюбопытствовали узнать, насколько серьезно онъ раненъ? — спросилъ капитанъ.

— Нѣтъ, у меня не было при себѣ ружья, а Чотъ былъ золъ на меня за прежнее. Я подумалъ, что если я выйду съ передняго крыльца, то онъ пристрѣлитъ и меня.

Всѣ мы смотрѣли хмуро и невесело. Если дѣло обстояло такъ, какъ онъ говорилъ, то это было, дѣйствительно, не что иное, какъ убійство. Въ глазахъ Хесса забѣгали злые огоньки, когда онъ увидѣлъ, какое впечатлѣніе произвело его показаніе на окружающихъ.

Капитанъ перевелъ духъ. — Ну, Чотъ, — сказалъ онъ печально, — что вы можете сказать противъ этого?

— Хессъ лжетъ! Все сплошь лжетъ, — сказалъ Чотъ. — Клянусь вамъ, что онъ лжетъ. Шафферъ былъ со мной въ ссорѣ въ прошломъ году; онъ обозвалъ меня конокрадомъ, скотобоемъ, и я дѣйствительно былъ золъ на него, но на этотъ разъ я ѣхалъ мимо его хутора, совершенно не думая о немъ; я даже не видѣлъ его, пока онъ не окрикнулъ меня съ своего крыльца — «Куда ѣдешь, Чотка? — Къ Франсуа Пондо, — говорю, — тамъ сегодня танцы и веселье, и меня іуда звали. — И хотѣлъ проѣхать, не останавливаясь. А онъ кричитъ: «стой, проклятый индѣецъ, я долженъ поговорить съ тобой; ты про меня всякія гадости моимъ друзьямъ разсказываешь, мнѣ про это Хессъ говорилъ». А я ему кричу: «Онъ лжетъ и ты лжешь». Тоіда онъ давай меня, честить, что есть силы, да еще говоритъ, что я у него сѣдло укралъ, а я ему на это крикнулъ: «Довольно я тутъ говорилъ съ тобой, надоѣлъ ты мнѣ, ну тебя къ чорту». Онъ какъ подскочилъ ко мнѣ, я его плеткой по лицу и ударилъ; тогда онъ совсѣмъ разсвирѣпѣлъ и сталъ у меня плетку изъ рукъ рвать, а я извернулся, да его еще разъ хватилъ. Тогда онъ отскочилъ шага на два назадъ, вскинулъ ружье и навелъ его на меня — ружье у него все время при немъ было. «Я тебя уложу, проклятый индѣецъ», — крикнулъ онъ мнѣ и самъ побѣжалъ къ навѣсу. Ну и тогда я не знаю, какъ это случилось — выпилъ я въ тотъ день лишку, и кровь во мнѣ вскипѣла; я только услышалъ, какъ дважды щелкнулъ курокъ, а когда дымъ передъ глазами разсѣялся, я увидѣлъ, что Шафферъ лежитъ на землѣ между грядъ кукурузы и дрыгаетъ одной ногой; затѣмъ вижу, онъ пересталъ дрыгать, — а я поѣхалъ дальше своей дорогой.

— Отчего же вы не подъѣхали къ нему, Чотка, взглянуть на него?

Чотъ только развелъ руками. — Я въ ту пору чуялъ, что во мнѣ

заговорила индѣйская кровь…

— Да, вѣроятно, это было такъ, — сказалъ Хессъ, — но у Шаффера не было ружья. Ты застрѣлилъ его, когда онъ убѣгалъ отъ тебя.

— Лжешь! — крикнулъ Чотъ и бросился на него, какъ кошка, но былъ во-время схваченъ десятками рукъ.

— Пустите меня, — крикнулъ онъ. — Пустите. Дайте мнѣ его ударить, хоть одинъ разъ хорошенько ударить!

—Пустите меня! Дайте мнѣ его ударить!

Мы уже готовились приступить къ страшному дѣлу, когда чей-то спокойный звучный голосъ со стороны спросилъ:

— Въ чемъ тутъ дѣло, господа?

Всѣ мы обернулись въ недоумѣніи, и увидѣли на породистомъ конѣ щегольски одѣтаго человѣка, съ удивительно привлекательнымъ лицомъ. Платье на немъ было превосходнаго покроя, а сапоги, — какихъ я никогда не видалъ. Это былъ или какой-нибудь знатный гражданинъ, или счастливый игрокъ, зашибившій недавно большой кушъ. Во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ, вопросъ котораго нельзя обойти молчаніемъ, а потому капитанъ Гендерсенъ въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

— Прошу извиненія. — сказалъ незнакомецъ, — что я прервалъ вашъ допросъ, но разъ я уже здѣсь, то позволю себѣ отрекомендоваться вамъ.

Меня зовутъ Джемсъ Паллей, я состою шерифомъ, въ графствѣ Пеннингтонъ. Кстати задамъ вамъ, господа, одинъ вопросъ, послѣ чего и поѣду своей дорогой. Не знаетъ ли кто изъ васъ нѣкоего Мартына Хесса, онъ же и Смитъ, и не можетъ ли онъ указать мнѣ, гдѣ его найти?

— Хессъ?! — закричали мы всѣ разомъ. — Да вотъ онъ самъ и есть.

Я готовъ поклясться, что никто изъ насъ не видѣлъ, какъ онъ выхватилъ револьверъ, но въ слѣдующую же секунду дуло его было наведено на Хесса.

— Руки вверхъ! — приказалъ мистеръ Паллей. И если кто шевельнется, то я уложу этого Хесса на мѣстѣ. Я требую его къ отвѣту за убійство трехъ людей, которыхъ этотъ негодяй взялся проводить до Черныхъ Холмовъ, а кромѣ того, и за убійство нѣкого голландца Адольфа Шаффера, убійства, очевидцемъ котораго я былъ самъ.

На всѣхъ лицахъ выразилось полнѣйшее недоумѣніе. Всѣ обступили незнакомца, всѣ смотрѣли ему въ глаза, широко разинувъ рты, или засыпали его вопросами. Шумъ стоялъ невообразимый. Пріятель Ханка, Самсонъ, — тотъ самый, которому онъ писалъ относительно пропавшихъ впослѣдствіи безъ вѣсти людей, — надоумилъ его разыскать ихъ, разсказавъ ему о томъ, что люди эти такъ и не дошли до его жилья, а также о томъ, что въ его поляхъ околачивался одно время нѣкій подозрительный парень, именовавшій себя Смитомъ. Сопоставивъ различныя мелкія данныя и обстоятельства, шерифъ при содѣйствіи своихъ подчиненныхъ напалъ на слѣдъ этихъ людей и, наконецъ, доискался правды. Онъ ѣхалъ сюда, въ эти края, чтобы разыскать Хесса, и, проѣзжая мимо жилища Шаффера, котораго онъ зналъ и у котораго разсчитывалъ немного отдохнуть, случайно сдѣлался свидѣтелемъ его ссоры съ индѣйцемъ. Онъ видѣлъ, какъ въ самый разгаръ этой ссоры, въ тотъ моментъ, когда Шафферъ навелъ ружье на индѣйца, изъ окна дома грянулъ выстрѣлъ, который, однако же, не сразу уложилъ голландца. Вѣроятно, предполагая, что въ него стрѣлялъ индѣецъ, уже державшій ружье наготовѣ, онъ кинулся бѣжать в. ъ направленіи жилья — но изъ окна грянулъ второй выстрѣлъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ добѣжать до навѣса. На этотъ разъ онъ упалъ посреди полосы засѣянной кукурузой, и остался лежать. Тогда индѣецъ, не произведя ни одного выстрѣла, закинулъ свое ружье за спину и поскакалъ по дорогѣ.

— Я кинулся къ раненому, но онъ оказался убитымъ наповалъ и ни въ чьей помощи не нуждался, Между тѣмъ изъ задняго крыльца дома выбѣжалъ какой-то человѣкъ и кинулся къ конюшнѣ; я ему крикнулъ: «Стой!» — но онъ даже не оглянулся. Прежде чѣмъ я успѣлъ добѣжать до

конюшни и схватить его, онъ выскакалъ на дворъ, перемахнулъ черезъ плетень и ускакалъ. Я забѣжалъ въ домъ, но тамъ не было никого; очевидно, ускакавшій парень и былъ убійцей Шаффера. Теперь я легко узнаю его въ этомъ человѣкѣ.

И онъ указалъ дуломъ своего пистолета на то мѣсто, гдѣ стоялъ Хессъ… Но Хесса тамъ уже не было.

Слушая его, мы совершенно забыли и о Чотѣ, и о Хессѣ; и какъ только этотъ послѣдній замѣтилъ, что о немъ забыли, онъ рѣшилъ воспользоваться удобной минутой и уползъ въ кусты, а затѣмъ дальше къ руслу пересохшей рѣченки, гдѣ были привязаны наши кони. Но въ тотъ моментъ, когда онъ собирался подняться на ноги и послать радостное проклятіе по адресу одураченныхъ имъ людей, радость эта замерла у него на губахъ и превратилась въ злобное проклятіе бѣшенства и досады — въ двухъ шагахъ отъ него, словно изъ-подъ земли, выросъ Чотка.

— И ты думалъ, что такъ легко уйдешь отъ проклятія индѣйца? — прошипѣлъ онъ. — Не трогайся съ мѣста, не то я пристрѣлю тебя, какъ собаку.

Чотъ имѣлъ предусмотрительность захватить по пути чей-то пистолетъ, прежде чѣмъ пустился по слѣдамъ Хесса, и теперь для наглядности приставилъ холодное дуло оружія къ его виску. Хессъ сразу поддался этому аргументу.

Онъ принялся жалобно причитать, хныча, какъ скверный мальчишка, котораго порютъ. Холодное прикосновеніе разомъ отняло все его мужество. Теперь онъ велъ себя постыдно; плакалъ и молилъ о жалости, о пощадѣ, увѣрялъ Чота, что онъ всегда любилъ его и уважалъ, что это было простое недоразумѣніе, что онъ теперь въ его власти и будетъ служить ему, какъ вѣрный песъ до конца своей жизни. Индѣецъ стоялъ надъ нимъ, презрительно усмѣхался и время отъ времени тихонько, словно шутя, дотрагивался дуломъ пистолета до его виска.

— Будь мужчиной, Хессъ, не вой, какъ песъ. Мнѣ противно и стыдно глядѣть на тебя.

И что же вы думаете, — что сдѣлалъ этотъ оклеветанный, поруганный и обиженный Чотъ, глядя на этого ползающаго у него въ ногахъ, цѣпляющагося за него и жалобно причитающаго подлаго червя? Онъ сжалился надъ нимъ. Онъ просто запустилъ свою руку ему въ волосы, ударилъ его другой по лицу и отпустилъ его.

— Бѣги, подлый трусъ, бѣги. Богъ съ тобой, спасай свою подлую шкуру, — крикнулъ онъ ему вслѣдъ.

Хессъ ни живъ, ни мертвъ вскарабкался на сѣдло и помчался, что есть

духу. Когда мы его хватились, его и слѣдъ простылъ. Чотъ притаился въ кустахъ, стараясь отъ насъ укрыться, опасаясь, что мй всѣ обрушимся на него зато, что онъ отпустилъ Хесса. Но я выволокъ его изъ засады, потому что слѣдилъ за ними обоими и все видѣлъ и слышалъ. Тѣмъ временемъ остальные повскакали на своихъ коней и мчались въ погоню за Хессомъ.

— Ну-ка, Чотъ, — раздался у насъ за спиной голосъ капитана Гендерсенъ, — живо на коня, да излови намъ этого койота Хесса…

— Что мнѣ дѣлать, Рэдъ? — обратился ко мнѣ Чотъ. — Вѣдь я доброй волей отпустилъ его, какъ и подобало бѣлому человѣку, сыну моего отца.

— Да, — ну а теперь поступи, какъ подобаетъ сыну твоей славной матери, — сказалъ я. — Встряхнись и наставь меня нй слѣдъ, если ты самъ не хочешь гнаться за нимъ.

На глазахъ у Чота выступили слезы.

— Пусть такъ, Рэдъ, — сказалъ онъ своимъ звучнымъ гортаннымъ голосомъ, влѣзая на своего коня. — Какъ человѣкъ бѣлой крови, я далъ ему возможность бѣжать, хотя онъ мой врагъ, — а теперь…

И громко взвизгнувъ «Вакета — шоніи», онъ пустился стрѣлой по преріи.

— Теперь, — крикнулъ онъ — посмотримъ, какъ-то онъ уйдетъ отъ оскорбленнаго имъ индѣйца. За мной!.. Всѣ за мной…

И, конечно, Хессъ не ушелъ отъ Чотки, не ушелъ и отъ участи, которую онъ такъ коварно готовилъ неповинному Чоткѣ Севиру.

ГАЦІЕНДА НАДЪ МОРЕМЪ

Разсказъ Фреда Уайта

Конечно, ГІерри Брогденъ досадовалъ, но иначе поступить онъ не могъ; ради дѣла ему приходилось пожертвовать удовольствіями. Правда, этотъ молодой, красивый богачъ большую часть своего времени посвящалъ соблазнительнымъ радостямъ Нью-Іорка, но никто не назвалъ бы его бездѣльникомъ. Онъ происходилъ изъ расы предпринимателей, и въ немъ была, какъ говорится, «жилка» практика, поэтому отказаться отъ крупнаго состоянія только потому, что ему было непріятно протянуть за нимъ руку, онъ находилъ безуміемъ, и скрѣпя сердце, рѣшилъ забраться въ Богомъ забытую дикую страну, бросивъ Нью-Іоркъ въ самомъ разгарѣ сезона, когда театры сулили интересныя новинки, а на различныхъ нью-іорскихъ подмосткахъ блистали театральныя звѣзды, по большей части, хорошо знакомыя Брогдену.

Дѣло въ томъ, что дядя Перри (типичный американскій дядюшка) составилъ состояніе на югѣ, гдѣ онъ и умеръ послѣ сорока лѣтъ жизни внѣ всѣхъ условій западной цивилизаціи. Дядя этотъ владѣлъ островомъ, который назывался… (ну, назовемъ его Терра-Инкогнита) и представлялъ собой живописный и романтическій кусокъ земли невдалекѣ отъ береговъ Бразиліи и Патагоніи. Тамъ у Брогдена старшаго имѣлось около милліона головъ крупнаго скота. Перри никогда не видалъ этого дяди; но разъ онъ получилъ такое привлекательное наслѣдство, ему приходилось отправиться въ свои владѣнія. Онъ предполагалъ проѣхать въ Терра-Инкогнита, чтобы составить полный инвентарь своего имущества и какъ можно скорѣе и какъ можно выгоднѣе продать островъ. О жизни фермеровъ онъ имѣлъ понятіе, такъ какъ однажды почти цѣлый годъ исполнялъ въ Техасѣ роль любителя ковбоя; это было раньше, чѣмъ умеръ отецъ Перри и жизнь въ Нью-Іоркѣ

поглотила его.

Повторяемъ, молодому Брогдену очень не хотѣлось ѣхать на островъ Терра Инкогнита, не хотѣлось разстаться съ театрами, — но онъ понималъ необходимость распорядиться своимъ имѣніемъ. И такъ, Брогденъ нанялъ паровую яхту и двинулся въ страну, отдаленную отъ цивилизаціи, взявъ съ собой молодого Ларри Хека, настоящаго техасскаго ковбоя, съ которымъ онъ былъ друженъ. Пер; и отлично зналъ, что Хекъ послужитъ для него не только пріятнымъ спутникомъ, но и укажетъ ему достоинства и недостатки быковъ и приносящихъ шерсть овецъ, словомъ, всѣхъ животныхъ, которыя составляли населеніе Терра Инкогнита. Кромѣ нихъ въ имѣніи жилъ старый управляющій, унылый угрюмый шотландецъ, обожавшій одиночество; было и нѣсколько краснокожихъ индѣйцевъ.

Вь свое время яхта вошла въ маленькую естественную гавань, и черезъ короткое время Перри со своимъ спутникомъ очутился въ обветшалой гаціендѣ; ихъ встрѣтилъ старый управляющій, Хаверлокъ, который удѣлялъ равное время своей работѣ, виски и чтенію извѣстнаго рода богословскихъ книгъ школы, введенной въ моду Эрнестомъ Ренаномъ. Это былъ упрямый старикъ, съ необыкновенно дурнымъ характеромъ, но честный и работящій.

— Врядъ ли вы долго останетесь въ Терра Инкогнита, м-ръ Перри, — замѣтилъ онъ, когда всѣ они закурили трубки. Здѣсь превосходный климатъ, мѣстность живописна, но скучно, ахъ какъ скучно; впрочемъ, если вы выдержите скуку…

Дѣйствительно, картина была прекрасна. Подлѣ моря громоздились угрюмые утесы; дальше тянулись глубокія плодородныя долины; ихъ окаймляли лѣса. Пейзажъ казался готовой рамкой для романическаго приключенія.

— Да, — согласился Брогденъ, — здѣсь поразительно красиво. Мѣстность создана для приключеній. Съ вами случалось что-нибудь необыкновенное, м-ръ Хавелокъ?

— Ни разу, ничего, за всѣ сорокъ лѣтъ, — отвѣтилъ управляющій.

Около гаціенды нѣтъ ничего, что могло бы взволновать лѣнивую кровь. Ну, конечно, говорятъ, въ прежнія времена бывали мелкія непріятности съ патагонскими индѣйцами. Но мы оставляемъ ихъ въ покоѣ, и они не трогаютъ насъ. Когда же мы недосчитываемся быка или барана… что же? Въ этомъ нѣтъ большой бѣды, и мы не поднимаемъ шума, никому не задаемъ вопросовъ. Скажите, вы не собираетесь остаться здѣсь?

— Конечно, не останусь, — отвѣтилъ Брогденъ. — Я пробуду лишь такое время, какое потребуется на составленіе инвентаря для продажи.

Какъ вы думаете, м-ръ Хавелокъ, сколько дней займетъ это?

— Трудно сказать, — осторожно отвѣтилъ управляющій, — можетъ быть недѣлю, можетъ быть мѣсяцъ. Лучше будемъ считать — мѣсяцъ. Видите ли, иногда я запивзю и тогда… Впрочемъ, вѣроятно я продержусь около двухъ недѣль; тогда вы успѣете закончить ваше дѣло.

— О, не безпокойтесь, — любезно замѣтилъ Брогденъ;—прежде всего мы съ Ларри изслѣдуемъ мѣстность; какъ я вижу, у васъ нѣсколько хорошихъ лошадей. Упакуйте для насъ съѣстного недѣли на двѣ; дайте намъ также теплыхъ плэдовъ и одѣялъ, и мы осмотримъ островъ. Мнѣ не хочется отрывать васъ отъ вашего дѣла или, вообще, мѣшать вамъ.

Нѣсколько дней Перри и Ларри ѣздили по красивому острову, то спускались въ хорошо орошенныя долины, покрытыя густой травой, доходившей до колѣнъ лошадей, то охотились въ лѣсахъ, зеленѣвшихъ на горныхъ откосахъ, то поднимались на горы съ бѣлыми снѣговыми верщинами. Они вели пріятную жизнь. Стояла великолѣпная погода; воздухъ бодрилъ, какъ шампанское, и кровь кипѣла въ жилахъ молодыхъ людей.

— Техасъ не можетъ и сравниться съ этой Терра Инкогнита, — замѣтилъ Ларри. Для полнаго удовольствія намъ не достаетъ только приличнаго бара и хорошей смѣси изъ содовой воды и нѣсколькихъ ликеровъ. Знаете, чѣмъ лучше я чувствую себя, тѣмъ больше мнѣ хочется побороться или даже подраться съ кѣмъ-нибудь. Хотя здѣсь врядъ ли представится удобный случай для этого.

— Думаю, не представится, — отвѣтилъ Брогденъ;—тѣ немногочисленные индѣйцы, которыхъ мы встрѣчали, правда довольно живописны и типичны, по крайней мѣрѣ насколько я могусудить по картинкамъ, но до противности миролюбивы.

— Приходится мириться съ этимъ, — сказалъ Хекъ. — Ну все таки мнѣ очень пріятно снова очутиться на свѣжемъ воздухѣ и гарцовать на отличной лошади. Будемъ надѣяться, что и приключеніе не заставитъ себя долго ждать.

Черезъ два дня послѣ этого разговора молодые люди выѣхали изъ узкаго ущелья на обширную равнину. По ея окраинѣ тянулся рядъ утесовъ. Тамъ и сямъ ихъ линія прерывалась. Кое гдѣ также отъ утесовъ шли скалистыя стѣны скалъ къ морю. Приблизительно на разстояніи мили отъ всадниковъ возвышалась старая ферма или гаціенда, повидимому, пустая и уже начавшая разрушаться. Вѣроятно, домъ этотъ былъ выстроенъ какимъ-нибудь поселенцемъ еще до появленія на островѣ Брогдена-старшаго съ его новыми методами и затѣями.

Ларри и Перри напились чаю, разлеглись на травѣ и закурили трубки. Подходилъ вечеръ; два пріятеля лѣниво обсуждали вопросъ: лучше ли имъ проѣхать дальше и переночевать въ старой живописно расположенной гаціендѣ, или же лечь спать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они отдыхали въ эту минуту.

Вдругъ Брогденъ быстро приподнялся и сѣлъ.

— Что дѣлается тамъ, на утесахъ? — спросилъ онъ. — Я вижу человѣческія фигуры; онѣ снуютъ взадъ и впередъ и толпятся, какъ пчелы около улья. Гаціенда горитъ. Да, да, Ларри, тамъ пожаръ.

Дѣйствительно, надъ гаціендой поднялась тонкая струйка дыма; извиваясь лентой, она таяла въ янтарномъ небѣ.

Скоро дымъ сталъ густѣть; наконецъ, надъ крышей стараго дома повисла черная пелена, изъ проломовъ въ его стѣнахъ и крышѣ вырвались желтые языки пламени. Кругомъ гаціенды металось около десятка человѣческихъ фигуръ; онѣ бѣгали и суетились, точно рой осъ, выкуренныхъ изъ гнѣзда. Перри быстро схватилъ свой бинокль.

— Это индѣйцы, — послѣ короткаго наблюденія сказалъ онъ. — Готовьтесь, Ларри, это индѣйцы, и они не въ мирномъ настроеніи. Краснокожіе подожгли домъ… Вотъ вамъ и желанное приключеніе!

— Да, это краснокожіе, — лѣнивымъ тономъ протянулъ Хекъ. — И у нихъ ружья. Честное слово — ружья. Въ старомъ домѣ происходитъ что-то, сильно волнующее индѣйцевъ. Какъ мы постоимъ? Отправимся ли къ гаціендѣ или останемся простыми наблюдателями? Жаль пропустить интересный случай…

Вмѣсто отвѣта, Перри вырвалъ бинокль изъ рукъ своего друга и приставилъ его къ своимъ глазамъ.

— Это просто столкновеніе, — сказалъ онъ. — Въ гаціендѣ происходятъ вещи, которыя мнѣ не нравятся. Ларри, тамъ женщины, бѣлыя женщины, Ларри… Американки въ бѣлыхъ платьяхъ.

Какъ ни было это невѣроятно, но Брогденъ оказался правъ. Съ помощью сильныхъ стеколъ своего бинокля онъ видѣлъ все происходившее около гаціенды. Краснокожіе пытались ворваться въ подожженый ими домъ. Вдругъ одна стеклянная дверь отворилась. На веранду выбѣжали двѣ бѣлыя дѣвушки и прижались одна къ другой; по ихъ движеніямъ и позамъ, Перри понялъ, что отъ страха онѣ совсѣмъ потерялись. Нѣсколько индѣйцевъ кинулось къ пылающему зданію; еще минута — и двѣ дѣвушки очутились въ ихъ рукахъ. Изъ гаціендыі выбѣжалъ человѣкъ въ сѣромъ костюмѣ туриста. Въ каждой его рукѣ было по револьверу. Онъ прицѣлился и выпустилъ нѣсколько выстрѣловъ въ краснокожихъ. По выраженію Ларри

джентльмэнъ въ сѣромъ былъ «не дуракъ» въ стрѣльбѣ; четверо индѣйцевъ упало отъ его пуль. Почти тотчасъ же новые краснокожіе кинулись къ гаціендѣ, и минуіъ черезъ пять господинъ въ сѣромъ костюмѣ былъ обезоруженъ связанъ и брошенъ на траву. Послѣ этого в:ѣ краснокожіе медленно двинулись туда, гдѣ утесы подходили къ самой окраинѣ моря. Плѣнниковъ они вели съ собой.

— Хорошо стрѣляетъ, — тономъ эксперта повторилъ свою похвалу Ларри. — Но, скажите, неужели мы такъ и замерзнемъ на этомъ мѣстѣ и не попробуемъ защитить цивилизацію?

— Поймите, Ларри, — отвѣтилъ Брогденъ, — что сейчасъ вмѣшаться въ дѣло мы не можемъ. Вѣдь насъ только двое, и у насъ не слишкомъ много амуниціи. Если мы поступимъ опрометчиво, насъ постигнетъ участь тѣхъ остальныхъ. Нѣтъ, мы должны слѣдить за индѣйцами и неожиданно ударить на нихъ.

Молодые люди привязали лошадей въ небольшой рощѣ, провизію спрягали; послѣ этого Брогденъ и его спутникъ медленно и осторожно поползли впередъ. Краснокожіе образовали кольцо, и въ его центрѣ они помѣстили своихъ связанныхъ и безпомощныхъ плѣнниковъ. Все это было странно, и казалось невѣроятнымъ въ такомъ мирномъ мѣстѣ.

— Происходящее похоже на кошмаръ, — прошепталъ Брогденъ. — Кто эти люди и что они здѣсь дѣлаютъ? Джентльмэнъ въ сѣромъ костюмѣ одѣтъ такъ, точно онъ только что вышелъ изъ своего клуба: двѣ женщины тоже очень нарядны. Посмотрите, Ларри; на нихъ легкія бѣлыя, очевидно, парижскія платья.

— Мы скоро все узнаемъ, — бодрымъ тономъ отвѣтилъ ему Ларри. — Важнѣе Есего подобраться къ нимъ какъ можно ближе, спрятаться и до темноты не показываться. Врядъ ли они поставятъ караульщиковъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, краснокожіе считаютъ себя въ полной безопасности. Когда они улягутся спать, мы начнемъ дѣйствовать. Съ парой револьверовъ у каждаго, мы отлично сведемъ счеты съ этими господчиками.

— Хорошій планъ, — довольно нетерпѣливымъ тономъ проговорилъ Брогденъ. — Только неизвѣстно, будутъ ли они держаться вашей программы, Ларри. Смотрите, смотрите, что это они собираются дѣлать?

Одну изъ дѣвушекъ индѣйцы заставили подняться на ноги и повели къ утесамъ высотой въ двадцать-тридцать футовъ. Она сопротивлялась. Стекла бинокля ясно показывали страхъ, отражавшаяся на ея лицѣ, взглядъ муки въ ея глазахъ. Она сопротивлялась напрасно; ее тащили къ краю крутого утеса, опускавшагося въ море. Брогденъ и Хекъ съ волненіемъ смотрѣли на происходящее; конечно, молодымъ людямъ хотѣлось

выступить на защиту несчастной, но они сознавали, что въ эту минуту ихъ вмѣшательство повлекло бы только непріятныя послѣдствія для нихъ самихъ и не принесло бы никакой пользы обреченной жертвѣ. Имъ оставалось лишь сидѣть неподвижно, шептать проклятія и скрипѣть зобами, все-таки безумно надѣясь, что какое-нибудь неожиданное происшествіе дастъ имъ возможность начать дѣйствовать.

Мало по малу Перри и Хекъ стали понимать намѣренія воющихъ темнокожихъ бѣсовъ на краю утеса. Молодые люди увидѣли, что главарь шайки, крупный человѣкъ, очевидно не принадлежащій къ расѣ индѣйцевъ, пропустилъ веревку или сыромятный ремень подъ руки дѣвушки; послѣ этого нѣсколько краснокожихъ толкнули ее черезъ край утеса. Разбойники опускали свою жертву, пока она не повисла въ шести или семи футахъ надъ уровнемъ моря. Тогда они привязали в ревку къ зубцу на вершинѣ утеса, а несчастную, безпомощную и безсильную дѣвушку оставили одну.

Хекъ глубоко вздохнулъ.

— Уразумѣли ихъ намѣренія? — прошепталъ онъ. — Эти дьяволы подвѣсили дѣвушку надъ моремъ; во время прилива она утонетъ. А мы можемъ только сидѣть да смотрѣть! Я видывалъ жестокія вещи, но никогда не сталкивался ни съ чѣмъ подобнымъ. Вѣроятно, они желаютъ вывѣдать отъ нея какую-то тайну и предоставляютъ ей или утонуть, или позвать ихъ и сознаться во всемъ. Скажите, неужели можно спокойно выносить это?

— Такъ что же намъ дѣлать? — спросилъ Брогденъ.

— Я думаю прократься къ мѣсту нашей стоянки и взять винчестеръ. Вы же до моего возвращенія сидите смирно. Какъ вамъ хорошо извѣстно, я не дуракъ въ стрѣльбѣ, и полагаю, всажу пулю въ сомбреро вонъ того крупнаго негодяя. Торопиться не нужно. Конечно, жаль дѣвушку, но ей придется немного подождать. — Я надѣюсь, намъ удастся ее спасти.

Черезъ нѣсколько мгновеній Хекъ вернулся и принесъ ружье. Долго и пристально смотрѣлъ онъ на бѣлое пятно, висѣвшее надъ водой, потомъ его губы задрожали, въ глазахъ забѣгали искры.

— Перри, — сказалъ онъ. — Вѣдь вы изумительно плаваете? Правда?

Брогденъ принялъ этотъ комплиментъ, который, въ сущности, совсѣмъ не былъ комплиментомъ, такъ какъ онъ, дѣйствительно, плавалъ очень хорошо.

— Да, вы правы, — согласился Брогденъ; — только я не вижу, какую пользу можетъ это принести.

— Вотъ какую — продолжалъ Хекъ. — Вы войдете въ воду и доплывете до утеса дѣвушки. Тогда начнется моя роль. Эти малые сверху не увидятъ происходящаго; кромѣ того, они заняты остальными бѣлыми.

Злодѣи ждутъ, чтобы дѣвушка ихъ позвала, но она кричать не будетъ, пока вода не поднимется до ея колѣнъ; вы же очутитесь близъ нея раньше этого времени; когда она упадетъ въ море вы подхватите ее и вмѣстѣ съ ней уплывете за мысъ. Видите тамъ небольшую песчаную отмель? Вытащите ее туда. Вѣдь вы можете сдѣлать все это? Правда?

— Да, я безъ труда доставлю ее до берега, — сказалъ Брогденъ. — Только какъ освободить ее?

— Я скажу вамъ «какъ», — отвѣтилъ Хекъ. — Я подкрадусь вонъ къ тѣмъ кустамъ. Видите? Мой выстрѣлъ освободитъ бѣдную лэди.

— Какъ такъ?

— Я могу перебить пулей веревку. Однимъ или двумя выстрѣлами мнѣ удастся это… Такія вещи для меня сущіе пустяки. Вы уплываете съ вашей добычей; я встрѣчусь съ вами на другомъ берегу залива; захвачу съ собой и винчестеръ, и наши револьверы.

Ларри предлагалъ отчаянное средство, но вѣдь и положеніе вещей было отчаянное. Брогденъ нисколько не сомнѣвался въ своемъ умѣньи плавать, былъ также убѣжденъ, что пуля Ларри перебьетъ веревку, и они безъ особенныхъ хлопотъ спасутъ несчастную дѣвушку. Если у нея окажется нѣкоторый запасъ мужества, она выслушаетъ все, что онъ скажетъ, когда подплыветъ настолько близко, чтобы объяснить ей свой планъ. Когда же она очутится у него въ рукахъ, остальное пойдетъ само собой.

Обсудивъ подробности своего плана, Брогденъ скинулъ съ себя обувь, лишнюю одежду и остался въ вязаной фуфайкѣ и въ твидовомъ нижнемъ платьѣ; налегкѣ онъ смѣло погрузился въ море. Перри плылъ около четверти часа, наконецъ, очутился противъ того утеса, на которомъ висѣла несчастная жертва злодѣевъ. Брогденъ увидѣлъ, что ея руки и ноги были связаны и что висѣла она на кожаныхъ петляхъ, пропущенныхъ у нея подъ мышками. Брогденъ разглядѣлъ также, что дѣвушка очень красива и что одѣта она прекрасно. Очевидно, несчастная сошла на островъ съ палубы какой нибудь яхты, по всѣмъ вѣроятіямъ, находившейся невдалекѣ.

Такія мысли ободрили Брогдена. Онъ рѣшилъ, что безпомощная дѣвушка подчинится его указаніямъ. Подплывъ къ утесу, онъ тотчасъ же заговорилъ съ ней.

Едва Перри произнесъ первыя слова, послышался одинъ выстрѣлъ, потомъ другой; веревка перервалась, и дѣвушка упала почти на руки Брогдена. Исчезая подъ поверхностью воды, несчастная дико вскрикнула; когда она всплыла, Перри схватилъ ее за плечи и бережно повернулъ на бокъ.

Веревка перервалась, и дѣвушка упала…

— Не пугайтесь, — сказалъ онъ. — Вы въ полной безопасности. Во всякомъ случаѣ, не теряйте спокойствія, и я доставлю васъ до берега раньше, чѣмъ вы успѣете понять, что случилось.

— Да-а? — протянула дѣвушка до того спокойнымъ тономъ, что Брогденъ невольно широко раскрылъ глаза. — Я не имѣю понятія, кто вы, но не бойтесь, я не струшу. Такія приключенія какъ разъ для меня.

Брогденъ удивился еще больше, но промолчалъ; ему нужно было все дыханіе. Перри увѣренно плылъ; онъ обогнулъ мысъ и уже приближался къ мелкому мѣсту, какъ вдругъ съ утеса до него долетѣлъ крикъ.

Брогденъ посмотрѣлъ вверхъ и увидѣлъ Хека, который, стоя на высотѣ, дико размахивалъ руками, повидимому, совершенно равнодушный къ тому, что враги могли его видѣть.

— Убирайтесь вы, безумецъ! — задыхаясь прокричалъ Брогденъ.

— Слишкомъ поздно, — послышалось въ отвѣтъ, — они уже давно

слѣдятъ за мной… И у нихъ пулеметъ. Одинъ Богъ знаетъ, откуда онъ къ нимъ попалъ, но я его видѣлъ, это фактъ!..

Дѣйствительно, предметъ, который могъ быть пулеметомъ выставлялся изъ за края утеса, и нѣчто казавшееся его двойникомъ показало свой конецъ какъ разъ позади фигуры Хека. На той отмели, къ которой плылъ Брогденъ появилось нѣсколько индѣйцевъ. Они смотрѣли въ его сторону, очевидно, съ нетерпѣніемъ ожидая его приближенія. Краснокожіе вытащили его изъ воды, связали веревками и сыромятными ремнями. Еще минута, — и Хекъ, тоже связанный, былъ поставленъ рядомъ со своимъ спутникомъ.

Обоихъ молодыхъ людей протащили по крутой тропинкѣ къ импровизированному лагерю, гдѣ разбойники очевидно роскошно пировали; объ этомъ можно было судить по огромному количеству опорожненныхъ корзинокъ для пикниковъ и цѣлому отряду соблазнительнаго вида бутылокъ, которыми распоряжался высокій человѣкъ въ сомбреро. Перри рѣшилъ, что это и есть глава шайки, по всѣмъ вѣроятіямъ одинъ изъ южныхъ «десперадосовъ» европейскаго происхожденія (о людяхъ этого типа онъ нерѣдко читалъ въ романахъ).

Несчастная, недавно висѣвшая на веревкахъ дѣвушка куда-то исчезла; исчезла и ея подруга; не было также видно и человѣка въ фланелевомъ костюмѣ.

— Я думаю теперь достаточно, — обращаясь къ кому-то невидимому, сказалъ человѣкъ въ сомбреро, и два пулемета, помѣщавшіеся съ обоихъ сторонъ лагеря, немедленно исчезли. — Да, конечно, достаточно. Джо, освободите плѣнниковъ и предложите имъ закусить и выпить.

— Вы желаете, чтобы мы пили съ вами? — спросилъ Брогденъ. — Неужели вы настолько…

— Полно, полно, — весело остановилъ его главный разбойникъ. — Впрочемъ, вы, конечно не понимаете… Видите ли, нѣсколько времени тому назадъ одинъ изъ нашей компаніи замѣтилъ васъ; я не явился представиться вамъ, потому, что мы были очень заняты. Понявъ же ваши намѣренія, я не мѣшалъ вамъ, такъ какъ мнѣ представилось, что вы украсите нашъпервоначальныйсцейарій какими-нибудь варіантами. Мы всегда соглашаемся на измѣненія, предложенныя намъ изобрѣтательными посторонними лицами. Знаете, молодой человѣкъ, мнѣ кажется, вы прекрасный стрѣлокъ, — обратился онъ къ Ларри. — Когда мы увидѣли, что вы задумали сдѣлать, я не вмѣшался, такъ какъ самъ спортсмэнъ, но я готовъ былъ держать пари, что вы не перебьете веревки маленькой пулей. Выстрѣлъ вамъ удался и вашъ подвигъ увѣковѣченъ… Это былъ

замѣчательный выстрѣлъ и вы внесли отличную поправку въ нашу картину. Вы видили, какъ мы тутъ дѣйствовали, но сцена, въ которой участвовали вы — въ тысячу разъ лучше всего остального и, если бродвейская кинематографическая компанія имѣетъ хоть крупицу чувства благодарности, вы будете получать отличную поспектакльную плату.

Брогденъ слушалъ, и мало по малу его умъ освѣщался пониманіемъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло! — протянулъ онъ. — Ну, вы порядкомъ смутили моего друга, м-ра Ларри Хека, и меня. Теперь я вижу, что все хорошо и что ваши дикіе индѣйцы — статисты. Но, Боже мой, зачѣмъ вы, ради фильмы предприняли такое огромное путешествіе?

— Мѣстный колоритъ, мой дорогой сэръ, очень важная вещь, — отвѣтилъ господинъ въ сомбреро. — Наша фирма даетъ самыя реалистическія картины. Въ настоящее время мы репетируемъ большую драму, которая заставитъ милѣйшій Нью-Іоркъ широко открыть ротъ. Наша фирма очень богата, и вотъ за тѣмъ отдаленнымъ мысомъ стоитъ настоящій корабль, на которомъ мы обогнули половину земного шара. Закончимъ мы нашу пьесу только черезъ два года. Скажите, мистеръ, слыхали ли вы когда-нибудь объ актрисахъ — Кристаль Рейсъ и Мези Корнъ? Ну-съ, первая изъ этихъ звѣздъ та лэди, которую вы спасли изъ воды, второй же вы еще не видали; джентльмэнъ во фланелевомъ костюмѣ нашъ премьеръ — Укльсъ. Недурной составъ?

……..

БРОДЯЧІЙ РЫЦАРЬ

Разсказъ Э. Маршаллъ

Я НЕ имѣлъ права сѣсть подлѣ костра, горѣвшаго желтоватыми языками среди тѣней и полусвѣта лунной ночи. Не имѣлъ я также права слушать разсказъ, лившійся изъ устъ Чарли, у котораго нѣтъ другого имени въ мірѣ бродягъ.

И я, дѣйствительно, не сидѣлъ бы въ этомъ кружкѣ., если бы не мой милый профессоръ Сендхерстъ. Мы разговаривали съ нимъ объ «Этюдахъ по соціологіи», книгѣ, которую я писалъ, и именно о главѣ, касавшейся извѣстныхъ фазисовъ «Страсти къ странствованіямт».

— Будь я такъ молодъ, какъ вы, д-ръ Форестъ, — сказалъ онъ мнѣ, поблескивая своими сѣрыми глазами, — я изъ первыхъ рукъ собиралъ бы матеріалы для этой главы, а не черпалъ ихъ изъ книгъ.

— Что вы хотите сказать? Вы желаете, чтобы я переодѣлся бродягой и…

— И ѣли бы изъ ихъ котловъ…

— Запивая похлебку свареннымъ ими пивомъ? Да?

— Вотъ, вотъ. Каждую ночь вы встрѣтите бездомныхъ на окраинахъ города.

И вотъ я, во фланелевой рубашкѣ, въ широкихъ, испятнанныхъ краской шароварахъ, съ измятой шляпой на головѣ, доходившей мнѣ до ушей, чтобы скрыть мои короткіе волосы, направился къ маленькой ложбинѣ, изъ которой мерцало пламя. Огненные языки сказали мнѣ, что въ лощинѣ я

встрѣчу предметы для моихъ наблюденій. Не подозрѣвая «обмана», оборванцы дали мнѣ мѣстечко подлѣ костра.

— А вы думаете у нихъ нѣтъ своихъ печалей? — началъ Чарли. — Вотъ у такихъ, — и онъ своей худой коричневой рукой показалъ на удалявшійся свѣтъ сильнаго задняго фонаря автомобиля, который только что промчался къ городу. — Вамъ представляется, что все у нихъ всегда идетъ гладко, — продолжалъ онъ. — Такъ кажется намъ. Но вы ошибаетесь. Разокъ мнѣ удалось заглянуть къ нимъ, и съ тѣхъ поръ я совсѣмъ иначе сужу о нихъ.

Онъ наклонился и чистой щепкой помѣшалъ варево. Въ эту минуту я съ тяжестью на сердцѣ увидѣлъ, какъ было худо и морщинисто его лицо и сколько сѣдины примѣшивалось къ его волосамъ. Но главное меня поразили глаза Чарли. Я никогда не забуду ихъ. Угасшими казались они, зато сѣть морщинъ около нихъ пролила бы благословеніе въ душу человѣка, потерявшаго вѣру въ добро.

— Странная это исторія, — опять заговорилъ Чарли. — Она касается меня, отчасти, а еще — ребенка, одного джентльмена и одной женщины. А больше всего, — его глаза блеснули, — а больше всего собаки… собаки, о которой я говорю только въ особыхъ случаяхъ.

— Это была маленькая собачка, Питеръ? — спросилъ худощавый человѣкъ, сидѣвшій съ противоположной отъ Чарли стороны костра.

— Да, да. Очень многіе слыхали о Питерѣ, Въ то время, о которомъ я говорю, я былъ на сѣверѣ. Стояла отличная осенняя погода, съ теплыми ароматными днями; ночью же бывало достаточно вѣтра съ океана, чтобы человѣкъ радовался, что у него есть, чѣмъ прикрыть свое тѣло.

«Питеръ, какъ всегда, бѣжалъ за мной; онъ былъ доволенъ, вполнѣ доволенъ. Иногда онъ останавливался и лаялъ, просто такъ, отъ радости; это былъ веселый, счастливый лай. И, повѣрьте, если бы я могъ, я лаялъ бы заодно съ нимъ. Потомъ онъ обгонялъ меня, шелъ впереди, такъ важно, степенно, и ни Богъ, ни человѣкъ не могъ бы сказать, что въ слѣдующую минуту выдумаетъ мой малышъ. Питера я не могъ считать собакой; въ немъ жили такія мысли, такія чувства, какихъ нѣтъ у животныхъ, да и у многихъ людей также… включая и меня.

«Онъ былъ бѣлый, съ небольшими черными пятнами, которыя придавали ему видъ породистаго пса. Его шерсть вилась, а пятнышки вокругъ глазъ походили на очки. На его черномъ лбу бѣлѣлъ полумѣсяцъ. Ростомъ онъ былъ чуть-чуть покрупнѣе молодой лисицы; несмотря на недостатокъ силы, относился онъ къ людямъ довѣрчиво, и такъ уважалъ себя, какъ немногіе изъ людей. Мы чувствовали себя счастливыми вмѣстѣ,

счастливыми, когда бродили, когда мечтали, когда голодали или пирогали; все намъ было нипочемъ. По ночамъ мой песикъ ложился подлѣ меня и прижих алъ свой холодный носикъ къ моей шеѣ.

«Я уже сказалъ вамъ, что мы брели на сѣверъ, и вотъ однажды пришли къ развътвленпо дорогъ. Я сразу сообразилъ, что это не развѣтвленіе, а объѣздъ; отъ главной дороги отходила скалистая дорожка и, судя по направленію и расположенію мѣстности, я рѣшилъ, что дальше она соединялась съ большимъ шоссе. Мѣстами объѣздъ поросъ травой: видимо, по дорожкѣ мало ходили и ѣздили, хотя въ былое время она могла служить большой дорогой. Питеръ очень любилъ именно такія заросшія дорожки, и завернулъ на нее. Нечего и говорить, что я двинулся за нимъ. Я пошелъ бы за Питеромъ хоть въ адъ, вздумай маленькій упрямецъ отправиться въ пекло.

«Такъ мы шли; дорога дѣлалась хуже; встрѣчались чурбаны, обломки скалъ, глубокія поросшія травой выбоины. Скоро мы натолкнулись на ручей, — славный такой, журчащій и глубокій. Подлѣ него мы остановились, чтобы поѣсть и запить ѣду водой. Прежде черезъ ручей перекидывался мостъ; вѣроятно, это было въ тѣ дни, когда дорожка служила главнымъ путемъ, — но теперь мостъ обвалился и сгнилъ. Уцѣлѣло всего одно бревно, которое могло служить кладкой для такихъ путниковъ, какъ мы съ Питеромъ. Нѣкоторыя собаки побоялись бы итти по этой балкѣ, но не Питеръ. Онъ, не сморгнувъ, затопалъ по кладкѣ вслѣдъ за мной. Думается мнѣ, что мой малышъ ступалъ увѣреннѣе, чѣмъ я.

«Мы закусили; подходилъ закатъ, и мы съ Питеромъ двинулись дальше, спрашивая себя, дойдемъ ли мы къ ночи до большой дороги. Идя по маленькой дорожкѣ, мы увидѣли длинную каменную ограду, которая тянулась по ея краю. Черезъ нѣсколько саженъ мы увидѣли небольшую рѣшетчатую калитку, и ни Питеръ, ни я не удержались отъ желанія заглянуть черезъ ея рѣшетчатыя створки. Вы всѣ знаете крупные загородные дома на окраинахъ городовъ. Ну, такого, какъ тотъ, рѣдко удавалось мнѣ видѣть. Кругомъ него росли огромныя деревья; между ними были дорожки, а по ихъ окраинамъ стояли скамейки; посреди лужайки билъ фонтанъ, красивый, журчащій. Дальше между деревьями темнѣлъ большой барскій высокій мрачный домъ.

«Я опустилъ глаза на Питера; мнѣ хотѣлось узнать, что думаетъ объ этой картинѣ мой песикъ, и я увидѣлъ, что онъ носомъ такъ и втягиваетъ воздухъ, такъ и втягиваетъ; нюхаетъ', значитъ, и въ то. же время сильно размахиваетъ хвостомъ. Сначала я не понялъ, почему онъ такъ волнуется, но, посмотрѣвъ хорошенько, замѣтилъ то, чего сразу не разглядѣлъ. На

одной изъ скамеекъ сидѣла женщина и читала книгу. Судя по ея переднику и наколкѣ на головѣ, я понялъ, что это одна изъ служанокъ хозяевъ дома; футахъ въ двѣнадцати отъ нея я также замѣтилъ сидѣвшаго въ травѣ маленькаго мальчика.

«Этотъ-то мальчилъ и привлекалъ Питера, Онъ былъ такой чистенькій, миленькій, въ носкахъ до щиколотокъ и въ голубомъ костюмчикѣ. Его волосы казались золотомъ въ лучахъ солнца. Но онъ не бѣгалъ и не рѣзвился, какъ подобаетъ ребенку, а неподвижно сидѣлъ въ травѣ и смотрѣлъ куда-то прямо передъ собой.

«Минуты черезъ двѣ онъ сказалъ что-то такимъ жалобнымъ, такимъ нѣжнымъ голоскомъ. Мы съ Питеромъ были далеко отъ него и не могли разслышать словъ; няня же услышала, оторвалась отъ книги и посмотрѣла на малыша.

«— Сейчасъ же идите сюда! — приказала она.

«Ея-то слова мы отлично разслышали; она говорипа громко и бранчливымъ тономъ. Питеръ сердито посмотрѣлъ на нее. — Сейчасъ сюда, — продолжала няня, — и я отведу васъ въ домъ.

«Мальчикъ поднялся съ травы, но необыкновенно медленно. Раза два онъ качнулся на ножкахъ, потомъ пошелъ осторожно, заботливо, и при этомъ вытягивалъ передъ собой руку»; вдругъ онъ упалъ ничкомъ въ траву.

«Когда дѣвушка подянла его и поставила на ноги, мы услыхали звукъ, который заставилъ меня выбраниться, какъ разбойникъ. Звукъ этотъ было заглушенное рыданіе, и въ немъ я уловилъ печаль ребенка, душу раздирающую печаль. Питеръ глухо заворчалъ, и на всей его спинѣ поднялась шерсть.

«Служанка и ребенокъ ушли въ домъ; Питеръ и я остались вдвоемъ раздумывать о томъ, что это значило. Можетъ быть, Питеръ отлично зналъ, что было съ маленькимъ богатымъ мальчикомъ; собаки понимаютъ многое, недоступное намъ. Мнѣ же только хотѣлось исколотить жившихъ въ большомъ домѣ, всѣхъ, кромѣ маленькаго мальчика.

«Мы съ Питеромъ пошли дальше, оба задумчивые, и скоро увидѣли конецъ сѣрой ограды. Солнце садилось; съ запада налетѣлъ вѣтеръ, въ которомъ чувствовалась холодная струя.

«— Знаешь, Питеръ, будетъ морозная ночь, — сказалъ я, — на нашу бѣду здѣсь не много сѣнныхъ сараевъ и овиновъ.

«Но Питеръ помахалъ хвостомъ, совсѣмъ безпечно. Ну, понятно, я тоже успокоился. Мы вышли на прежнюю большую дорогу, которая приходилась почти подъ прямымъ угломъ къ сѣрой стѣнѣ. Тутъ мы замѣтили, что ограда нѣсколько времени тянулась по главному шоссе и что

такимъ образомъ богатзя усадьба была съ двухъ сторонъ окаймлена дорогами. Насъ это огорчило, потому что и Питеръ, и я разсчитывали натолкнуться на обыкновенный теплый фермерскій овинъ.

«— Какъ бы намъ устроиться, чтобы не замерзнуть до смерти, Питеръ? — спросилъ я. — Ты чувствуешь этотъ вѣтеръ?

«Едва я окончилъ говорить, какъ замѣтилъ впереди, на дорогѣ, большую автомобильную карету, совсѣмъ закрытую; подлѣ нея мы не увидѣли ея владѣльцевъ. Я не могъ понять, почему кто то бросилъ свой автомобиль на ночь, но я былъ достаточно старъ и достаточно набродился по бѣлу свѣту, что бы п о н имать, сколько непонятнаго есть въ мірѣ. Итакъ, я пересталъ ломать себѣ голову.

«Ежеминутно темнѣло, да и холодъ становился сильнѣе.

«— Не подойти ли намъ къ каретѣ и не вообразить ли на нѣсколько минутъ, что она наша? — предложилъ я Питеру. — По всему видно, что хозяинъ бросилъ свой экипажъ на ночь. Только подумай, Питеръ, какъ было бы хорошо улечься въ каретѣ между подушками. А если бы мы увидали, что внутри слишкомъ нарядно и побоялись оцарапать окраску, мы могли бы взять пледъ… понятно взять только на одну ночь.

«Говоря такъ, я подошелъ къ автомобилю и сдѣлалъ видъ, что собираюсь миновать его. Дѣйствительно, казалось, экипажъ бросили; поэтому я остановился, заглянулъ въ его окно, потомъ открылъ дверцу.

«— Да, «авто» брошенъ на цѣлую ночь, — сказалъ я Питеру. — Мы отлично можемъ взять пледъ, забраться внутрь кареты и отдохнуть въ ней немного.

«И я началъ влѣзать въ автомобиль. Вдругъ что-то твердое и холодное ударило меня въ бокъ, а что-то другое поднялось съ груды пледовъ на серединѣ широкаго сидѣнья.

«— Вы полагаете, что можете войти сюда? Да? — прозвучалъ голосъ, тоже холодный и рѣзкій. — Ну ка, руки вверхъ, если не желаете получить пулю въ лобъ.

«Упрямиться не стоило. На сидѣньи угнѣздился человѣкъ небольшого роста, но крѣпко и ‘увѣренно державшій свой маленькій револьверъ. При свѣтѣ вспыхнувшей въ каретѣ электрической лампы я увидѣлъ, что прикладъ оружія ничуть не колебался. Было ясно, что этотъ господинъ говорилъ не на вѣтеръ.

«Мы, съ минуту смотрѣли другъ на друга, мигая, точно двѣ старыя совы.

«_ Вы походите на невоспитаннаго грубаго бродягу худшаго сорта, — сказалъ онъ.

«— Спасибо, — отвѣтилъ я. — У васъ же приличный видъ, зато ваши вещи довольно непривлекательны… я говорю о револьверѣ…

«Этотъ отлично одѣтый джентльмэнъ, видимо, принадлежалъ къ богатому классу. Его чисто выбритое лицо было холодно, точно высѣчено изъ гранита, и онъ смотрѣлъ на мечя каменнымъ взглядомъ; такъ могъ бы смотрѣть побывавшій въ аду человѣкъ, который окаменилъ себя, чтобы скрыть то, что онъ видѣлъ и что принесъ.

«— Итакъ, вы думали украсть мой плодъ? — насмѣшливо спросилъ онъ меня.

«— Немножко ошибаетесь, — отвѣтилъ я, — Я думалъ его взять на время. Мы съ Питеромъ хотѣли отдохнуть въ удобномъ мѣстѣ. Вы сами видите: холодновато.

«— Холодно, а? — произнесъ онъ, точно услыхавъ только мое послѣднее слово. — Правда, холодно. Сядьте ка сюда, въ уголокъ. Можетъ быть, мы съ вами потолкуемъ.

«Я безъ сопротивленія исполнилъ его желаніе.

«Онъ все еще перебиралъ руками свой револьверъ, но уже не цѣлился въ меня. Питеръ тоже забрался въ автомобиль и помѣстился между моими колѣнями.

«— Да, вы не изъ совѣстливыхъ, — проговорилъ хозяинъ автомобиля.

«— Вѣроятно, съ вашей точки зрѣнія, — согласился я.

«— И я радъ этому, — продолжалъ онъ и, замолчавъ, сильнѣе прежняго, сжалъ губы. — Вы странствуете, — опять заговорилъ онъ, — и это дало мнѣ одну идею. Слушайте. Я хочу дать вамъ на выборъ два исхода, ровно два. Или вы станете еще хуже, чѣмъ были прежде, или отправитесь въ тюрьму за кражу моего пледа.

«Я повернулся къ нему, и мы взглянули другъ другу въ глаза. Мнѣ кажется, я ни разу не моргнулъ, но думалъ, думалъ.

«— А что вы хотите мнѣ предложить? — спросилъ я наконецъ.

«Онъ колебался, и я понялъ, что онъ доведенъ до отчаянія. На его лицѣ были глубокія морщины, точно у старика, а въ его волосахъ, которымъ еще слѣдовало быть темно-каштановыми, пестрѣла сѣдина.

«— Да, вы станете гораздо худшимъ человѣкомъ, — продолжалъ онъ. — Но вѣдь если вы можете украсть пледъ, вы можете украсть и…

«— Все что угодно, — подсказалъ я, чтобы ободрить его.

«— Ребенка, — поправилъ онъ меня.

«— Что вы хотите сказать… Ребенка? — спросилъ я въ недоумѣніи. — А когда собираетесь вы заставить меня сдѣлать это?

«— Теперь же, ночью. Исполните мое желаніе — заработаете сотни

двѣ фунтовъ. Если вамъ кража не удастся, вы отправитесь въ тюрьму и, по всѣмъ вѣроятіямъ, долго останетесь тамъ, хотя я сдѣлаю для васъ все, что только возможно. Если вы откажетесь исполнить мое требованіе, вы все равно попадете въ тюрьму за попытку украсть мой пледъ.

«— Я не хотѣлъ красть вашего пледа, — началъ я. — Я только собирался… — Я замолчалъ, потому что глаза этого человѣка вспыхивали и потухали. Я началъ съ другого конца — Какъ ваша фамилія? — задалъ я вопросъ.

«— Какое вамъ до этого дѣло?

«— Мнѣ просто хотѣлось сказать вамъ, м-ръ «какъ васъ тамъ зовутъ», что я не привыкъ похищать дѣтей. Питеръ и я любимъ бродяжничать, это вѣрно, но мы не дѣлаемъ такихъ вещей, изъ-за которыхъ насъ могли бы запереть вотъ въ такихъ четырехъ стѣнахъ. — Я указалъ на сѣрую стѣну, виднѣвшуюся при свѣтѣ звѣздъ. — Повторяю, я не краду дѣтей.

Помните, что я сказалъ, — его голосъ напоминалъ лязгъ стали, — за покушеніе на кражу вы отправитесь вотъ за такую стѣну; если же вы утащите ребенка, вы получите свободу и двѣсти фунтовъ.

«— Нѣтъ, — возразилъ я, кажется, тоже стальнымъ голосомъ, — я этого не сдѣлаю. — (Теперь я былъ увѣренъ въ себѣ).

«— Прекрасно, — сказалъ онъ. — Черезъ десять минутъ вернется мой шоферъ, который ушелъ съ моимъ порученіемъ, и вы отправитесь въ тюрьму.

«— Не думаю, — спокойно возразилъ я. — Не забывайте, что на судѣ я могу разсказать исторію о томъ, какъ вы старались подкупить меня и уговорить украсть ребенка.

«— Никто не повѣритъ вамъ, — возразилъ онъ.

«— Можетъ быть, и нѣтъ, — проговорилъ я. — Только вы достаточно крупный человѣкъ, чтобы вся эта исторія попала въ газеты, а кто-нибудь, пожалуй, и повѣритъ ей… напримѣръ — мать ребенка. Тогда ваши шансы со временемъ получить малыша совершенно погибнутъ.

«Послѣднія фразы были сказаны наудачу, но попали прямо въ цѣль. При тускломъ свѣтѣ звѣздъ я увидѣлъ, что его лицо стало совсѣмъ сѣрымъ, а пальцы сжали револьверъ.

Я увидѣлъ, что его лицо стало совсѣмъ сѣрымъ, а пальцы сжали револьверъ…

«— Это правда, — сказалъ онъ. — Но если я замѣчу, что вы хотите сдѣлать хоть шагъ, чтобы нарушить мои планы, — (тутъ его голосъ прямо заскрипѣлъ), — я убью васъ, здѣсь… на мѣстѣ… сію минуту.

«Говорилъ ли онъ серьезно? О, конечно. Его губы искривились, показавъ зубы, и я почувствовалъ, что холодный потъ выступилъ у меня на лбу.

«— Я и не подумаю мѣшать вамъ, — успокоилъ я его.

«— Ну, смотрите же, — прохрипѣлъ онъ. — А, теперь, если вы не хотите мнѣ помочь, уходите.

«Услыхавъ слово: «уходите», я приподнялся съ мѣста, но тотчасъ же подарилъ въ себѣ желаніе бѣжать, Одно — отказать человѣку въ его требованіи, другое — пренебречь его просьбой о помощи.

«— Вы говорите «помочь»? — сказалъ я. — Я думалъ вы толковали о принужденіи, о каменныхъ стѣнахъ тюрьмы и тому подобныхъ вещахъ?

«— Даю слово! — онъ спряталъ свой револьверъ въ карманъ.

«— Да, да, я прошу у васъ помощи. — Казалось, онъ внезапно ослабѣлъ, сломался, какъ ломается таящій весной ледъ. — Если вы мнѣ поможете, вы получите двѣсти фунтовъ.

«Мнѣ стало жаль его; онъ такъ дрожалъ.

«— Перестаньте говорить о день-гахъ, — прервалъ я его. — Питеръ и я ни за что не рискнули бы свободой за всѣ тысячи въ вашемъ банкѣ; но помочь человѣку другое дѣло. Что, если вы скажете Питеру и мнѣ все откровенно? Это не пойдетъ дальше. Мы съ Питеромъ умѣемъ хранить тайны.

«Онъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и рѣшился.

«— Слушайте, — сказалъ богачъ-бѣднякъ. — Дѣло не въ похищеніи. Мнѣ нуженъ человѣкъ, умѣющій открывать отмычками двери, способный, въ случаѣ нужды, сбить съ ногъ лакея. Я хочу украсть моего собственнаго сына.

«— Вашего собственнаго сына? — удивился я. — Какъ же такъ?

«— Мои имя и фамилія Френкъ Марстонъ, — сказалъ онъ. — Вы когда-нибудь слыхали обо мнѣ?

«Конечно, я слышалъ о немъ. Вѣроятно, всѣ знаютъ это имя. Зналъ я и о разводѣ Марстона, о томъ, какъ его женѣ удалось разными уловками заполучить часть его денегъ и опекунство надъ ребенкомъ. Послѣ развода она вышла замужъ за своего шоффера. Нехорошая исторія; я хочу сказать: нехорошую роль сыграла въ ней эта женщина.

«— Да, м-ръ Марстонъ, — сказалъ я, перебравъ въ умѣ все, что слышалъ. — Итакъ, вы собираетесь украсть вашего ребенка отъ его матери?

«— Да, я хочу украсть моего мальчика, моего несчастнаго маленькаго мальчика, — почти прокричалъ онъ. — Она обманомъ отняла его отъ меня и совсѣмъ не изъ любви къ нему. Нѣтъ, нѣтъ, она его не любитъ. Она это сдѣлала на-зло мнѣ; а теперь не позволяетъ мнѣ даже видѣться съ нимъ.

Въ эту минуту я вспомнилъ то, что видѣлъ вечеромъ.

«— Онъ живетъ вотъ за этой сѣрой стѣной?

«— Да; и на старую дорогу выходитъ маленькая калитка. Мы съ вами могли бы ночью прокрасться черезъ нее…

«— Вашъ сынъ — маленькій мальчикъ въ синемъ костюмѣ? Да? И онъ смотритъ неизвѣстно куда? Смотритъ «на ничто»?

«— На ничто? — въ горлѣ Марстона послышался странный звукъ. — Да. Цѣлый день у него передъ глазами тусклый сѣрый мракъ… Да, да… мой мальчикъ… слѣпой.

«— Я помогу вамъ взять его, — сказалъ я.

«— Но это еще не все, — продолжалъ бѣдный богачъ. — На глазахъ мальчика катарактъ, особая форма катаракта, а вы знаете, что нынѣшніе врачи умѣютъ снимать катаракты. Но его мать не пожелала попытаться исцѣлить моего бѣдняжку. Сотни разъ я предлагалъ ей заплатить за операцію; она не соглашалась. Изъ досады, на-зло мнѣ, изъ мести… О, это страшная жестокость! — И онъ застоналъ, какъ раненое животное. — Меня убиваетъ мысль о немъ…

«— Я пойду съ вами, — опять сказалъ я, чувствуя, что во мнѣ что-то разгорается съ удивительной силой.

«— Невозможно повѣрить, что она оставляетъ его безъ помощи, и бѣдный малютка день-изо-дня живетъ въ темнотѣ и ручонками ощупываетъ дорогу… Даже слуги и служанки относятся къ нему небрежно… Я не въ состояніи выносить этого… Потребовать моего сына отъ нея судомъ я не могу; она связала меня по рукамъ и ногамъ. Одно средство — украсть его… Я собирался попытаться сдѣлать это сегодня ночью, одинъ.

«— А теперь насъ трое, — сказалъ я, — вы, Питеръ и я.

«— Питеръ? Вы хотите сказать…

«— Да, я говорю о моей собакѣ.

«— Но что можетъ сдѣлать она?

«— Пока еще не знаю, — отвѣтилъ я. — Но вы можете расчитывать на Питера. Онъ всегда придумываетъ что-нибудь умное.

«— Сейчасъ вернется мой шоффeръ, — продолжалъ Мартсонъ. — Ночью онъ будетъ насъ ждать подлѣ развѣтвленія двухъ дорогъ. Я рѣшилъ какими бы то ни было средствами добыть моего мальчика, подкупомъ ли или силою, и позже встрѣтиться съ шоффeромъ. Вь нѣсколькихъ миляхъ меня ждетъ паровая яхта, и мы съ моимъ сыночкомъ уплывемъ туда, гдѣ найдутся врачи, которые возвратятъ ему зрѣніе…

«— Я буду помогать вамъ до послѣдней минуты, — услыхалъ я свой собственный шепотъ и нѣсколько разъ повторилъ эти слова.

«Вернулся шоффeръ; Марстонъ все объяснилъ ему. Этотъ шзфферъ мнѣ не понравился, показался мнѣ трусомъ, и я понялъ, почему Марстонъ не хотѣлъ взять его съ собой въ домъ. «Авто» отвезъ насъ къ развѣтвленію дорогъ, и мы трое вышли изъ кареты; шзфферъ остался на козлахъ.

«Марстонъ взялъ изъ экипажа отмычку, щипцы и ящикъ, какъ я догадался, съ инструментами. Потомъ онъ, Питеръ и я двинулись по каменистой старой дорогѣ къ калиткѣ сада. Намъ пришлось медленно и осторожно пробираться по бревну-кладкѣ,—«намъ», то есть Марстону и мнѣ, Питеру же темнота не мѣшала. Въ водѣ дрожали отраженія звѣздъ; луны не было.

«Вотъ мы подошли къ сѣрой стѣнѣ ограды и подъ ея прикрытіемъ двинулись дальше. Марстонъ былъ впереди, за нимъ скользилъ я; Питеръ прижималъ свой носъ къ моимъ щиколоткамъ. Калитка Сказалась запертой на ключъ, но черезъ нѣсколько мгновеній я распахнулъ ея створки…

«Между ароматными клумбами и цвѣтущими кустами крались мы по усыпаннымъ гравіемъ дорожкамъ, наконецъ, очутились подлѣ большого громоздкаго дома и скоро остановились подлѣ двери въ кухню.

«— Что у васъ въ ящикѣ? — спросилъ я Марстона.

«— Хорошенько самъ не знаю, — былъ отвѣтъ. — Мнѣ его далъ одинъ мой пріятель, бывшій сыщикъ.

«— Лучше посмотримъ, что тамъ, — предложилъ я.

«Онъ открылъ ящичекъ, зажегъ свой электрическій фонарь, и я увидѣлъ полный наборъ воровскихъ инструментовъ.

«— Первая комната справа отъ служебной лѣстницы, — шепнулъ мнѣ Марстонъ, — намъ придется пройти черезъ спальню камердинера.

«Раньше онъ не говорилъ мнѣ объ этой подробности, но я только улыбнулся.

«— Еще одно, — сказалъ я ему: — если со мной случится какая-нибудь непріятность… Все можетъ быть, выстрѣлъ изъ темноты или еще что-либо въ этомъ родѣ; такъ обѣщайте мнѣ позаботиться о Питерѣ.

«— До конца жизни буду заботиться о немъ, — горячо отвѣтилъ Марстонъ.

«Я не сталъ медлить и отомкнулъ дверь.

«— Жди насъ здѣсь, Питеръ, — шепнулъ я моему песику, — да смотри, ни звука!

«Нѣсколько времени мы ощупью бродили по кухнѣ, ощупью же нашли лѣстницу и двинулись по ней. Я впереди; за мной Марстонъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы вошли въ большой, очень длинный голль верхняго этажа. Въ отдаленномъ его концѣ горѣла одинокая электрическая лампочка.

«— Вы думаете, дверь въ спальню заперта? — спросилъ я.

«— Конечно; кромѣ того, «она» велитъ слугѣ спать въ комнатѣ рядомъ со спальней моего бѣднаго мальчика.

«— Ничего, — успокоилъ его я. — Откройте-ка опять вашъ ящикъ.

«Онъ исполнилъ мою просьбу, а я вынулъ изъ шкатулки пару маленькихъ, сильныхъ щипцовъ и сказалъ:

«— Можетъ быть, дверь замкнута, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, ключъ остался въ замкѣ.

«Говоря это, я всунулъ щипчики въ отверстіе для ключа; одно усиліе — и дверь открылась.

«Кто-то шумно дышалъ въ первой комнатѣ. Изъ сосѣдней спальни доносилось легкое нервное дыханіе. Марстонъ услышалъ его и слегка застоналъ. Вѣроятно, именно это и разбудило лакея. Онъ сѣлъ на своей постели, а черезъ мгновеніе соскочилъ на полъ, но не закричалъ. Мои глаза уже привыкли въ темнотѣ, и я увидѣлъ, какъ огромный малый въ пиджакѣ медленно направлялся въ мою сторону. Я размахнулся отмычкой и ударилъ его по головѣ, — не очень сильно, чтобы не убить, а только оглушить, — и онъ, дѣйствительно, безъ чувствъ упалъ поперекъ постели.

«— Ну, другъ мой, ты проснешься съ сильной головной болью, — подумалось мнѣ».

«Не долго размышляя, мы вошли въ сосѣднюю спальню; фонарикъ Марстона освѣтилъ нѣжное личико и золотистые волосы на подушкѣ.

«Меньше чѣмъ черезъ секунду ребенокъ былъ у меня въ рукахъ. Мы поспѣшно спустились съ лѣстницы и, къ несчастью, не слишкомъ осторожно вбѣжали на кухню. Вверху послышался крикъ, вспыхнулъ свѣтъ. Когда я выбѣгалъ изъ сѣней, кто-то спустился съ лѣстницы и кинулся на Марстона. Топотъ ногъ; тяжелое усиленное дыханіе. Шла ожесточенная борьба. Потомъ хлопнула дверь, и ко мнѣ подбѣжалъ Марстонъ.

«— Еще слуга, — пробормоталъ онъ.

«— А какъ вы его угостили? — спросилъ я, двигаясь дальше.

«— Толкнулъ въ чуланъ, свалилъ съ ногъ и заперъ на ключь.

«— Хорошо, — одобрилъ я, и мы побѣжали черезъ садъ. Малышъ вѣсилъ не больше пятидесяти фунтовъ, однако, человѣкъ не можетъ побить рекордъ бѣга съ такимъ грузомъ. Волосы мальчика развѣвались около его лица, и онъ все еще былъ въ полуснѣ.

«— Не бойся, не бойся, — шепталъ я ему на бѣгу. — Тутъ твой папа, твой папа.

«Даю слово, ребенокъ повѣрилъ мнѣ. Онъ совсѣмъ не хныкалъ. И мы все время бѣжали, бѣжали изо всѣхъ силъ. Питеръ не отставалъ отъ меня. Между тѣмъ во всѣхъ окнахъ дома появились огни. А ужъ шумъ!..

«— Мы успѣемъ благополучно добѣжать до калитки, — сказалъ я.

«Мы оглянулись. Изъ дома, мимо освѣщенныхъ оконъ бѣжала цѣлая армія слугъ. Одинъ, второй, третій, четвертый; ихъ черныя фигуры поочередно мелькали мимо пятенъ свѣта.

Да, да, мы благополучно добѣжимъ до калитки, — задыхаясь сказалъ Марстонъ. — Но что потомъ?

«Я понялъ, что онъ хотѣлъ сказать, а именно, что слуги нагонятъ насъ, когда мы будемъ нести мальчика съ каменистаго спуска дороги къ экипажу.

Казалось, мы потерпимъ неудачу почти въ минуту побѣды. Я невольно прошепталъ проклятіе.

«Теперь я уже не бѣжалъ, я летѣлъ съ грузомъ въ пятьдесятъ фунтовъ, и мы во-время добѣжали до калитки; преслѣдователи были отъ насъ сотняхъ въ двухъ шаговъ.

«— Что намъ дѣлать? — спросилт я. — Больше бѣжать я не могу. Я упаду и убью мальчика.

«— Бѣгите съ нимъ, — прошепталъ Марстонъ;—а я останусь здѣсь, подлѣ калитки, и постараюсь удержать ихъ, пока вы не вскочите въ автомобиль. — Отверстіе калитки узко.

«— Безь меня вы не удержите слугъ, — сказалъ я съ отчаяніемъ. — А малышъ не можетъ итти одинъ.

«Какъ разъ въ эту секунду мягкая голова Питера прижалась къ моей щиколоткѣ. Я остановился и спросилъ его:

«— Питеръ, мой маленькій песикъ, ты можешь сдѣлать «это»?

«Марстонъ зажегъ фонарикъ; я заглянулъ въ глаза моей собачки. Они сказали «да».

«Тогда я указалъ на краснѣвшій въ темнотѣ, задній фонарь автомобиля Марстона.

«— Иди на этотъ свѣтъ, — сказалъ я Питеру. — Иди туда и жди меня.

«Я опять указалъ на фонарь; Питеръ повернулся и посмотрѣлъ на него. И, увѣряю, маленькій бѣсенокъ помахалъ хвостомъ.

«Въ эту минуту я услышалъ трескъ вѣтвей позади себя и понялъ, что самый проворный изъ слугъ догналъ Марстона и началъ бороться съ нимъ. Тѣмъ не менѣе смотрѣть на нихъ я не сталъ; я просто поставилъ мальчика на землю сорвавъ съ себя шарфъ, — вотъ этотъ самый, который сейчасъ на мнѣ, — и съ быстротой молніи привязалъ одинъ его конецъ къ ошейнику Питера, а другой вложилъ въ руку мальчика. Я видѣлъ, что Питеръ отлично понялъ все.

«— Иди за собакой, — сказалъ я: малышу. — Она приведетъ тебя къ каретѣ, а черезъ минуту тамъ будемъ и мы съ папой.

«— Иди, куда собака поведетъ тебя, — гдѣ-то невдалекѣ послышался голосъ Марстона.

«— Веди, Питеръ, его прямехонько къ свѣту.

«Питеръ понялъ; такъ же вѣрно, какъ то, что я сижу съ вами у костра, мой песикъ понялъ меня. Колебался онъ? О, нѣтъ. Неземной голосъ, помогающій животнымъ и уставшій помогать людямъ, шепотомъ, на собачьемъ языкѣ, объяснилъ ему, что нужно дѣлать. Итакъ, они двинулись по каменистому спуску. Питеръ шелъ медленно; мальчикъ шагалъ за нимъ,

вцѣпившись въ шарфъ, и оба направлялись къ красному свѣту.

«Теперь я повернулся, чтобы помочь Марстону. Но онъ не нуждался во мнѣ. Ловкимъ пріемомъ бокса несчастный отецъ ударилъ своего противника снизу вверхъ въ кончикъ подбородка.

«— Гдѣ вы научились этому удару? — подумалъ я, увидавъ, какъ слуга зашатался.

«— Позаботьтесь о немъ, — сказалъ мнѣ Марстонъ, и я снесъ оглушеннаго лакея въ траву и оставилъ его тамъ. Мнѣ пришлось торопиться, потому что изъ чащи вынырнулъ другой преслѣдователь. Мой кулакъ попалъ въ его скупу, а когда онъ отшатнулся, Марстонъ ударилъ его въ жирный животъ. Онъ вскрикнулъ: «ухъ», нѣсколько разъ вздохнулъ и упалъ.

«Остальные двое подбѣжали къ калиткѣ. Судя по ихъ неувѣреннымъ движеніямъ, мы видѣли, что эти малые поняли близость опасности; такимъ образомъ мы не могли напасть на нихъ невзначай, какъ на двухъ первыхъ.

«Они насъ разглядѣли и кинулись къ намъ; началась свалка. Мы оба пострадали, но освободились отъ этихъ людей и пустились къ автомобилю.

«— Боже великій! — внезапно вскрикнулъ Марстонъ. Я никогда не слыхавъ такого ужаса въ человѣческомъ голосѣ. — Вѣдь тутъ нѣтъ моста, и мой мальчикъ не можетъ видѣть дороги!..

«Я также мгновенно вспомнилъ, что черезъ ручей мы перебрались по одному бревну, попытался сказать что-нибудь утѣшительное Марстону, но не могъ выговорить ни слова.

«— Я забылъ объ этомъ; Боже, прости меня, я совсѣмъ объ этомъ забылъ!.. — наконецъ, удалось мнѣ пробормотать.

«Мы бѣжали, пробираясь между булыжниками и крупными обломками скалъ, на забытой дорогѣ, и оба мысленно молили небо, чтобы намъ было дано догнать мою собаку и его сына раньше, чѣмъ они дойдутъ до разрушеннаго моста. Вѣдь мы знали, что шоферъ не могъ видѣть ихъ; автомобиль стоялъ слишкомъ далеко отъ ручья.

«Мы опоздали. Питеръ и мальчикъ двигались быстрѣе, чѣмъ я думалъ. И картины, которую мы увидѣли, подбѣжавъ къ берегу, я никогда не забуду, до самой могилы. Я ее видѣлъ вполнѣ ясно, потому что какъ разъ въ это время взошла луна и ея лучи проскользнули между вѣтвями деревьевъ. Марстонъ тоже видѣлъ все; онъ не шевелился и съ трудомъ сдерживалъ рыданія.

«Питеръ не обманулъ моего довѣрія. Онъ шелъ по опасному бревну, медленно переступая лапами; маленькій мальчикъ въ бѣлой ночной курткѣ двигался за нимъ, держась руками за мой шарфъ и поднявъ свои незрячіе

глаза къ звѣздамъ.

«Они скользили, покачивались, но нее шли и шли къ противоположному берегу.

«Вотъ почти все. Остальную дорогу до автомобиля я несъ мальчика, и за все это время онъ сказалъ только одно;

«— Мнѣ хочется оставить Питера у себя.

«Когда мы усадили его въ экипажъ, песикъ вскарабкался къ нему на руки и мальчикъ заплакалъ надъ нимъ; подумайте: заплакалъ своими слѣпыми глазами!.. Я положительно не могъ вынести этого. Итакъ, раньше, чѣмъ они уѣхали вь эту ночь, оставивъ меня на дорогѣ, я отдалъ Питера маленькому сыну Марстона»..

Вокругъ костра, отъ котораго остались только красные угли, наступило молчаніе.

— Какъ вы могли отдать собаку и зачѣмъ? — наконецъ, гнѣвно спросилъ я.

Старикъ бродяга отвернулся отъ насъ и отвѣтилъ только черезъ нѣсколько секундъ.

— Этотъ малышъ жилъ въ вѣчной темнотѣ, и у негб былъ только одинъ другъ — его отецъ, — тихо сказалъ Чарли, — Кромѣ того, я зналъ, что Питеръ скоро позабудетъ меня, такъ какъ мой песикъ сразу полюбилъ мальчика. Вдобавокъ, со мной онъ зачастую голодалъ, и я не всегда находилъ для него теплый пріютъ на ночь. Питеру лучше было уѣхать съ ними; я зналъ, что поступаю благоразумно.

«— Ты поѣдешь съ этимъ маленькимъ мальчикомъ, — сказалъ я моему песику, и онъ полизалъ мнѣ руку. — У тебя будетъ хорошій домъ, и ты скоро забудешь стараго Чарли.

«Марстонъ закрылъ своими руками лицо; потомъ онъ просилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ ними и крѣпко жалъ мнѣ руку. Но я отказался.

«— Изъ этого не выйдетъ ничего, кромѣ непріятностей, — прибавилъ я. — Я бродяга и, по всѣмъ вѣроятіямъ, останусь бродягой до смерти.

«— Въ такомъ случаѣ, не возьмете ли вы немного денегъ? — прошепталъ онъ.

«— Не въ настоящую минуту, — отвѣтилъ я. — Теперь они не удержались бы у меня. Вотъ, когда я совсѣмъ измучусь и не буду въ состояніи бродить по свѣту, я приду къ вамъ и, можетъ быть, вы пріютите

меня на мои послѣдніе дни.

«При свѣтѣ луны я увидѣлъ слезы въ его глазахъ, и дрожащимъ голосомъ онъ поклялся, что я всегда буду желаннымъ гостемъ въ его домѣ.

«— Я вернусь въ Англію, — прибавилъ Марстонъ, — когда глаза моего мальчика совсѣмъ поправятся и судъ дастъ мнѣ право заботиться о немъ. Тогда, сэръ, вы снова увидите вашу собаку.

«Они уѣхали; я остался на дорогѣ и попрежнему брожу въ ожиданіи ихъ возвращенія.

«Я хорошо поступилъ, что отдалъ Питера. Теперь онъ, конечно, привыкъ къ ихъ жизни и врядъ ли думаетъ обо мнѣ. Мале ъкій мальчикъ счастливъ съ нимъ, а у Питера всегда достаточно хорошей ѣды. Кромѣ того, онъ собака джентльмэновъ, а я вѣдь не джентльмэнъ»…

Луна поднялась высоко и нѣжно поцѣловала склоненную сѣдую голову.

АРІЯ ВЕРДИ

Разсказъ Марлея Робертса

КОГДА директоръ сказалъ все, что ему необходимо было сказать, и Эдуардъ Бріенъ вышелъ изъ театра, — онъ нашелъ у себя въ карманѣ всего восемнадцать съ половиною пенсовъ и, несмотря на это, считалъ себя въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ остальные товарищи. Благодаря забастовкамъ въ Ливерпулѣ, деньги въ теченіе десяти дней весьма плохо приливали въ кассу, и представленія шли, разумѣется, вяло» пока предпріятіе не кончилось полнымъ крушеніемъ; это окончательно сломило директора и заставило его плакать, какъ ребенка.

— Восемнадцать съ половиной пенсовъ, — сказалъ Бріанъ, — и серебряные часы!

Словно въ полуснѣ шелъ онъ по пустыннымъ улицамъ, ощупывая деньги, лежавшія въ карманѣ. Онъ долженъ былъ своей хозяйкѣ

шестнадцать шиллинговъ, затѣмъ ему необходимо было послать фунта два или болѣе своей женѣ, которая осталась въ Дерби, потому что была больна, не говоря уже о долгѣ доктору и аптекарю. Сверхъ всего этого, ему необходимо было имѣть еще фунта два, чтобы свезти жену и ребенка въ Лондонъ, гдѣ у него была единственная возможность найти себѣ работу.

— Мнѣ необходимо имѣть пять фунтовъ… пять фунтовъ! — сказалъ Бріанъ. — А тутъ всего восемнадцать съ половиною пенсовъ! И крошечные серебряные часы!

Хотя собственное сознаніе не можетъ служить доказательствомъ того, что человѣкъ дѣйствительно одаренъ талантомъ, Бріанъ тѣмъ не менѣе вѣрилъ въ свои способности. И думалъ такъ не онъ одинъ, всѣ кругомъ поддерживали эту вѣру. И въ результатѣ — всего восемнадцать съ половиною пенсовъ и серебряные часы!

— А у старика Таскера тысячи, тысячи, тысячи! — бормоталъ про себя Бріанъ, двигаясь впередъ по улицѣ.— Тысячи — и на ряду съ нилш восемнадцать съ половиною пенсовъ и серебряные часы! Но онъ ничего не дастъ мнѣ въ долгъ.

Симонъ Таскеръ былъ братъ его матери. Онъ давалъ деньги въ долгъ, но только тѣмъ, кто могъ платить ему проценты и способствовать такимъ образомъ приращенію его капитала.

— Онъ не дастъ мнѣ и восемнадцати пенсовъ съ половиной, — сказалъ Бріанъ. — И, однако…

Бріанъ никогда еще не просилъ у него денегъ съ тѣхъ поръ, какъ противъ желанія старика поступилъ на сцену. Старикъ Таскеръ, несмотря на то, что былъ самымъ обыкновеннымъ ростовщикомъ и не придерживался никакихъ правилъ чести въ своихъ дѣлахъ, питалъ странную, поистинѣ пуританскую ненависть къ сценѣ.

— Я ни разу не просилъ у него ни восемнадцати, ни даже полупенса, — сказалъ Бріанъ.

Такъ дошелъ онъ, наконецъ, до того дома, гдѣ жилъ; отворивъ дверь ключомъ, онъ вошелъ къ себѣ въ комнату, въ которой царилъ полный безпорядокъ, какимъ вообще отличаются комнаты бѣдняковъ-артистовъ. Онъ позвонилъ, и въ отвѣтъ на его звонокъ явилась самамистриссъ Кертенъ, которая думала, или надѣялась, по крайней мѣрѣ, получить отъ него деньги. Но, взглянувъ на него, она сразу поняла, въ чемъ дѣло.

— Плохи дѣла, мистеръ Бріанъ? — спросила она.

— Хуже не можетъ быть, — отвѣчалъ Бріанъ. — Мы обанкрутились… Общество наше обанкрутилось… директоръ даже плакалъ.

— Плакалъ? — спросила хозяйка.

— Какъ ребенокъ, — отвѣчалъ Бріанъ. — У меня имѣется всего восемнадцать съ половиною пенсовъ… и маленькіе серебряные часы.

Онъ вынулъ часы изъ кармана и показалъ ихъ. Мистриссъ Кертенъ опустилась на стулъ.

— Не говорите этого, — сказала она. — Вы разстраиваете мои нервы. Неужели вы ни у кого не можете занять денегъ?

— Въ Ливерпулѣ не могу. Дѣла здѣсь плохо идутъ, — отвѣчалъ Бріанъ. — У меня во всѣмъ мірѣ одинъ только родственникъ, но онъ не ссудитъ мнѣ и восемнадцати пенсонъ. Не знаю, право, что будетъ съ моей женой.

— Ахъ, не говорите этого, — воскликнула хозяйка, — вы разстраиваете мои нервы, я не знаю, гдѣ нахожусь. Я бѣдная женщина, и мнѣ тяжело потерять шестнадцать шиллинговъ!

— Я оставлю вамъ свои вещи, — отвѣчалъ Бріанъ, — а самъ отправлюсь въ Лондонъ и узнаю, не можетъ ли дядя помочь мнѣ. Когда я разскажу ему, что Эди и ребенокъ лежатъ больные въ Дерби, онъ, быть можетъ, сдѣлаетъ что-нибудь для меня… не правда ли, мистриссъ Кертенъ?

Но мистриссъ Кертенъ покачала головой.

— Что могу я вамъ отвѣтить на это? — сказала она. — Можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ. Вотъ все, что я знаю. А съ чѣмъ же вы поѣдете въ Лондонъ?

— Не… знаю, — отвѣчалъ Бріанъ. — Впрочемъ, знаю. Я заложу эти серебряныя часы.

Мистриссъ Кертенъ покачала головой и поспѣшно спустилась внизъ, чтобы приготовить ему чаю.

— Актеры все равно, что малыя дѣти, — думала она, спускаясь по лѣстницѣ.— Хорошій онъ малый, и я не могу быть жестокой съ нимъ.

Напившись чаю, Бріанъ отправился закладывать свои часы. Онъ получилъ за нихъ всего девятнадцать шиллинговъ — потому, что лично былъ извѣстенъ закладчику. Не будь онъ съ нимъ знакомъ, онъ получилъ бы за нихъ фунтъ. Получивъ деньги, онъ отправился не домой, а прямо на вокзалъ, чтобы тамъ ждать прибытія поѣзда, который долженъ былъ притти въ полночь. Пробило уже двѣнадцать часовъ, когда онъ узналъ, что поѣздъ прибудетъ не ранѣе восьми часовъ утра. Онъ вернулся домой, и мистриссъ Кертенъ очень обрадовалась, увидя его трезвымъ. Она знала очень хорошо, что бываетъ съ актерами, когда они закладываютъ свои часы. Она уложила его въ постель и обѣщала придти въ семь часовъ утра. Поѣздъ вышелъ изъ Ливерпуля въ девять часовъ и прошелъ всего тридцать миль до полудня. Пассажиры выходили изъ себя, но въ концѣ-концовъ должны были

примириться со случившимся. Бріанъ разговаривалъ съ ними, но тутъ же и забывалъ, что говорилъ. Скоро онъ такъ задумался, что совсѣмъ забылъ объ ихъ присутствіи. Какой-то пассажиръ предложилъ ему сандвичъ, и только два часа спустя Бріанъ сказалъ:

— Благодарю за сандвичъ.

— За какой сандвичъ? — спросилъ пассажиръ.

Бріанъ покачалъ головой и сказалъ, что ему показалось, будто онъ сейчасъ только съѣлъ его.

— Да вѣдь это было два часа тому назадъ, — отвѣчалъ пассажиръ.

— Два часа! — воскликнулъ Бріанъ. — Два часа! Простите, пожалуйста.

— Съ этой минуты онъ впалъ въ полное молчаніе, и только губы его безмолвно шевелились время отъ времени. Лицо у него было подвижное и выразительно, какое всегда бываетъ у артистовъ, и на немъ ежеминутно отражались всѣ мелькавшія въ головѣ его мысли. А передъ, умственнымъ взоромъ его постепенно проносилось все, что ждало его, какъ онъ думалъ, въ Лондонѣ. Не ссудитъ ли ему Пуль нѣкоторую толику денегъ? Или Падди Джонсъ, который часто и неизвѣстнымъ никому способомъ добывалъ откуда-то деньги? Затѣмъ онъ представлялъ себя у дверей дяди… Онъ разговорилъ съ нимъ. Старикъ былъ человѣкъ жестокій, но тутъ смягчился. И въ умѣ Бріана живо рисовалось зрѣлище скупца, который вдругъ раскаялся и превратился въ щедраго филантропа. Онъ подалъ ему толстую пачку банковыхъ билетовъ и назвалъ его «милымъ мальчикомъ». Но въ слѣдующую минуту ему представилось нѣчто другое: старый Симонъ не далъ ни одного пенса и выругалъ его проклятымъ попрошайкой. Бріанъ (въ своемъ воображеніи) спустился съ лѣстницы, опустивъ голову и дрожа отъ бѣшенства. «Я былъ бы готовъ убить его» — говорилъ себѣ Бріанъ. Онъ стиснулъ зубы. Сила бѣшенства взяла верхъ надъ его обычной сдержанностью. Ему снова представилась комната дяди, онъ услышалъ его сердитый, брюзжащій голосъ, услышалъ свой собственный сердитый, хриплый отвѣтъ. Увидѣлъ въ своей рукѣ револьверъ, вытащенный изъ кармана. Передъ умственнымъ взоромъ его прошла театральная сцена прошлаго года. Онъ спустилъ курокъ — и увидѣлъ на полу дядю, который корчился въ такой же театральной позѣ, въ какой корчился Недъ Брекъ, игравшій роль негодяя. Недъ Брекъ, доброй души и веселый человѣкъ, всегда игралъ старыхъ негодяевъ. «Я убью его, если онъ не поможетъ мнѣ», думалъ Бріанъ, мысленно возвращаясь къ дядѣ. Нѣтъ, онъ поможетъ. Ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не въ состояніи будетъ отказать ему, когда услышитъ его разсказъ. Онъ слышалъ уже, какъ старый Симонъ говорилъ

ему: «Глупъ ты, вотъ что, но разъ я долженъ… я долженъ. Получай десять фунтовъ».

Такія-то сцены разыгрывалъ Бріанъ самъ съ собою; мысли въ головѣ его слѣдовали за мыслями, не то во снѣ, не то наяву. Проходили цѣлые годы счастливой, мирной жизни съ Эди, и въ то же время мелькали мысли о возможномъ убійствѣ, за которое его приговариваютъ къ повѣшенію; но, и будучи повѣшеннымъ, онъ остается живымъ и становится знаменитымъ артистомъ. Онъ видитъ толпу зрите, лей… Его посвящаютъ въ рыцари… Толпа рукоплещетъ ему, выслушавъ разсказъ о томъ, что у него когда-то было всего восемнадцать съ половиною пенсовъ и серебряные часы. Кто-то восклицаетъ въ эту минуту: «Ну вотъ и Юстонъ, слава Богу!»

Въ Юстонѣ онъ вышелъ съ четырьмя шиллингами и полупенсомъ въ карманѣ и направился прямо къ Стренду. Было семь часовъ утра; солнце жгло немилосердно, и онъ весь покрылся потомъ, пока шелъ. Онъ двигался какъ бы во снѣ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтился со старымъ актеромъ, который носилъ прозвище «Чайной Ложки». Они поздоровались, и Бріанъ разсказалъ, что случилось въ Липерпулѣ и сколько онъ получилъ. «Чайная Ложка» поспѣшилъ завѣрить его, что и онъ потерпѣлъ полное крушеніе. Онъ боялся, что Бріанъ потребуетъ съ него полкроны въ счетъ его долга молодому человѣку. Такъ ли это было или нѣтъ, но Бріанъ готовъ былъ расхохотаться.

— Гдѣ теперь Падди Джонсъ? — спросилъ онъ.

«Чайная Ложка» всегда зналъ мѣстопребываніе всѣхъ своихъ товарищей по профессіи.

— Въ Гласгоу. Но зрѣлища теперь на точкѣ замерзанія, — отвѣчалъ «Чайная Ложка».

Падди Джонсъ не могъ, слѣдовательно, помочь. Онъ назвалъ имена еще полудюжины своихъ товарищей, но оказалось, что одинъ изъ нихъ въ Дублинѣ, другой въ Голловэѣ, третій въ больницѣ. Два отправились въ Австралію, а шестой «на недосягаемой высотѣ».

— А Пуль? — спросилъ Бріанъ.

— Онъ въ Мэтѣ. Представленія кончаются въ субботу, — отвѣчалъ «Чайная Ложка». — Ну, до свиданья.

Онъ ушелъ, но спустя минуту оглянулся назадъ и увидѣлъ, что Бріанъ попрежнему идетъ по направленію къ Стренду. Только увѣрившись въ томъ, что пріятель не можетъ больше его видѣть, рѣшился онъ зайти Лъ таверну и выпить тамъ двѣ порціи виски, сожалѣя о томъ, что не угостилъ бѣднаго Бріана.

А Бріанъ тѣмъ временемъ очутился въ прохладной тѣни Темпля, и въ

головѣ его промелькнули заученныя слова, ничего общаго не имѣющія со всѣмъ окружающимъ: «И храмъ мой превратили въ логово воровъ и мошенниковъ».

Онъ прошелъ мимо лѣстницы дома, въ которомъ жилъ его дядя. Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ онъ занималъ одну и ту же квартиру, откуда выходилъ очень рѣдко. Онъ ничего, повидимому, не любилъ, кромѣ денегъ. Въ комнатѣ его висѣла старая скрипка, на которой онъ хорошо игралъ въ своей молодости, обѣщая сдѣлаться со временемъ настоящимъ артистомъ. Старикъ разсказалъ однажды своему племяннику, почему онъ пересталъ играть на ней и почему тѣмъ не менѣе оставилъ ее у себя.

— Она сдѣлала меня тѣмъ, чѣмъ я сдѣлался теперь, — сказалъ ему старикъ. — Я встрѣтилъ однажды человѣка, который игралъ прекрасно и былъ очень бѣденъ. Это заставило меня задуматься, и я спряталъ свою скрипку. На слѣдующей недѣлѣ я отложилъ на пять шиллинговъ больше того, сколько мнѣ нужно было для расходовъ, а когда я игралъ, я обыкновенно тратилъ ихъ всѣ. На слѣдующей недѣлѣ я отложилъ еще десять. Если бы я не встрѣтилъ этого бѣднаго глупаго музыканта, я былъ бы теперь бѣднякомъ.

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу Бріана, когда онъ выслушалъ этотъ разсказъ. Въ тѣ минуты, когда старикъ вспоминалъ свою юность, лицо его становилось болѣе выразительнымъ, оживленнымъ, почти красивымъ, но выраженіе это мелькало на немъ, словно облачко на раскаленномъ небѣ, и лицо его становилось снова жестокимъ, алчнымъ, а въ каждомъ словѣ его слышался протестъ противъ бѣдности и ненависть къ бѣднякамъ. Особенно ненавидѣлъ онъ музыкантовъ, хотя временами его тянуло къ музыкѣ. Временами онъ даже бралъ скпипкv и игралъ на ней.

Было уже восемь часовъ утра, когда Бріанъ рѣшился итти къ дядѣ и просить у него помощи. Сердце у него забилось и горло судорожно сжалось, когда онъ окончательно пришелъ къ этому рѣшенію. Дня чего же, какъ не для этого, пріѣхалъ онъ сюда? Эди осталась въ Дерби больная и ждала его, въ Лондонѣ, кромѣ дяди, онъ могъ просить помощи только у Пуля, всегда, добраго, но всегда почти безъ гроша денегъ.

Скрѣпя сердце, сталъ онъ подниматься по лѣстницѣ, по которой онъ не ступалъ съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ на сцену, ибо дядя наговорилъ ему тогда много словъ, которыя не легко забываются, и при боязни, чтобы тотъ не просилъ у него денегъ, отказался когда-либо видѣть его у себя. И вотъ Бріанъ шелъ дѣйствительно за деньгами; сердце его сжималось, и въ душѣ его кипѣла ненависть къ этому человѣку, хотя онъ не успѣлъ еще отказать ему въ помощи. Въ какомъ-то полуснѣ поднимался онъ по лѣстницѣ. Мозгъ

его оставался затуманеннымъ съ того часа, когда старый директоръ плакалъ на сценѣ, сокрушаясь о томъ, что не можетъ уплатить своей труппѣ. О, какъ противенъ міръ, кошмарный міръ, которымъ правятъ деньги, власть денегъ, — міръ, гдѣ сила и власть сосредоточиваются въ рукахъ тѣхъ, кто владѣетъ деньгами, а такіе люди всегда бываютъ жестоки…

И не успѣлъ онъ подойти къ дверямъ дяди, какъ въ ушахъ его прозвучали звуки власти и жестокости. Дверь была открыта, и въ комнатѣ слышался голосъ. Онъ узналъ тонкій, скрипучій голосъ Симона Таскёра, но второй голосъ былъ ему незнакомъ, и въ немъ слышался шотландскій акцентъ.

— Ради Самого Бога, мистеръ Таскеръ! — говорилъ послѣдній.

Въ голосѣ шотландца слышалась агонія. Но голосъ Таскера звучалъ холодомъ и сознаніемъ своей силы. Бріану онъ былъ знакомъ. Дядя его жаждалъ власти и съ головы до ногъ былъ пропитанъ жестокостью. Прислушиваясь къ нему, Бріанъ ясно представлялъ себѣ, какъ на губахъ его мелькаетъ жестокая улыбка.

— Я далъ вамъ продолжительный срокъ. Прошу вернуть деньги не позже завтрашняго дня.

Послышался стонъ, и шотландецъ отвѣтилъ:

— Неужели вы не понимаете, что для меня это разореніе? Жена моя и дѣти будутъ выброшены на улицу. Всѣ тотчасъ же подадутъ искъ противъ меня. О, дайте мнѣ сроку еще одинъ мѣсяцъ, чтобы я могъ устроить свои дѣла. Все пойдетъ хорошо тогда… я знаю это, знаю. Предпріятіе, задуманное мною… куда я вложилъ и душу свою, и деньги…

— Я сказалъ послѣднее слово, — отвѣчалъ Таскеръ.

— Боже мой! Боже мой! — воскликнулъ шотландецъ.

Бріану не разъ приходилось слышать такія же восклицанія на сценѣ, и артистически олытный слухъ сразу уловилъ значеніе его несомнѣнно, правильной интонаціи.

— И я скоро съ той же интонаціей произнесу эти слова, — сказалъ себѣ Бріанъ, онъ тотчасъ жеповернулъ назадъ и, задыхаясь отъ волненія, сбѣжалъ съ лѣстницы. Вслѣдъ за этимъ онъ услышалъ шаги человѣка, который, словно слѣпой, спотыкался почти на каждой ступенькѣ. Бріанъ остановился внизу лѣстницы и пропустилъ его мимо. Лицо незнакомца было ужасно… выраженіе его было безумное, злобное. Такое лицо указывало на возможность всего неожиданнаго. Оно было синевато-землістое. Ротъ его былъ полуоткрытъ, такъ что виднѣлисъ зубы. Руки были сжаты въ кулакъ. Онъ прошелъ мимо Бріана, не замѣтивъ его.

— Олицетвореніе убійцы, — подумалъ Бріанъ. Онъ постарался

придать своему лицу то же демоническое выраженіе и почувствовалъ, что зубы его раскрываются, и ногти пальцевъ впиваются въ ладони. Всѣ мускулы его напряглись, и ненависть проснулась въ его душѣ. Все существо его прониклось тѣмъ чувствомъ, какое долженъ былъ испытывать человѣкъ, котораго онъ до ужаса вѣрно копировалъ; онъ готовъ былъ громкимъ крикомъ объявить міру о своей готовности мстить.

Изъ окна верхняго этажа донеслись вдругъ нѣжные, вибрирующіе звуки скрипки. Ростовщикъ игралъ старинную, давно забытую арію Верди. Весьма возможно, что въ Англіи не найдется и десяти человѣкъ, которымъ извѣстно ея названіе: «Un Giono di Regno[1])». Бріанъ вспомнилъ, что дядя говорилъ ему однажды, что онъ играетъ эту арію, когда ему удается устроить какое-нибудь выгодное дѣло и онъ чувствуетъ себя счастливымъ.

— Онъ сегодня счастливъ, — подумалъ Бріанъ, продолжая итти по улицѣ до тѣхъ поръ, пока сзади него не замерли вибрирующіе звуки, вызванные рукою человѣка, который все еще не могъ заглушить въ себѣ искры музыкальнаго дарованія. Она все еще жила въ душѣ его, подобно изъѣденному червями цвѣтку на старомъ кустѣ, который свалился уже на землю. Неужели онъ никогда не думалъ о смерти? Страсти человѣческія служатъ крѣпкимъ оплотомъ противъ мысли о ней и скупость до самаго конца не покидаетъ человѣка.

И Бріанъ снова очутился на лѣстницѣ. Онъ дошелъ уже до половины ея, когда замѣтилъ это. Онъ подумалъ: «Я иду просить милостыни». И прибавилъ: «Я… я могу убить его или себя!»

Онъ постучалъ и удивился, что дверь не заперта на — ключъ. Будь онъ на мѣстѣ своего дяди, онъ всегда держалъ бы ее на замкѣ изъ опасенія какихъ-либо случайностей. Но скупость заглушаетъ приближающіеся шаги смерти, а сознаніе своей силы дѣлаетъ человѣка безпечнымъ. Онъ услышалъ, какъ всталъ старый Симонъ и зашаркалъ туфлями по неровному полу. Въ комнатѣ было темно, ибо лучи заходящаго солнца совсѣмъ туда не проникали. Въ коридорѣ горѣлъ газъ. Онъ освѣщалъ лицо старика, когда онъ открылъ дверь. При тускломъ свѣтѣ газа Бріану бросились наиболѣе рѣзкія черты лица старика, и онъ подумалъ, что у него красивая, характерная голова, и въ то же время въ его сознаніи мелькнула мысль, чѣмъ могъ бы сдѣлаться этотъ человѣкъ.

— Вы кто такой? — спросилъ старикъ.

— Я Недъ Бріанъ, дядя!

Бріанъ былъ одѣтъ прилично и не походилъ на просителя. Въ глубокихъ тайникахъ души его просыпалось чувство озлобленія и отвращенія, всѣ нервы его были напряжены до крайности, а между тѣмъ

голова его была высоко поднята, когда онъ стоялъ, ожидая отвѣта.

— Войди, — сказалъ старый ростовщикъ, дававшій деньги взаймы только тѣмъ, кто платилъ ему проценты.

Бріанъ вошелъ. Слѣдуя по пятамъ дяди, онъ замѣтилъ на стѣнѣ коридора нѣсколько гравюръ, которые видѣлъ раньше. Двѣ изъ нихъ, страшныя и кровожадныя, принадлежали кисти Меріона. Таксеръ получилъ ихъ отъ своего кліента въ благодарность за двухднедѣльную отсрочку. Онъ взялъ ихъ въ надеждѣ, что ростъ цѣнъ на рынкѣ превыситъ даже обычные проценты ростовщиковъ.

Комната осталась въ томъ видѣ, въ какомъ ее помнилъ Бріанъ; къ обстановкѣ ея прибавились двѣ картины и два чудныхъ китайскихъ кувшина голубого цвѣта, которые имѣли также свою исторію. За исключеніемъ четырехъ чипендельскихъ стульевъ, покрытыхъ чехлами, вся остальная обстановка была крайне жалкая и безвкусная. Въ центрѣ или, вѣрнѣе, съ лѣвой стороны стояла огромная открытая конторка, заваленная бумагами. Позади же находился каминъ, у рѣшетки котораго стояло кресло. Тутъ же стоялъ столъ, кухонный очевидно, а на немъ — чайныя принадлежности и между ними открытый ящикъ скрипки съ лежащимъ поперекъ него смычкомъ. Старикъ Таскеръ поспѣшно подошелъ къ конторкѣ и захлопнулъ ее. Это показалось Бріану зловѣщимъ признакомъ; онъ приподнялъ брови и нахмурился.

— Я… я могъ бы убить его, — подумалъ онъ, прочитавъ на лицѣ старика отраженіе долгой жизни, основанной на скаредности и жестокости; а между тѣмъ лицо это, когда онъ стоялъ снаружи дверей, живо напомнило ему дорогія черты давно уже умершей матери.

— Садись, — сказалъ Таскеръ.

Бріанъ сѣлъ.

— Я давно уже не видѣлъ тебя, — сказалъ старикъ.

— Нѣсколько лѣтъ, — отвѣчалъ Бріанъ, у котораго пересохло горло.

— Радъ видѣть тебя въ такомъ приличномъ видѣ. Я слышалъ, что ты женился, — сказалъ старикъ.

Бріанъ слѣдилъ внимательно за каждымъ его словомъ. Онъ прекрасно понималъ, зачѣмъ онъ говоритъ все это, и ждалъ еще большаго.

— А у меня не все благополучно, — продолжалъ сторикъ. — Дѣла мои идутъ худо… очень худо… Хуже быть не можетъ, молодой человѣкъ, не можетъ.

Открытая скрипка указывала на то, что онъ лжетъ, и глаза Бріана повернулись къ ней. Старикъ въ той же мѣрѣ, какъ и онъ, слѣдилъ за его мыслями.

— Все та же старая скрипка, — сказалъ старикъ. — И продавать не стоитъ; я не игралъ съ тѣхъ поръ, какъ ты слушалъ мою игру.

Бріанъ подумалъ, что онъ лжетъ; и ему снова почудились торжествующіе звуки аріи и искаженное лицо должника, который приходилъ къ его дядѣ умолять объ отсрочкѣ долга Бріанъ пытался сказать что-нибудь, не не могъ. Голосъ не повиновался ему; страхъ и ненависть угнетали его. Никогда раньше не подозрѣвалъ онъ, чтобы въ душѣ его могло таиться столько ненависти. Да никто изъ насъ, я думаю, до поры до времени не подозрѣваетъ этого.

Съ минуту сидѣлъ Бріанъ въ какомъ-то полусознательномъ, полусонномъ состояніи. А между тѣмъ онь не терялъ сознанія и не спалъ. Передъ нимъ открылась пропасть — всего на минуту — но минута эта показалась ему вѣчностью. Собственный голосъ его показался ему голосомъ какого-то другого, незнакомаго ему человѣка. Двойное сознаніе, присущее артистамъ, снова вернулось къ нему. Онъ одобрилъ этотъ голосъ, одобрилъ его интонацію и его выразительность. Бріанъ зналъ, что онъ разсказываетъ исторію своей жизни, и разсказываетъ ее превосходно. Разсказываетъ о томъ ужасномъ времени, когда жена его заболѣла и вмѣстѣ съ ребенкомъ вынуждена была остаться одна, о тѣхъ тревожныхъ дняхъ въ Ливерпулѣ, когда одна бѣда слѣдовала за другой. Со смѣхомъ, въ которомъ слышались плачъ и рыданіе, вызвалъ онъ свою хозяйку и сказалъ ей о «восемнадцати пенсахъ и серебряныхъ часахъ». Онъ разсказалъ сидѣвшему безмолвно старику о поискахъ своихъ друзей, о старикѣ «Чайная Ложка», который живетъ чуть ли не подаяніемъ. И затѣмъ онъ попросилъ помочь ему, помочь немногимъ, очень немногимъ и, обращаясь съ такою просьбой, думалъ въ то же время — «О, ты богатый старый діаволъ, я убью тебя, убью, если ты не поможешь мнѣ».

Но старикъ не пожелалъ помочь ему. Онъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій, не просилъ извиненій, онъ повторилъ слово въ слово то, что сказалъ ему, когда онъ поступалъ на сцену, о которой, какъ и раньше, говорилъ съ пуританскимъ ужасомъ.

И Бріанъ не просилъ больше о помощи. Съ минуту сидѣлъ онъ молча, подперевъ одинъ локоть рукою. Глаза его были неподвижно устремлены на старую скрипку, и футляръ, въ которомъ она лежала, показался ему гробомъ, скрывающимъ въ нѣдрахъ своихъ мертвую крошечную душонку.

— Вы мнѣ солгали, — сказалъ онъ вдругъ. — Вы еще сегодня вечеромъ играли на скрипкѣ.

Старикъ сердито взглянулъ на него.

— Солгалъ?

Бріанъ утвердительно кивнулъ головой.

— Играли на ней… съ торжествомъ. Были, значитъ, счастливы. Вы сами говорили мнѣ это. Счастливы! Боже мой!

Онъ вышелъ и направился къ дверямъ. И вдругъ вернулся обратно:

— Долго ли вы еще будете жить, дядя? — спросилъ онъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Старый Симонъ отступилъ назадъ.

— Убирайся прочь отсюда, — сказалъ онъ. — Послѣ моей смерти ты ничего не получишь… ничего… ни пенса!

— Возьмете съ собой въ могилу? — сказалъ Бріанъ.

Симонъ ударилъ кулакомъ по конторкѣ.

— Я написалъ завѣщаніе, когда мы разстались съ тобою, — сказалъ онъ хрипло. — Я все завѣщалъ самому богатому человѣку въ мірѣ.

Бріанъ направился къ дверямъ, но на порогѣ обернулся и съ какимъ-то страннымъ видомъ оглянулся кругомъ.

— Такого человѣка, какъ вы, слѣдовало бы убить, — сказалъ онъ, самъ не понимая, какъ могли эти слова сорваться у него съ языка и въ какихъ глубинахъ сердца они скрывались до сихъ поръ. И, подумавъ вдругъ, что дядя не разъ уже выслушивалъ такія слова и отъ другихъ людей, сказалъ громко, какъ бы продолжая свои мысли: «Бѣдный шотландецъ, напримѣръ»… Съ этими словами онъ покачалъ головой и вышелъ изъ комнаты. Опускаясь по лѣстницѣ, Бріанъ говорилъ себѣ:

— Будъ у меня что-нибудь въ рукахъ, я… я убилъ бы его.

Болѣе прежняго чувствовалъ онъ себя въ какомъ-то полуснѣ; что-то угнетало и въ то же время утѣшало его. Прохожіе казались ему какими-то тѣнями, улицы, кишѣвшія народомъ, улицами призрачнаго города. Нельзя сказать, чтобы онъ проснулся даже и въ ту минуту, когда его началъ мучить голодъ. Онъ не ѣлъ съ самаго утра, а въ карманѣ у него оставались попрежнему четыре шиллинга и полпенса. Онъ зашелъ въ ресторанъ, и пообѣдалъ, оставивъ на тарелкахъ половину того, что ему было подано.

— Мнѣ необходимо видѣть Пуля, добраго, стараго Пуля, — сказалъ онъ и дошелъ до Иджуоръ-Роодъ, не чувствуя ни малѣйшей усталости. Это показатель ему страннымъ. А между тѣмъ ничего страннаго въ этомъ не было. Гнѣвъ, бушевавшій въ душѣ, заглушалъ его чувства. Цѣлую милю прошелъ онъ, и только тутъ почувствовалъ, какъ бьется сильно его сердце, — чего никогда раньше не замѣчалъ. Это удивило его; онъ громко выругалъ старика Симона и, оглянувшись кругомъ, увидѣлъ, что находится въ Гайдъ-Паркѣ. Какой-то прохожій услышалъ, какъ онъ ругаетъ стараго Симона, испугался и побѣжалъ прочь отъ него.

— Онъ принялъ меня за сумасшедшаго, — сказалъ Бріанъ. Это

показалось ему забавнымъ, и онъ громко расхохотался. — Никогда еще не былъ я въ болѣе здравомъ умѣ, чѣмъ сегодня, — продолжалъ онъ.

Но тѣ, я думаю, кто хорошо зналъ его, не согласилась бы съ нимъ.

Онъ продолжалъ итти впередъ и дошелъ до прохода надъ «Мраморной Аркой». Но онъ рѣшительно не сознавалъ, гдѣ находится, какъ не сознавалъ и того, что помогъ какой-то старушкѣ пробраться черезъ него. Онъ пришелъ нѣсколько въ себя, только поровнявшись съ ссудной кассой, въ окнѣ которой было выставлено нѣсколько револьверовъ. Заинтересовавшись ими, онъ остановился у окна. Онъ никогда еще не пользовался ими, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда стрѣлялъ на сценѣ холостыми зарядами. Онъ участвовалъ однажды въ какой-то мелодрамѣ, въ которой долженъ былъ убить кого-то. Онъ терпѣть не могъ этого актера, а въ ту минуту когда стрѣлялъ въ него, окончательно возненавидѣлъ его.

— Я могъ бы убить своего дядю, — думалъ онъ. — Почему онъ не хочетъ помочь мнѣ? Это… это жестоко съ его стороны.

Онъ отошелъ отъ окна, но спустя минуту, оглянулся назадъ и увидѣлъ на своемъ мѣстѣ какого-то человѣка, фигура котораго показалась ему знакомой.

— Онъ походитъ на шотландца, — подумалъ Бріанъ.

Протеревъ глаза, онъ снова посмотрѣлъ въ ту сторону. У окна никого не было; шотландецъ исчезъ куда-то. Онъ не могъ войти въ лавку въ такой короткій промежутокъ времени. Бріанъ вернулся къ лавкѣ и заглянулъ въ окно, но никого тамъ не увидѣлъ, зато увидѣлъ въ стеклѣ самого себя и не узналъ своего лица.

— И это я! — воскликнулъ онъ, — Не можетъ быть, чтобы это былъ я.

Онъ двинулся дальше; дойдя до Метрополитена, онъ по узкому проходу, шедшему отъ Иджуоръ-Роода до самаго зданія, подошелъ ко входу на сцену; сказавъ сторожу свое имя, онъ просилъ его передать мистеру Пулю, что желаетъ его видѣть; сторожъ, вернувшись послѣ довольно продолжительнаго времени, какъ это показалось Бріану, сказалъ ему, что мистеръ Пуль проситъ его къ себѣ. Бріанъ нашелъ послѣдняго въ небольшой, тускло освѣщенной глазомъ, комнатѣ. Пуль наводилъ послѣдніе штрихи гримировки на своемъ лицѣ.

— Здравствуй, старина! — весело привѣтствовалъ его Пуль. Онъ всегда былъ въ веселомъ настроеніи духа, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда у него не было и пенса въ карманѣ, чтобы уплатить за комнату своей сердитой хозяйкѣ. Пуль готовъ былъ отдать послѣднее, и Бріанъ прекрасно зналъ, что Джекъ Пуль былъ единственный человѣкъ, который готовъ былъ бы помочь ему, имѣй онъ только возможность сдѣлать это.

— Здравствуй, дружище Джекъ! — отвѣчалъ Бріанъ.

— Что случилось? — спросилъ Пуль. Онъ былъ близорукъ, а комната тускло освѣщалась газомъ, но онъ обладалъ очень тонкимъ слухомъ.

— Сейчасъ скажу, — отвѣчалъ Б і-анъ. Онъ все разсказалъ ему, думая въ то же время, что тотъ не захочетъ слушать такого печальнаго разсказа. Но Пуль внимательно идо конца выслушалъ его.

— Будь Таскеръ моимъ дядей, — сказалъ онъ, — я убилъ бы его. Ты совсѣмъ огорчилъ меня, дорогой дружище! У меня нѣтъ и шести пенсовъ въ карманѣ. Времена тяжелыя… ужасно тяжелыя!

— И ты, слѣдовательно, ничѣмъ не можешь мнѣ помочь? — спросилъ Бріанъ.

— Абсолютно не могу, — отвѣчалъ Пуль. — Я все истратилъ, что получилъ здѣсь, и даже заложилъ часы.

— И я также, — сказалъ Бріанъ.

Въ двери кто-то постучался.

— Войдите, — сказалъ Пуль.

Дверь полуоткрылась, и въ комнату заглянула актриса, игравшая съ Пулемъ.

— Скорѣе, Джекъ! — сказала она. — Неужели вы хотите, чтобы васъ убили на Иджуоръ-Роодѣ за то, что вы заставили ждать благородную Лиссонъ Гровъ?

Она привѣтливо кивнула головой Бріану, хотя онъ не былъ съ нею знакомъ, и ушла.

— Слушай, — сказалъ Пуль, — загляни завтра въ мою нору. Я постараюсь что-нибудь пронюхать, а пока возьми это и заложи.

Онъ бросился къ своей сумкѣ, вытащилъ изъ нея револьверъ и подалъ Бріану.

— Хорошій револьверъ, — сказалъ онъ — настоящій. Ты получишь за него десять шиллинговъ. Посмотри только, заряженъ ли онъ. Если тебѣ нѣкогда ждать, до свиданья.

И онъ поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты. Бріанъ остался сидѣть на прежнемъ мѣстѣ, продолжая держать въ рукахъ револьверъ.

Бріанъ остался сидѣть, держа въ рукахъ револьверъ.

Самый здоровый человѣкъ, и тотъ можетъ дойти до безумія, благодаря нравственной пыткѣ. А Бріанъ былъ артистъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые, правда, легко подчасъ относятся къ явленіямъ жизни, кромѣ своего искусства, но тѣмъ не менѣе близко принимаютъ все къ сердцу. Ему показалось вдругъ, что внутри у него что-то порвалось. Не случилось ли это гдѣ-нибудь? Не разорвались ли путы, сдерживающіе его? Онъ взглянулъ на револьверъ и увидѣлъ, что онъ заряженъ, но не вхолостую, а пулей, и подумалъ, къ чему понадобилась его пріятелю эта пуля. Не было ли тутъ какой-нибудь трагедіи? Онъ зналъ, что самые веселые люди кончаютъ самоубійствомъ.

— Я… чувствую себя свободнымъ, — сказалъ Бріанъ. — Я убью его.

Онъ вышелъ и направился въ паркъ. Встрѣчая прохожихъ, то спѣшившихъ куда-то, то гулявшихъ спокойно, онъ думалъ: «Они не понимаютъ жизни». Ибо самъ онъ понималъ ее теперь; онъ шелъ исполнить предназначенную ему миссію. Онъ чувствовалъ себя, какъ чувствуютъ себя тѣ, которые дошли до мистическаго экстаза. Мысли его были ясны и увѣренны. Онъ былъ убѣжденъ, что поступаетъ правильно. Каждый пойметъ это, когда узнаетъ. Но они не узнаютъ этого. Онъ разсуждалъ необыкновенно просто; думалъ много о другихъ, а къ себѣ относился безразлично; но въ данный моментъ онъ дѣйствовалъ лукаво или

думалъ, по крайней мѣрѣ что дѣйствуетъ такъ. Онъ обдумалъ мельчайшія подробности, чтобы никто не заподозрилъ его. Заподозрятъ, разумѣется, какого-нибудь кліента, особенно когда узнаютъ, что старикъ былъ ростовщикъ. Допросъ наведетъ ихъ на того шотландца его заподозрятъ и арестуютъ. Но ему, конечно, легко будетъ доказать свою невинность.

— Бѣдняга! — подумалъ Бріанъ.

Онъ разсчитывалъ взять денегъ не много, не больше того, сколько, по его мнѣнію, далъ бы ему старый Симонъ. Десять или двадцать фунтовъ.

— Я войду въ Темпль, — весело посвистывая, думалъ онъ, — если встрѣчу кого-нибудь. Двадцати фунтовъ будетъ достаточно. Онъ могъ бы свободно ссудить ихъ мнѣ.

Онъ вошелъ въ Темпль со стороны плотины, но прежде чѣмъ войти туда, прошелъ нѣкоторое пространство вдоль берега рѣки и нашелъ ее необыкновенно красивою. Это удивило его и, когда онъ повернулъ назадъ, ему показалось, что онъ оставилъ позади частичку самого себя. Онъ оглянулся, покачалъ головой и поспѣшно перешелъ черезъ дорогу.

— Я сказалъ, что войду, насвистывая. Что же я буду насвистывать? Да… я буду насвистывать, ну арію, которую онъ игралъ.

Мотивъ аріи «Un Giono di Regno» глубоко запечатлѣлся въ его памяти, но онъ съ трудомъ воспроизводилъ его пересохшими губами. Ему казалось, будто онъ сейчасъ долженъ выйти на сцену. Ничего не могло быть реальнѣе этого. Ночная атмосфера напоминала театральную. Онъ вошелъ въ калитку и поднялъ воротникъ.

— Да, я всегда ненавидѣлъ его, — думалъ онъ. — Онъ никогда не относился хорошо къ моей матери.

Неизвѣданные тайники скрывались въ его душѣ, и теперь они, словно призраки, выплывали оттуда. Онъ вспомнилъ, какъ дядя посѣщалъ его мать, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Симонъ всегда доводилъ до слезъ его мать, и Бріанъ помнилъ, какъ онъ сказалъ однажды матери:

— Я убью его, когда выросту.

Онъ засмѣялся, входя во дворъ дома, гдѣ жилъ старикъ.

— Вотъ онъ… живетъ здѣсь, — сказалъ Бріанъ, скорчивъ насмѣшливую гримасу.

Свѣтъ газоваго фонаря, стоявшаго посреди двора, тускло освѣщалъ его. Мимо воротъ то-и-дѣло сновали люди. Съ лѣстницы, которая вела въ квартиру его дяди, спустился какой-то человѣкъ и поспѣшно направился къ выходу со двора. Бріанъ видѣлъ его, но не разсмотрѣлъ. Только дойдя до половины лѣстницы, сказалъ онъ себѣ: «Какъ онъ походилъ на шотландца! Бѣдняга!» Несчастье шотландца огорчало его, сильно огорчало. Онъ

старался представить себѣ его жену и дѣтей, а также дѣло, имъ задуманное. Что это было за дѣло? Могли бы быть какія-нибудь особенныя дѣла у шотландцевъ. И почему онъ потерпѣлъ неудачу? Онъ думалъ, что они всегда успѣшно ведутъ свои дѣла. Онъ поднялся, наконецъ, на лѣстницу и подошелъ къ двери. Наружная дверь была открыта, да и ‘внутренняя также.

— Какъ это глупо съ его стороны, — подумалъ Бріанъ.

Онъ вошелъ въ корридоръ. Дверь въ пріемную, вѣроятно, закрыта… Нѣтъ не закрыта. Онъ увидѣлъ окно и огни, мелькавшіе изъ противоположныхъ оконъ. У старика не было огня.

— Скряга! — сказалъ Бріанъ. Онъ думалъ, что сейчасъ услышитъ голосъ дяди. Онъ вернулся назадъ и закрылъ входную дверь, и затѣмъ снова подошелъ къ двери пріемной. Въ рукѣ онъ держалъ револьверъ, хотя не помнилъ, когда вынулъ его изъ кармана. Ему показалось, что онъ слышитъ какое-то движеніе въ спальнѣ… Словно кто-то полоскалъ тамъ зубы. Въ слѣдующую минуту онъ наткнулся на что-то, лежавшее на полу… Это была скрипка. Холодная дрожь пробѣжала по его спинѣ; на лбу показались холодныя капли пота.

— Скрипка!

Онъ не могъ понять, почему видъ ея испугалъ его. Въ слѣдующую минуту онъ замѣтилъ необычайный безпорядокъ въ комнатѣ. Въ пустомъ каминѣ мелькали огоньки, перебѣгая по краямъ какой-то бумаги… Стулъ у камина былъ опрокинутъ. Дыханіе сдавило грудь Бріану; онъ вынулъ спичкѵ и черкнулъ ею. Конторка была открыта; часть ея содержимаго валялось на полу. Маленькій столикъ у окна былъ опрокинутъ.

Конторка была открыта…

— Боже мой! — воскликнулъ Бріанъ. — Въ комнатѣ никого не было, дверь въ спальню была закрыта. Старый Симонъ пересталъ полоскать зубы. Чтобы это значило?

Онъ мысленно перенесся во дворъ, гдѣ видѣлъ человѣка, спускавшагося съ лѣстницы… человѣка, похожаго на шотландца, искаженное лицо котораго онъ копировалъ.

— Ахъ! — воскликнулъ Бріанъ. — Онъ нечаянно споткнулся о скрипку, и струны ея задрожали. Звуки ихъ показались ему звуками грома, которые сзывали сюда людей. Бріанъ поспѣшилъ къ дверямъ и распахнулъ ихъ. Не слышно было ни звука и никакого признака жизни. Дыханіе его сдѣлалось еще болѣе затруднительнымъ, и онъ зажегъ другую спичку. Онъ узналъ, что сейчасъ увидитъ что-то, чего онъ не хотѣлъ бы видѣть. Онъ прищурилъ глаза и положилъ револьверъ въ карманъ. Что-то подсказало ему, что онъ больше ему не нуженъ. Онъ оглянулъ комнату при свѣтѣ спички. На полу валялись странная и страшная куча какихъ-то предметовъ,

а на кровати не было даже и матраца. Все, что должно было быть на ней, валялось на полу. Спичка погасла.

— Боже мой! — воскликнулъ снова Бріанъ. — Душа его окончательно очистилась отъ посягательства на убійство. Мысль о возможности его казалось невѣроятной. А между тѣмъ ему казалось, что это онъ убилъ дядю и потомъ прикрылъ его сверху.

— Постельнымъ… постельнымъ бѣльемъ и… матрацомъ, — сказалъ Бріанъ. — Онъ былъ увѣренъ, что найдетъ стараго Симона подъ этой кучей вещей. Онъ или шотландецъ совершилъ это убійство, ибо не въ силахъ были выносить больше этого человѣка. Нѣсколько минутъ не могъ онъ отдѣлить своего образа отъ образа того человѣка, который совершилъ убійство. Вѣдь и онъ шелъ сюда съ такимъ же безумнымъ намѣреніемъ. Тѣ же мысли были и у того человѣка. Нѣтъ ли и теперь его здѣсь? Убійца оставляетъ, кромѣ убитаго, еще кое-что позади себя… частицу самого себя, занятую наблюденіемъ совершеннаго имъ.

— Да, онъ подъ той кучей, — сказалъ Бріанъ, — и мертвый. Но не я сдѣлалъ это.

А между тѣмъ, онъ чувствовалъ, что сдѣлалъ это, и въ то же время торжествовалъ, сознавая, что это было дѣло не его рукъ.

— Это дѣло того человѣка, — говорилъ онъ, думая о томъ, какъ чувствуетъ себя тотъ человѣкъ, какъ онъ выглядитъ и что дѣлаетъ. Онъ убилъ человѣка, прикрылъ его и ушелъ въ первую комнату искать тамъ чего-то.

— Искалъ, вѣрно, бумаги, доказательство своего долга, — сказалъ Бріанъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и съ этими словами вернулся обратно въ пріемную, зажегъ газъ и самъ удивился, что дѣлаетъ все это относительно спокойно. И тотъ человѣкъ былъ, вѣроятно, спокоенъ. Бріанъ взглянулъ на конторку.

— Тамъ должно быть его завѣщаніе, — сказалъ Бріанъ. — Онъ зналъ, въ какую клѣтку положилъ его, вѣроятно, старикъ. Но его не оказалось тамъ. Бріанъ подошелъ къ камину и, ставъ на колѣни, разрылъ кучу золы и полусгорѣвшихъ бумагъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сгорѣли совершенно; среди полусгорѣвшихъ оказались документы, векселя и закладныя. Въ глаза ему бросился вдругъ треугольный обрывокъ бумаги и на немъ слова: «Все свое имущество завѣщаю». Онъ схватилъ его и сжегъ, поднеся къ газовой трубкѣ.

— Я имѣю право на это, — сказалъ онъ. — Почему нѣтъ… почему? Клочокъ все равно пропалъ бы. Не Я сжегъ его… а онъ умеръ. У нихъ будутъ деньги.

«У нихъ»… У жены и ребенка. Онъ не думалъ о томъ, что и у него будутъ деньги. Онъ снова вошелъ въ спальню и зажегъ тамъ газъ.

— А что, если онъ не умеръ? — подумалъ онъ. — Жалость пришла вдругъ къ его сердцу. Онъ снялъ маттрацъ и простыни, которыми былъ прикрытъ старикъ… Убитый лежалъ на спинѣ. Бріанъ съ искреннимъ огорченіемъ опустился на колѣни.

Онъ нашелъ стараго Симона подъ матрацемъ.

— Да, онъ умеръ, — сказалъ Бріанъ. — И какъ онъ хорошо выглядитъ.

Какъ ни странно, но убитый выглядѣлъ хорошо; лицо было покойное, мирное, на немъ покоилась печать величія…. Выраженіе алчности, жестокости, все исчезло!

— Мертвый музыкантъ, — подумалъ Бріанъ.

Въ центрѣ лба онъ увидѣлъ небольшое синее пятно.

— Рана отъ пули, — подумалъ Бріанъ. — Бѣдный, бѣдный старикъ!

Онъ положилъ подушку подъ его голову, всталъ съ колѣнъ и вышелъ

изъ комнаты, слегка пошатываясь. Онъ чувствовалъ слабость, зато мысли его прояснились совершенно.

Онъ спустился съ лѣстницы. Гдѣ-то во дворѣ пробило десять часовъ. Человѣкъ высокаго роста шелъ по двору. Нѣтъ, это не шотландецъ, — подумалъ Бріанъ. Бѣдный шотландецъ! Бріанъ шелъ, спотыкаясь на каждомъ шагу. Проходившій мимо адвокатъ подумалъ, что онъ пьянъ, и пошелъ къ нему навстрѣчу съ распростертыми руками.

— Мой…. мой дядя умеръ, — сказалъ Бріанъ.

— И мой также, — отвѣчалъ адвокатъ.

Бріанъ засмѣялся. И адвокатъ засмѣялся, наткнувшись на кого-то, который извинился передъ нимъ на англійскомъ языкѣ, но съ шотландскимъ акцентомъ. Человѣкъ этотъ не смѣялся, хотя слышалъ, вѣроятно, что они говорили.

Онъ прошелъ вслѣдъ за Бріаномъ къ комнатѣ привратника и слышалъ все, что тотъ говорилъ послѣднему. Бріанъ увидѣлъ его.

— Человѣкъ, который былъ сегодня вечеромъ у моего дяди, — сказалъ Бріанъ привратнику, — и ссорился съ нимъ, былъ… былъ иностранецъ.

ЗАСЛУЖИВАЕТЪ ЛИ СНИСХОЖДЕНІЯ?

Разсказъ И. Филльпотса

Былъ вечеръ субботы, и въ тавернѣ «Плюмажъ» собралась изрядная компанія сосѣдей. Зима въ тотъ годъ была жестокая, и голодъ, словно вооруженный съ головы до ногъ непріятель, врывался почти въ каждый домъ. Лошадей въ серединѣ февраля отправили въ долины, гдѣ онѣ сами должны были добывать себѣ пропитаніе; но посылать на болото что-либо живое значило обрекать его на смерть. Метели слѣдовали за метелями, и снѣгъ на сѣверныхъ склонахъ горъ началъ таять только въ маѣ.

Разговоръ въ тотъ вечеръ шелъ о старыхъ временахъ и о такихъ событіяхъ, о которыхъ всѣ знали только по разсказамъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Поводъ къ этому разговору подалъ вчерашній случай. Самуэль Бонусъ, церковный сторожъ, сообщилъ; что онъ наткнулся на трехъ человѣкъ, спавшихъ подъ портикомъ церкви. Всѣ они оказались бродягамй, которые укрылись тамъ отъ непогоды; Самуэль сказалъ, что не пойди онъ туда, чтобы наклеить на стѣну объявленіе, всѣ они замерзли бы до утра, такъ какъ было двадцать градусовъ мороза, а у бѣднягъ ничего не было на тѣлѣ, кромѣ лохмотьевъ.

Случай этотъ напомнилъ старому Гарри Гоуки одно происшествіе, бывшее много лѣтъ тому назадъ.

— Случилось это при жизни преподобнаго Валлеторта, — сказалъ онъ; — мой дѣдъ исполнялъ обязанности церковнаго сторожа, какъ вотъ теперь Бонусъ. Преподобный Валлетортъ былъ человѣкъ привѣтливый, довѣрчивый, скорѣе ангелъ, чѣмъ человѣкъ. Лицо его сіяло кротостью,

даже святостью, можно сказать; мой дѣдъ говорилъ, что, превратись его стихарь въ крылья, которыя черезъ окно въ церкви унесли бы его на небо, рѣшительно никто не удивился бы этому. Но слишкомъ большое довѣріе съ его стороны послужило ему же во вредъ. Онъ не достаточно строго относился къ преступникамъ и когда говорилъ съ ними, то въ словахъ его слышалось сомнѣніе въ наказаніи за грѣхи. Добрая душа его возставала противъ огненнаго озера и была полна надежды. А это штука опасная. Не нужно, конечно, душить насъ за горло въ каждой проповѣди, — но зачѣмъ умалчивать объ адѣ?.. Не слѣдуетъ забывать о существованіи такого мѣста. Преподобный Валлеторть получалъ иногда предостереженіе въ томъ, что діаволъ бодрствуетъ и дѣятеленъ, какъ пчела; перелетая изъ одного города въ другой, заглядывалъ онъ иногда и въ Дартмуръ. Бродяги частенько ночевали въ церкви, которая по приказанію преподобнаго отца оставалась всегда открытой. И вотъ въ одно прекрасное утро старый Даніель Гоуки поспѣшилъ въ викаріатъ и доложилъ, что какой-то человѣкъ провелъ большую часть ночи въ церкви. Викарій улыбнулся, какъ ангелъ, и сказалъ моему дѣду:

— Что жъ изъ этого, мистеръ Гоуки? Гдѣ же бѣднягѣ найти лучшій пріютъ, какъ не въ Домѣ Отца Своего?

— Несогласенъ, ваше преподобіе, — отвѣчалъ церковный сторожъ;— больно будетъ вамъ слышать, что бѣдняга унесъ подсвѣчники съ престола и выпилъ освященное вино до послѣдней капли.

А подсвѣчники были сдѣланы изъ хорошаго серебра и пожертвованы эсквайромъ Бассетомъ въ память его умершей жены. Когда эсквайръ узналъ объ этомъ, онъ пріѣхалъ въ викаріатъ и, надо полагать, съ плеча отчиталъ преподобнаго Валлеторта. Сказалъ ему, чтобы церковь была заперта и нѣтъ сомнѣнія, что Валлеторть съ этихъ поръ понялъ, до чего можетъ опуститься голодный и бездомный человѣкъ.

— Валлеторты люди хорошаго рода, — сказалъ фермеръ Мэмфордъ, — и семья наша въ теченіе многихъ поколѣній роднилась съ ними. Мы всегда арендовали у нихъ землю лѣтъ двѣсти подъ рядъ. Одинъ изъ Мамфордовъ выручилъ ихъ въ одномъ случаѣ, когда одинъ изъ Валлеторговъ былъ приговоренъ къ висѣлицѣ за покражу овцы. Я не помню подробно всѣхъ фактовъ, но мой дѣдъ Чарльзъ, который и былъ тѣмъ Мамфордомъ, до самой смерти часто разсказывалъ объ этомъ.

Зная хорошо, что во всей нашей мѣстности не было лучшаго разсказчика, какъ Роулендъ, содержатель таверны, я сказалъ ему:

— Не можете ли вы разсказать намъ объ этомъ, Джонни?

— Пожалуй, Томъ Теригль, мнѣ все это дѣло хорошо извѣстно, а

фермеръ Джимъ почему-то забылъ его.

— Дѣло такое, что стоитъ разсказать, и я радъ буду еще разъ прослушать его, — сказалъ фермеръ. — Я хочу знать всѣ факты, Валлеторты мнѣ родственники. Я былъ совсѣмъ еще крошечнымъ мальчишкой, когда мой дѣдъ умеръ.

И всѣ мы, и Гарри Гоуки, и я, и Моисей Беттъ, нашъ молчаливый пріятель, просили Роуленда разсказать.

— Разскажите, сосѣдъ, — сказалъ Моисей Беттъ. Роулендъ засмѣялся и согласился исполнить нашу просьбу.

— Два слова Бетта равняются четыремстамъ словъ другихъ людей, — сказалъ Джонни. — Онъ выразилъ желаніе слышать и услышитъ.

Чувствуя, что онъ сдѣлался центромъ всеобщаго вниманія, Моисей воспользовался этимъ и сказалъ еще два слова.

— Всѣмъ виски!

Не часто подносилъ онъ намъ такое угощеніе, а потому Роулендъ, опасаясь, что онъ измѣнитъ свое намѣреніе, поспѣшилъ подать каждому то, чего онъ желалъ. Мы выпили за здоровье Бетта, и Джонни приступилъ къ разсказу.

— Всѣмъ давно уже извѣстна поговорка, что у хорошихъ пасторовъ всегда бываютъ скверные сыновья, хотя не думаю, чтобы это была правда. Мальчиковъ всегда строго держали у духовенства, и когда имъ удавалось избѣжать домашняго надзора, они распускались и становились необузданнѣе тѣхъ, которые хотя до нѣкоторой степени пользовались свободой. Такъ это или не такъ, но второй сынъ пастора Валлеторта былъ кутила и тратилъ больше, чѣмъ могъ ему давать отецъ. Лесли Валлеторъ звали его; онъ былъ любимцемъ матери, которая была родомъ изъ Сомерсета и держала себя, очень гордо и надменно. Лесли жилъ только спортомъ и до безумія увлекался имъ. Онъ ни надъ чѣмъ не задумывался и тратилъ даромъ свои силы, мужество и способности. Всѣ мысли его были сосредоточены на своихъ рукахъ, ибо онъ былъ первымъ борцомъ въ Девонѣ. Говорятъ, будто онъ боролся въ Лондонѣ въ присутствіи Георга III.

Въ умѣ-то его не было того равновѣсія, какое было въ его тѣлѣ, и онъ скоро сдѣлался игрушкой безпутныхъ людей, смертельно огорчая своего отца. Старшій братъ его, военный, неоднократно уговаривалъ мистера Лесли бросить спортъ, да и отецъ съ своей стороны дѣлалъ все, что могъ.

Лесли былъ красивый юноша съ бѣлокурыми, вьющимися волосами и голубыми глазами и съ такимъ же добрымъ сердцемъ, какъ у его отца. Но онъ былъ слабохарактерный и въ то время своевольный, унаслѣдовавшій упрямство и смѣлость своей матери; перейди къ нему хоть частичка ея

гордости, онъ былъ бы спасенъ. Но онъ не понималъ значенія этого слова и въ равной степени готовъ былъ вести знакомство и съ бродягами, и съ епископами.

Время было тогда суровое, куда суровѣе, чѣмъ теперь; законъ, и безъ того слабый, въ настоящее время, будетъ съ каждымъ годомъ еще слабѣе; но тогда онъ былъ ужасомъ всѣхъ злодѣевъ. Преступниковъ вѣшали въ то время даже за покражу овцы; бывали случаи, когда ихъ вѣшали въ цѣпяхъ съ цѣлью предупредить преступниковъ, чтобы они бросили свое преступное дѣло, если хотятъ жить въ мірѣ и покоѣ. Когда человѣка приговаривали къ повѣшенію въ цѣпяхъ, кузнецу приказывали сдѣлать желѣзную клѣтку, куда бросали тѣло повѣшеннаго и затѣмъ ее подвѣшивали къ дереву въ какомъ-нибудь мѣстѣ, гдѣ ее могли видѣть всѣ проходившіе мимо люди. Тамъ тѣло преступника оставалось до тѣхъ поръ, пока птицы не склевывали всего мяса, а оставшіяся кости падали на землю между прутьями клѣтки.

Вамъ, я думаю, и въ голову никогда не приходило, чтобы сынъ какого-нибудь богатаго человѣка могъ кончить свою жизнь такимъ ужаснымъ образомъ. Такое страшное наказаніе было придумано для разбойниковъ, для тѣхъ кто обкрадывалъ лавки, таскалъ кошельки изъ кармановъ, для всякихъ воровъ вообще, но ему рѣдко подвергались люди изъ хорошей семьи. Правда, между разбойниками большой дороги попадаются иной разъ и люди знатнаго происхожденія, — но мыслимо ли, чтобы такой человѣкъ, какъ Лесли Валлеторъ, занимающій хорошее общественное положеніе, получившій образованіе, сынъ благочестиваго священника, могъ быть обвиненъ въ кражѣ овцы, опозоривъ себя передъ всѣми людьми?

Укралъ онъ, разумѣется, не съ тою цѣлью, съ какою крали люди, у которыхъ умирали съ голоду дѣти и жена, какъ это часто случалось въ то время у насъ въ Дартмурѣ. Мистеръ Лесли, больше жизни любившій всякія темныя предпріятія, побился объ закладъ, что надѣнетъ на шею петлю висѣльника, или сдѣлаетъ что-нибудь, за что его повѣсятъ. Онъ укралъ овцу, приказалъ её зарѣзать и ея мясомъ угостилъ своихъ пріятелей. Говорятъ, что въ то время, когда они ѣли баранину, обильно поливая ее соусомъ изъ каперсовъ, который перекатывали по столу въ серебряной лодочкѣ, къ нимъ явились представители закона и потребовали молодого Валлеторта къ допросу.

Онъ со смѣхомъ послѣдовалъ за ними, ибо не сомнѣвался, что, узнавъ всю истину, заставятъ его уплатить фермеру стоимость овцы, и тѣмъ дѣло кончится. А между тѣмъ его отправили въ Эксетеръ, гдѣ въ то время была сессія; судья составилъ обвиненіе, и присяжные, въ числѣ которыхъ

находился республиканецъ-кожевникъ, ненавидѣвшій людей болѣе высокаго происхожденія, признали его виновнымъ. Въ одинъ и тотъ же день судился вмѣстѣ съ нимъ за то же преступленіе Джекобъ Пренчъ, и ихъ обоихъ приговорили къ смертной казни на висѣлицѣ, а тѣла ихъ приказано было повѣсить въ клѣткѣ на страхъ всѣмъ преступникамъ.

Семья молодого человѣка сдѣлала все, что только было въ ея власти, чтобы спасти его. Но народъ въ то время былъ сильно вооруженъ противъ господъ, и ничто, казалось, не могло поколебать рѣшенія закона. Судья, человѣкъ суровый и неумолимый радикалъ, не соглашался взять обратно своего приговора, а народа, былъ ожесточенъ войнами и смутами. Время было, однимъ словомъ, такое, что и думать нечего было, чтобы можно было предотвратить повѣшеніе преступниковъ, совершившихъ покражу овецъ.

Смертная казнь Пренча и Валлеторта должна была совершиться противъ тюрьмы въ Эксеторѣ, а тѣла ихъ въ клѣткѣ повѣшены на деревѣ на «Висѣличной Горѣ» между Тевистокомъ и Линдфордомъ въ Дартмурѣ. Дѣдъ Гарри, Чарльзъ Гоуки, хорошо помнилъ стараго кузнеца Саула Текера изъ Линдфорда, который всегда дѣлалъ эти клѣтки и получалъ за каждую изъ нихъ по пяти совереновъ.

Пасторъ Валлетортъ, измученный горемъ, проводилъ цѣлые дни на колѣняхъ, со слезами умоляя Бога спасти его сына, а жена его со всѣмъ пыломъ текущей въ ея жилахъ Сомерлетской крови, съ рвеніемъ истой тигрицы вступила въ борьбу за своего любимца. Она находила законъ слишкомъ суровымъ и, если можно такъ выразиться, всѣми силами старалась обойти его. Она отличалась рѣдкимъ умомъ и рѣдкой смѣлостью, а теперь качества эти болѣе чѣмъ когда-либо были ей необходимы. Ей было лѣтъ пятьдесятъ или около этого; холодная и надменная, гордая и тщеславная, она не могла допустить той мысли, чтобы сынъ ея погибъ такою постыдною смертью. Она предпочитала, чтобы онъ покончилъ самъ съ собою; говорятъ, что она, придя къ нему на свиданіе, передала ему кольцо съ ядомъ, полученное ею въ наслѣдство. Но это она считала послѣднимъ, отчаяннымъ средствомъ и, цѣлуя его на прощаніе, шепнула ему нѣсколько словъ, говорившихъ ему скорѣе о жизни, чѣмъ о смерти. Ей пришлось много чего сказать ему, а такъ какъ тюремщики были на ея сторонѣ, ибо въ карманахъ ея было всегда золото, то они снисходительно отнеслись къ послѣднему свиданію матери съ сыномъ.

Исполненіе приговора шло своимъ путемъ и осужденные преступники стояли въ назначенный часъ подъ висѣлицей и вдвоемъ отправились въ загробный міръ. Народъ закричалъ, зашумѣлъ, выражая неудовольствіе, но порядокъ былъ скоро водворенъ. По прошествіи извѣстнаго времени тѣла

спустили внизъ; явился тюремный докторъ, который осмотрѣлъ ихъ и доложилъ присяжнымъ, что преступники несомнѣнно кончили свою жизнь.

Весь Эксетеръ былъ взволнованъ въ эту ночь. Чернь подожгла домъ кожевника, который былъ старостой присяжныхъ и главнымъ виновникомъ осужденія Валлеторта, затѣмъ сдѣлала куклу, изображающую судью, и сожгла ее на кострѣ въ дворѣ Собора. Но исторія этимъ не кончилась, и вы сейчасъ узнаете, что случилось въ ночь послѣ совершенія смертной казни.

Когда народъ разошелся, изъ-за тюрьмы выѣхала большая телѣга, которою управлялъ Николасъ Перри. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ одинъ изъ тюремщиковъ съ заряженнымъ ружьемъ, а на заднемъ концѣ телѣги два солдата также съ заряженными ружьями; на днѣ телѣги лежали на соломѣ тѣла Пренча и Валлгторта. Ихъ везли въ Тевистокъ, чтобы, согласно приговору, повѣсить въ клѣткѣ на «Висѣличной Горѣ».

За остальную часть исторіи я могу поручиться, потому что Никъ Перри былъ родомъ изъ Дартмура и я былъ мальчикомъ, когда о немъ вспоминали старики Эксетера.

Телѣга катилась по дорогѣ; лошади бѣжали рысью, и до полуночи ничего не случилось. Послѣ полуночи, когда телѣга находилась неподалеку отъ небольшой деревушки Зиль, ее остановилъ какой-то пѣшеходъ, горбатый старикъ, умоляя Христомъ Богомъ подвезти его.

— Я шелъ пѣшкомъ часовъ двѣнадцать, нигдѣ не останавливался, и усталъ до смерти, — сказалъ онъ. — Я иду къ своей умирающей женѣ… Доброе дѣло сдѣлаете, если подвезете больного.

Перри, который всегда былъ готовъ сыграть какую-нибудь штуку, не прочь былъ и теперь посмѣяться; толкнувъ незамѣтно въ бокъ тюремщика и подмигнувъ ему, онъ сказалъ старику:

— Почему нѣтъ, товарищъ! Полѣзайте на телѣгу и ложитесь на солому. Тамъ лежатъ еще двое — спятъ, какъ убитые. Можете лечь рядомъ съ ними, если хотите. Не разбудите ихъ только: они измучены еще больше вашего.

Солдаты поняли, что онъ хочетъ подшутить надъ старикомъ; они поспѣшили подать руку и помогли ему взобраться на телѣгу. Телѣга двинулась дальше. Прошло немного времени и путнику не понравилась, повидимому, лежавшая на днѣ телѣги компанія. Съ громкимъ крикомъ испуга вскочилъ онъ:

— Они мертвые! — заревѣлъ онъ. — Клянусь Богомъ мертвые! — И не дожидаясь, пока остановится телѣга, прыгнулъ на землю и скрылся въ темнотѣ такъ скоро, какъ только могли снести его хромыя ноги.

Солдаты и другіе провожатые хохотали до упаду и въ самомъ веселомъ

настроеніи духа подъѣзжали къ Окихемптону. Каждый изъ нихъ, кромѣ того, былъ радъ скорѣе избавиться отъ своего зловѣщаго груза. Но смѣхъ ихъ продолжался не долго; вмѣсто этого, по спинѣ ихъ пробѣжалъ морозъ, ноги затряслись и волосы встали дыбомъ. Въ телѣгѣ послышался голосъ… Перри закричалъ, какъ безумный, выпустилъ изъ рукъ возжи и едва не упалъ безъ чувствъ на руки тюремщика. Сзади него потянулась изъ телѣги чья-то рука и легла ему на плечо.

Начинало уже разсвѣтать, и при тускломъ свѣтѣ начинающагося дня онъ увидѣлъ, что это хромой старикъ, сѣдобородый, горбатый и въ изодранныхъ сапбгахъ.

— О, святые ангелы! — воскликнулъ Николасъ Перри. — Кто вы и откуда вы появились? Не вы-ли сѣли къ намъ въ телѣгу, и затѣмъ, увидя мертвыя тѣла, испугались и выпрыгнули вонъ?

— Выпрыгнулъ? И не думалъ, — отвѣчалъ старикъ. — Я такъ былъ радъ, когда почувствовалъ подъ собою солому, что сейчасъ протянулъ свои усталые члены и заснулъ. Выпустите меня, пожалуйста, я доѣхалъ до мѣста своего назначенія. Спасибо, что подвезли.

Всѣ были поражены, когда, осмотрѣвъ телѣгу, увидѣли, что на днѣ ея осталось только одно мертвое тѣло. Они зажгли фонари, перерыли солому, но нашли только тѣло Джекоба Пренча, а богатый повѣшенный преступникъ Лесли Валлеторть куда-то исчезъ.

Они нашли только одно мертвое тѣло…

Тогда они рѣшили, что слѣдуетъ арестовать горбатаго старика, но пока они возились съ соломой, отыскивая пропавшее тѣло, старика уже и слѣдъ простылъ. При свѣтѣ начинающагося дня они легко видѣли улицу Окихемптона и дома по обѣ ея стороны, окна которыхъ были еще закрыты. Но улица была пустая.

Да, ловко была устроена вся эта штука и потребовала знатнаго количества денегъ. Никто, разумѣется, не узналъ ничего, несмотря на поднявшуюся кругомъ суматоху. Палачъ клялся и божился, что веревка была прилажена, какъ слѣдуетъ, докторъ увѣрялъ, что не могъ ошибиться въ смерти молодого Лесли Валлеторта, и солдаты, которые везли тѣла, клялись также, что они были мертвые. Осталось доказаннымъ лишь то, что онъ уступилъ свое мѣсто старику, а самъ выпрыгнулъ изъ телѣги.

А случилось все это вотъ какимъ образомъ. Мать присужденнаго къ смертной казни Лесли поняла, что только подкупъ можетъ спасти жизнь ея сына, и рѣшила пожертвовать половину своего небольшого капитала. Она

обратилась прежде всего къ палачу и спросила его, есть ли возможность спасти ея сына, на что тотъ ей отвѣтилъ, что все зависить отъ его искусства. Онъ сдержалъ свое слово и получилъ, говорятъ, двѣсти-триста фунтовъ стерлинговъ. Веревка, какъ видите, покорна тому, кто черезъ нее получаетъ средства къ существованію; палачъ устроилъ нѣчто въ родѣ твердаго ошейника изъ пеньки и накинулъ его такимъ образомъ, что осужденный висѣлъ на челюстяхъ и веревка не задавила его. Валлетортъ долженъ былъ, съ своей стороны, помочь и, видя, что происходитъ съ его товарищемъ, долженъ былъ продѣлать то же самое и притвориться мертвымъ. Тюремный докторъ на скорую руку осмотрѣлъ казненныхъ, а затѣмъ осмотрѣлъ ихъ и его ассистентъ. Оба они получили, я думаю, тысячи двѣ, — три фунтовъ за свои труды. Всѣ трое способствовали сохраненію жизни бѣдняги, и Лесли Валлетортъ былъ признанъ присяжными такимъ же мертвецомъ, какъ и Джекобъ Пренчъ. Возница и тюремщикъ увѣряли, что онъ былъ холодный и окоченѣлый, когда они клали его въ телѣгу. Нѣтъ сомнѣнія, что они все прекрасно знали и участвовали въ заговорѣ, за что получили вознагражденіе. Принималъ въ этомъ участіе и Чарли Мэмфордъ, дѣдъ фермера Джима. Это онъ просилъ подвезти его въ телѣгѣ, и затѣмъ поднялъ крикъ и притворился испуганнымъ, — но выпрыгнулъ изъ телѣги не онъ. Никогда мистеръ Лесли не нуждался такъ въ мужествѣ и ловкости, какъ въ тотъ ужасный день; благодаря мужеству и водкѣ, которую ему подсунулъ Мэмфордъ, соскочилъ онъ на землю и скоро, скрылся изъ виду. Въ ста шагахъ отъ Уиддонскихъ песчаныхъ холмовъ его поджидала мать въ экипажѣ, запряженномъ парою быстроногихъ лошадей. Не прошло и двадцати четырехъ часовъ, какъ онъ уже уѣхалъ изъ Англіи. Когда власти явились къ пастору, онъ могъ только увѣрять, что невиновенъ въ этомъ дѣлѣ, какъ новорожденный ягненокъ, и ничего рѣшительно не знаетъ. Онъ говорилъ совершенную правду, ибо жена, хорошо знавшая его, скрыла отъ него свои планы изъ опасенія, чтобы онъ не выдалъ всего.

— Я только молился Всемогущему и просилъ Его спасти несчастнаго, — сказалъ почтенный старикъ, — а никому не воспрещается молиться за своего заблуждающагося сына. Но какъ случилось, что Господь отвѣтилъ на мои мольбы и кто былъ Его орудіемъ, этого я положительно не понимаю.

И старикъ такъ и умеръ, ничего не зная. Онъ не вынесъ сильнаго потрясенія и умеръ, не зная о томъ, что Лесли отыскалъ своего военнаго брата, который служилъ подъ начальствомъ Веллингтона, и записался въ его полкъ подъ вымышленнымъ именемъ.

Впослѣдствіи онъ былъ помилованъ и вернулся на родину, не опасаясь

больше никакого преслѣдованія.

Но истины никто не зналъ до тѣхъ поръ, пока онъ не открылъ ее на своемъ смертномъ ложѣ, когда всѣ, кто помогъ ему спастись, а въ томъ числѣ и его мать, давно уже умерли. Нѣкоторые не повѣрили его разсказу и говорили, что онъ былъ не въ своемъ умѣ, который былъ затуманенъ приближающейся смертью. Но все это была истинная правда и лучшаго разсказа не подыскать для зимняго вечера. Не правда-ли?

ЧЕЛОВѢКЪ У ИЗГОЛОВЬЯ

Разсказъ Джемса Барра

Обыкновенно крэнъ Адамсъ спалъ крѣпкимъ спокойнымъ сномъ. Мучительная безсонница рѣдко посѣщала его. Крэнъ Адамсъ спалъ, какъ спятъ люди физически здоровые и матеріально обезпеченные, мозгъ которыхъ въ продолженіе дня не занимался разрѣшеніемъ трудныхъ проблемъ. Онъ ложился обыкновенно въ одиннадцать часовъ и вставалъ въ половинѣ восьмого, основательно выспавшись.

Но на этотъ разъ обычный порядокъ былъ нарушенъ: безъ всякой видимой причины, онъ проснулся въ половинѣ четвертаго ночи (по свѣтящимся часамъ на его ночномъ столикѣ) и никакъ не могъ заснуть. А между тѣмъ все какъ нельзя болѣе располагало ко сну: ночь была темная, безлунная, на дворѣ однообразно и тоскливо завывалъ вѣтеръ — предвѣстникъ приближающейся зимы, напѣвавшій баюкающую пѣсенку тому, кто уютно лежитъ въ мягкой постели; никакой посторонній шумъ не нарушалъ тишины комнаты, въ которой лежалъ Адамсъ. Но тѣмъ не менѣе онъ не могъ сомкнуть глазъ, — или, вѣрнѣе, несмотря на то, что онъ упорно держалъ ихъ сомкнутыми, сонъ не приходилъ. Онъ лежалъ совершенно неподвижно, зная, что если станетъ ворочаться и метаться въ постели, то еще болѣе отгонитъ бѣжавшій отъ него сонъ. И вотъ, мысль его невольно унеслась въ даль забытаго прошлаго, при воспоминаніи о которомъ онъ тихо вздохнулъ. А затѣмъ мало-по-малу онъ настолько ушелъ въ свои мысли и воспоминанія, что не замѣчалъ даже, что продолжаетъ бормотать, вздыхать и даже стонать время отъ времени. Онъ упорно не раскрывалъ глазъ, все еще надѣясь, что сонъ придетъ. Гдѣ-то въ отдаленіи часы пробили четыре.

— Ты что-то неспокойно спишь сегодня, — послышалось ему въ темнотѣ, но Адамсъ не раскрылъ глазъ и даже не удивился. Ни одинъ мускулъ его не дрогнулъ. Единственное, что онъ сдѣлалъ, было то, что онъ затаилъ дыханіе.

Это замѣчаніе донеслось до него, повидимому, изъ устъ человѣка, который, должно быть, сидѣлъ у самаго изголовья его постели; они были произнесены спокойнымъ, явственнымъ полутономъ, какъ разъ настолько громко, чтобы онъ могъ ихъ разслышать. Онъ отлично сознавалъ, что звукъ этотъ не можетъ быть услышанъ не только въ сосѣдней комнатѣ, но даже и въ другомъ концѣ его спальни, и что тотъ, кто сдѣлалъ это замѣчаніе, видимо желалъ, чтобы только онъ одинъ слышалъ его слова. Это уже само по себѣ было жутко, да и самое замѣчаніе: «Ты что-то не спокойно спишь сегодня» — звучало какъ-то зловѣще.

Адамсъ не могъ принудить себя выговорить хоть одно слово въ отвѣтъ на это замѣчаніе; странность этого момента какъ бы парализовала всѣ его движенія. Онъ притаился и не шевелился, какъ выслѣженный заяцъ, но при этомъ сознавалъ, что если разговоръ долженъ былъ завязаться между нимъ и его невидимымъ гостемъ, то начать его долженъ послѣдній. Молчаніе длилось долго, томительно долго, но сколько именно времени — онъ не могъ бы сказать.

Вотъ опять среди ночной тишины изъ мрака раздался тотъ же голосъ:

— Я не считаю нужнымъ предупреждать тебя, чтобы ты никого не звалъ и не протягивалъ руки къ звонку. Твой здравый смыслъ долженъ подсказать тебѣ, что всякая попытка призвать на помощь повлечетъ за собой твою гибель, безразлично, чего бы мнѣ это впослѣдствіи ни стоило. Ну, а теперь довольно объ этомъ. Я только еще разъ, повторяю: ты что-то неспокойно спишь сегодня.

Адамсъ смочилъ языкомъ свои пересохшія губы. До этого момента онъ считалъ себя человѣкомъ смѣлымъ и рѣшительнымъ, но теперь онъ въ сотый разъ называлъ себя малодушнымъ трусомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внутренно признавалъ, что въ данномъ случаѣ чувство, близкое къ трусости, было, пожалуй, извинительно, потому что человѣкъ, лежавшій въ постели, въ абсолютной темнотѣ зимней ночи, рядомъ съ сидящимъ подлѣ него неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, неизвѣстно какъ проникшимъ сюда, съ неизвѣстнымъ намѣреніемъ, естественно долженъ чувствовать себя безпомощнымъ. Все это пронеслось въ головѣ Крэна Адамса въ тотъ моментъ, когда онъ готовился отвѣтить своему посѣтителю.

— Да, я что-то не могу заснуть сегодня, — вымолвилъ онъ, наконецъ, съ трудомъ.

— Значитъ, я былъ правъ, — продолжалъ тотъ же голосъ, — за послѣдніе полчаса ты не спалъ ни минуты, это фактъ. Почему? Развѣ ты вообще страдаешь безсонницей?

— Нѣтъ, напротивъ того, это нѣчто совсѣмъ непривычное для меня, и, насколько я помню, это случается со мной впервые.

— И при этомъ нельзя сказать, чтобы это было пріятно?

— Безусловно, — согласился Крэнъ Хдамсъ.

— Такъ. Но не будемъ говорить такъ громко; я не желаю доводить дѣло до несчастнаго случая. Скажи мнѣ, почему же ты впервые томишься мучительной безсонницей? Говорятъ, въ такихъ случаяхъ хорошо помогаетъ чистосердечная исповѣдь; а я какъ разъ самый подходящій для роли исповѣдника субъектъ. Я лучше всякаго другого пойму и оцѣню исповѣдь лю бого. преступленія, потому что я въ этого рода дѣлахъ весьма свѣдущъ.

— Такъ вы… вы… преступникъ? — ослабѣвшимъ голосомъ спросилъ Адамсъ.

— Да, какъ и ты, я полагаю. Развѣ я былъ бы здѣсь, если бы не былъ преступникомъ.

— Я полагалъ, что вы, можетъ быть, просто эксцентричный человѣкъ…

Неизвѣстный глухо разсмѣялся.

— Да, это было бы, пожалуй, чуточку эксцентрично пробраться въ чужую квартиру ночью только для того, чтобы позабавить себя рискомъ быть принятымъ за грабителя, не правда ли? Но повѣрь мнѣ, что меня привела сюда не эксцентричность, а сам й хладнокровный и обдуманный разсчетъ. А теперь, когда я уже здѣсь, признаюсь, ты возбудилъ во мнѣ любопытство, и я хочу удовлетворить его. Я задамъ тебѣ рядъ вопросовъ, на которые прошу тебя отвѣтить. Въ матерьяльномъ отношеніи ты, повидимому, хорошо обезпеченъ, не такъ ли?

— Да.

— И у тебя конечно, не мало друзей?

— Да, не мало.

— Значитъ, если у тебя есть что-либо на совѣсти, то содѣяно оно было не теперь въ послѣдніе годы, а когда-нибудь раньше? Очень многія преступленія не представляютъ собою соблазна для людей матерьяльно обезпеченныхъ, какъ, напримѣръ, грабежъ, воровство, вымогательство или даже самая простая недобросовѣстность. Слѣдовательно, то, что ты сдѣлалъ, или то, чего ты не сдѣлалъ, а долженъ былъ сдѣлать, — преступное дѣяніе, которое мѣшаетъ тебѣ теперь спать, — было совершено

тобою давно, уже много лѣтъ тому назадъ. Да?

— Да, — подтвердилъ Адамсъ, чувствуя, что ему не подъ силу воздержаться отъ признанія.

— Какъ видишь, — продолжалъ голосъ, — я до извѣстной степени философъ въ этомъ отношеніи; меня интересуетъ самый процессъ преступности, въ мозгу, т. е. вліяніе ея на мысли и совѣсть человѣка, до и послѣ преступленія, въ тѣхъ случаяхъ, конечно, когда совѣсть еще не совсѣмъ заглохла. Въ данномъ случаѣ, она еще, повидимому, жива?

— Я жалѣю только о томъ, что она не всегда была жива, — простоналъ Адамсъ.

— О, такого рода пожеланіе является только у тѢхъ преступниковъ, которые вступили на путь порядочности; остальные же благословляютъ свою совѣсть за то, что она спитъ непробуднымъ сномъ.

Адамсъ явственно слышалъ, какъ его собесѣдникъ придвинулъ свой стулъ ближе къ его кровати.

— Какъ я уже сказалъ тебѣ, я самый подходящій человѣкъ для роли исповѣдника, а потому скажи мнѣ, какъ давно совершено было то преступленіе, которое теперь безпокоитъ тебя.

— Мнѣ кажется, что это произошло съ того времени, когда я увидѣлъ, что обезпечилъ себя отъ нужды и пріобрѣлъ уваженіе своихъ ближнихъ.

— И вотъ тогда-то и заговорила твоя совѣсть? А теперь нужно ее угомонить, не правда ли? И послѣ того ты будешь жить спокойно и беззаботно. Такъ. Ну а теперь посмотримъ, не могу ли я помочь тебѣ въ этомъ. Когда же именно совершилъ ты свой проступокъ?

— Да почти двадцать лѣтъ тому назадъ.

— А противъ кого?

Неизвѣстный задавалъ всѣ эти вопросы тономъ довѣреннаго друга, изъ чего можно было заключить, что онъ ни мало не сомнѣвался въ томъ, что лежавшій въ постели человѣкъ станетъ отвѣчать ему какъ на духу. И въ самомъ дѣлѣ, Адамсу даже и въ голову не пришло воспротивиться этому безцеремонному допросу или хотя бы утаить отъ этого человѣка что-либо. Казалось, будто этотъ забравшійся въ чужую квартиру неизвѣстный загипнотизировалъ его, подчинивъ его всецѣло своей волѣ.

Сѣвъ на постель и подобравъ ноги, онъ обхватилъ обѣими руками свои колѣни и въ такомъ положеніи принялся послѣдовательно разсказывать исторію своего преступленія. И странно: за все это время онъ ни разу не попробовалъ заглянуть въ лицо человѣка, сидѣшаго неподвижно у его изголовья и принимавшаго молча его исповѣдь. Онъ какъ будто опасался прогнѣвить этимъ неизвѣстнаго, который, несмотря на то, что ни словомъ,

ни дѣйствіемъ не прибѣгалъ по отношенію къ нему ни къ какимъ угрозамъ, кромѣ перваго предостереженія не звать на помощь, — уже однимъ своимъ присутствіемъ здѣсь выражалъ нѣмую угрозу, съ которой нельзя было не считаться.

— Только проживъ съ полстолѣтія, человѣкъ обогащается мудростью и опытомъ, а двадцать пять лѣтъ тому назадъ я былъ глупъ и не разуменъ, — началъ Адамсъ и замолкъ.

— Каждый изъ насъ былъ глупъ лѣтъ двадцать назадъ, — замѣтилъ неизвѣстный; — что же изъ того?

— Да, можетъ быть и такъ, но все же не столь глупъ, какъ Адамсъ. — возразилъ кающійся.

— Это, вѣроятно, ваше имя, не такъ ли?

— Да, меня зовутъ Крэнъ Адамсъ— и я могу сказать, что это имя уважаемое и почтенное въ той части Лондона, гдѣ я живу.

— А какой вы профессіи?

— У меня небольшая книжная торговля въ Лондонѣ въ настоящее время. Но преступленіе свое я совершилъ не здѣсь, не въ Лондонѣ, а въ Америкѣ.

— Ну, Америка несравненно поэтичнѣе для всякаго рода преступныхъ дѣяній, — саркастически замѣтилъ неизвѣстный. — Это рай для преступниковъ, а Англія мирный уголокъ для отдыха, сказалъ бы я.

— Да — это такъ, — согласился Адамсъ. — Я бѣжалъ въ Англію, чтобы обрѣсти спокойствіе и отдыхъ. До того времени я боялся за свою жизнь и былъ уже на волосокъ отъ револьверной пули; это-то и заставило меня уѣхать въ Англію.

— Да, револьверныя пули аргументъ весьма убѣдительный, но онѣ обыкновенно не пронизываютъ людей въ мирное время безъ уважительной причины. Признайтесь, какая тому была причина въ вашемъ случаѣ.

— Я имѣлъ книжную торговлю въ Чикаго. Тамъ я торговалъ и новыми книгами, и держанными; но дѣла мои шли неважно. Чикаго не выдающейся просвѣтительный и научный центръ; тамъ больше процвѣтаетъ искусство быстраго обогащенія и воровства. Я и началъ, и велъ свое дѣло по началу честно; продолжалось это довольно долго; но мало-по-малу я убѣдился, что честный путь — долгій путь, и, по примѣру большинства моихъ согражданъ, рѣшилъ пойти кратчайшимъ путемъ, ведущимъ къ золотому мѣшку. Ничто на свѣтѣ не побуждаетъ такъ человѣческій мозгъ къ изобрѣтательности, какъ недовольство: дня три я стоялъ по утрамъ въ дверяхъ своего магазина, засунувъ руки въ карманы, и поджидалъ покупателей, а главнымъ образомъ измышлялъ, что бы мнѣ сдѣлать. Я

знал, что возможность разбогатѣть быстро есть въ любомъ дѣлѣ, при условіи, что человѣкъ достаточно смышленъ и находчивъ, чтобы угадать эту возможность и успѣть во-время ею воспользоваться. И вдругъ у меня родилась мысль, что мой магазинчикъ могъ бы быть превосходнымъ мѣстомъ для укрывательства разнаго ворованнаго добра. И, по-обдумавъ это хорошенько, я убѣдился, что мое положеніе — скромнаго и добросовѣстнаго торговца — какъ нельзя болѣе пригодно для того, чтобы я могъ стать скупщикомъ всякаго краденаго имущества. Здѣсь я могъ припрятать все что угодно и, спокойно выждавъ подходящее время, пускать эти краденыя вещи въ продажу. Въ этой части города я былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ вполнѣ честный и уважаемый книгопродавецъ; ни малѣйшей тѣни подозрѣнія не могло пасть на меня, если только я самъ не сдѣлаю какого-либо крупнаго промаха, или же кто-нибудь изъ моихъ довѣренныхъ лицъ не допуститъ себя до большой оплошности.

— Дѣйствительно, торговецъ старыми книгами представляется всѣмъ самымъ кроткимъ и безобиднымъ существомъ въ мірѣ; а книжная торговля несомнѣнно послѣднее мѣсто, въ которомъ я сталъ бы искать награбленыя вещи, — замѣтилъ человѣкъ, сидѣвшій у изголовья.

— Такого же мнѣнія придерживалась и чикагская полиція, которая была вообще далеко не дура, когда ей приходилось выслѣдить или накрыть какого-нибудь преступника. Дѣло въ томъ, что въ Чикаго такъ много преступниковъ, которыхъ мѣстная полиція не желаетъ накрыть и изловить, что это дѣлаетъ ее особенно старательной и настойчивой по отношенію къ тѣмъ преступникамъ, которыхъ она желаетъ задержать. Я лично былъ одинъ изъ немногихъ, которые не подкупали полицію, и тѣмъ не менѣе я оставался внѣ подозрѣнія. Въ магазинѣ у меня была помощница, очень не глупая дѣвушка. Фамилія ея не имѣетъ значенія, а звали ее Нанси; это была славная, хорошенькад дѣвушка, и не мало книгъ было продано молодымъ людямъ только благодаря тому, что они хотѣли побыть нѣкоторое время въ ея обществѣ, поболтать и пошутить съ ней нѣсколько минутъ. Нанси была остроумна и находчива, и даже самый смѣлый и находчивый изъ молодыхъ моихъ посѣтителей не могъ смутить ее или заставить спасовать передъ собой. Красивая дѣвушка выгодна для своего патрона не только за прилавкомъ, а потому, памятуя это, я внимательно приглядывался къ тѣмъ молодымъ людямъ, которые особенно часто заглядывали ко мнѣ въ магазинъ, чтобы побесѣдовать съ Нанси. И когса я свернулъ съ прямого пути, то сталъ перебирать ихъ всѣхъ, соображая, который изъ нихъ могъ бы быть пригоденъ мнѣ для моихъ цѣлей. Наконецъ, я остановилъ свой выборъ на одномъ молодомъ служащемъ большого банка. Въ тѣ годы такіе

молодые клерки очень быстро дослуживались до должности кассира, а тотъ молодой человѣкъ какъ разъ только что добрался до этой должности. Не знаю, знакомы ли вы съ нравами и обычаями Сѣверной Америки, вообще, и города Чикаго въ оссбенности.

— О, да, — отозвался человѣкъ, сидящій у изголовья.

— А знавали ли вы Штаты лѣтъ 15, 20 тому назадъ?

— Да, я какъ разъ въ ту пору былъ тамъ.

— Въ такомъ случаѣ вы знаете, что въ то время вести дѣла банка было не особенно хитро, и все въ нихъ было примитивно. Служащіе не любили подолгу засиживаться на своихъ мѣстахъ; они легкомысленно бросали свое дѣло и брались за что-нибудь другое, а потому тѣ изъ нихъ, которые оставались на своихъ мѣстахъ, быстро повышались по службѣ. Здѣсь, въ Англіи, это. обстоитъ совершенно иначе; здѣсь молодой человѣкъ, вступаетъ на должность клерка съ твердымъ намѣреніемъ достигнуть повышенія путемъ многолѣтней добросовѣстной работы. Тотъ молодой человѣкъ, о которомъ я вамъ упомянулъ, заходилъ ко мнѣ, или вѣрнѣе къ Нанси, чаще другихъ. Это былъ юноша, преисполненный рѣшимости и честолюбія, нетерпѣливый, даже въ мелочахъ, горячій, вспыльчивый и* жестокій. Среди молодыхъ людей, обратившихъ свое вниманіе на Нанси, были несомнѣнно лучшіе люди, чѣмъ онъ, но мнѣ казалось, что именно этотъ молодой человѣкъ…

— Какъ его звали?.

— Риксъ. Судя по наружности, я склоненъ былъ думать, что у Рикса въ крови было нѣчто чужестранное, и это прельщало Нанси. Онъ очаровалъ ее своимъ пылкиіъ темпераментомъ и овладѣлъ ея сердцемъ съ той стремительной быстротой, которая присуща южанамъ по отношенію къ женщинамъ. Въ сущности, онъ былъ настоящій дикарь; хотя по манерѣ и внѣшности онъ былъ безупреченъ, но все время чувствовалось, что подъ этимъ скрывается натура настоящаго дикаря. Это-то и заставило меня остановить на немъ мой выборъ. Мнѣ казалось, что онъ долгое время не могъ понять моихъ намековъ, но впослѣдствіи я узналъ, что онъ понялъ меня съ перваго же слова и хотѣлъ лишь убѣдиться, что я не псдставлю ему ловушки. Когда же онъ, наконецъ повѣрилъ въ меня, то всецѣло сдался въ мои руки. Надо вамъ сказать, что мы все время остерегались, чтобы насъ никто не видѣлъ вмѣстѣ, и съ внѣшней стороны насъ никто не могъ бы принять за сообщниковъ. Риксъ посѣщалъ мою маленькую торговлю наравнѣ съ многими другими молодыми людьми, которые заходили купить книгу и поболтать съ Нанси. Мы совѣщались съ нимъ въ двухътрехъ словахъ, когда никто этого не видѣлъ, такъ что даже Нанси не подозрѣвала,

что между нами существовали болѣе близкія отношенія, чЕмъ обычное шапочное знакомство, а между тѣмъ эта дѣвушка была чрезвычайно наблюдательна. И вотъ, въ концѣ-концовъ, мы остановились на рѣшеніи ограбить банкъ. Риксъ могъ легко овладѣть десятками тысячъ долларовъ въ бумагахъ. Американскія деньги легко сплавить, особенно если они не выше десяти-долларовaго достоинства. Облигаціи Англійскаго Банка въ этомъ отношеніи много менѣе удобны. Рѣшено было похитить сумму въ 20.000 долларовъ и. передать ее мнѣ на храненіе, а самому Риксу по-прежнему продолжать свою службу въ банкѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Понятно, что подозрѣніе должно пасть на него, и онъ прекрасно зналъ, что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ за нимъ будутъ безпрерывно слѣдить, будутъ ходить по пятамъ и не спускать съ него глазъ. Но онъ былъ увѣренъ, что если у него хватитъ терпѣнія продолжать работать попреж-нему, надзоръ мало-по-малу ослабнетъ, и тогда онъ спокойно сумѣетъ взять отъ меня причитающуюся ему по уговору половину похищенной суммы, чтобы пустить ее такъ или иначе въ дѣло. Я полагалъ, что этотъ планъ могъ бы удасться…

— Но онъ не удался, да?

— Да, не удался, — подтвердилъ Адамсъ. — Риксъ ошибся. Онъ быстро спохватился, что при похищеніи оставилъ вѣрный слѣдъ, по которому можно было указать похитителя, и, запыхавшись, прибѣжалъ ко мнѣ, увѣряя, что у него дѣло сорвалось. — «Какія у васъ есть деньги?» — спросилъ онъ, вручивъ мнѣ похищенныя бумаги. Я досталъ изъ кармана оказавшіеся тамъ пятьдесять долларовъ мелочью. — «Дайте ихъ мнѣ, — сказалъ онъ, — я не могу сейчасъ пустить въ оборотъ похищенныя бумаги и не могу рисковать оставить ихъ при себѣ; попытаюсь бѣжать, а вы сохраните мою долю; когда-нибудь я вернусь и возьму ее. Вамъ я вполнѣ довѣряю». И онъ бѣжалъ. Но его выслѣдили прежде, чѣмъ онъ успѣлъ добраться до Нью-Іорка. Въ ту пору всѣ, кто бѣжалъ отъ правосудія, бѣжали на западъ, а потому Риксъ полагалъ, что если онъ направится на востокъ, то это увеличитъ его шансы на спасеніе. Но онъ жестоко ошибся: его все же изловили и предали суду.

— Тогда вы стали тревожиться и за себя?

— Ничуть. Я хорошо зналъ Рикса и былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не впутаетъ меня въ это дѣло. Это былъ желѣзный человѣкъ, и даже пытки инквизиціи не вырвали бы у него того, что онъ рѣшилъ сохранить втайнѣ. А кромѣ того, его бы отнюдь не спасло то, что (? нъ выдалъ меня: оно повело бы только къ тому, что украденныя деньги были бы отобраны у меня, и мы оба потеряли бы то, ради чего онъ рисковалъ своей свободой и честью, и долженъ былъ, выйдя изъ тюрьмы

послѣ отбытія срока наказанія, очутиться безъ гроша денегъ. Нѣтъ, я нисколько не тревожился, и Риксъ безропотно принялъ свои три года тюремнаго заключенія. Приговоръ оказался мягче, чѣмъ онъ ожидалъ: почему-то господа судьи были благодушно настроены въ этотъ день и посмотрѣли на это дѣло сравнительно легко.

— Десять тысячъ долларовъ сбереженія за три года заключенія было, конечно, не плохо, — замѣтилъ человѣкъ, сидѣвшій у изголовья.

— Да, но тутъ-то и произошло то, что теперь вызываетъ у меня эти безсонныя ночи.

— Неужели вы хотите сказать, что ограбили вашего соучастника? Неужели вы дѣйствительно могли совершить подобное преступленіе?

— Да, я его совершилъ, какъ это ни чудовищно…

— Такъ вотъ тотъ непрощенный грѣхъ, о которомъ вы теперь сокрушаетесь! — рѣзко и насмѣшливо процѣдилъ сквозь зубы посѣтитель.

— Я вполнѣ сознаю, какъ это было низко и подло заставить его совершить преступленіе и лишить плодовъ этого преступленія, заставить страдать цѣлыхъ три года и покинуть безъ гроша, самому воспользовавшись совершенно безнаказанно плодами его преступленія… — простоналъ Крэнъ Адамсъ.

— Теперь я не удивляюсь, что безсонница томитъ васъ часъ за часомъ. Укрывательство, конечно, дѣло не хорошее, но ограбить главнаго участника дѣла — это положительное преступленіе.

— И это еще не все, — простоналъ Адамсъ, — этимъ своимъ проступкомъ я разбилъ сердце бѣдной Нанси, которая серьезно любила Рикса. Но въ то время даже ея отчаяніе не трогало меня, — быть можетъ потому, что тогда ничто рѣшительно меня не трогало. Вѣроятно, я переживалъ тогда такой моментъ жизни, когда сердце мое совершенно окаменѣло. Не прошло и года, какъ я продалъ свою книжную торговлю другому лицу и переселился въ Нью-Орлеанъ.

— А что сталось съ Нанси? — спросилъ ночной гость.

— Вотъ только она, эта милая, славная дѣвушка, еще заставляла временами говорить во мнѣ совѣсть. Преступленіе нанесло ей тяжелый ударъ; она не въ состояніи была оставаться долѣе въ моемъ магазинѣ, ни въ самомъ городѣ Чикаго. Она довѣрилась мнѣ, совершенно не подозрѣвая, какую роль я сыгралъ въ паденіи любимаго ею человѣка. Она больше всего опасалась, чтобы Риксъ не узналъ какъ-нибудь о томъ, что сталось съ ней, потому что она не хотѣла, чтобы онъ разыскалъ ее по выходѣ изъ тюрьмы, зная навѣрное, что, несмотря на позоръ и преступленіе, она все же любила его настолько, что при видѣ его забудетъ все и кинется въ его объятія. Она

говорила мнѣ, что ненавидитъ и презираетъ его поступокъ, но безумно любитъ его самого.

— Да, но что же сталось съ нею? — снова повторилъ свой вопросъ человѣкъ у изголовья; въ голосѣ его слышалось нетерпѣніе, какъ будто ему начинало казаться, что Адамсъ безъ надобности растягиваетъ свою исповѣдь.

— Она поступила сидѣлкой, прошла курсъ сестеръ милосердія и, получивъ аттестатъ, вмѣстѣ съ одной дамой-благотворительницей основала госпиталь для больныхъ дѣтей въ бѣднѣйшемъ кварталѣ Нью-Іорка.

— Ну и что же? Такъ она на этомъ и осталась, или занялась въ настоящее время чѣмъ-нибудь другимъ?

— Она и по сей день еще въ Нью-Іоркѣ. Но я хочу разсказать вамъ также о Риксѣ и обо мнѣ. Спустя пять лѣтъ послѣ моего переселенія изъ Чикаго, мной овладѣло непреодолимое желаніе повидать старыя мѣста. Я отростилъ себѣ бороду и отправился. въ Чикаго. Я былъ увѣренъ, что Риксъ не останется въ городѣ, гдѣ его слишкомъ хорошо знали, и гдѣ его проступокъ надѣлалъ много шума, а потому не сомнѣвался, что не столкнусь съ нимъ. Очевидно, однако, что мѣсто преступленія пріобрѣтаетъ для преступника, какую-то необычайную притягательную силу.

— Роковую силу, можно сказать, — подтвердилъ неизвѣстный тономъ убѣжденности; — это исторія мотылька, летящаго на огонь; вѣрнѣйшій способъ попасть въ руки правосудія.

— И я чуть было не попался въ руки короннаго суда. Пріѣхавъ въ Чикаго, я сталъ бродить около старыхъ привычныхъ мѣстъ; въ первый же вечеръ я посѣтилъ танцъ-классъ при небольшой пивной съ садомъ, гдѣ частенько бывалъ въ прежній годы. Зашелъ я туда около полуночи, выбралъ себѣ мѣстечко, потребовалъ пива и сталъ смотрѣть на танцующихъ. Вдругъ послышалась брань, рѣзкіе голоса; танцующіе прервали свое занятіе, музыка замолчала, и въ центрѣ залы образовалось свободное пространство, а кругомъ столпилась густая толпа. Не долго думая, я взобрался на стулъ и, вытянувъ впередъ шею, старался увидѣть, въ чемъ дѣло. Оказалось, что двое мужчинъ стояли другъ противъ друга съ угрожающимъ видомъ и съ физіономіями освирѣпѣвшихъ гориллъ выкрикивали отрывочныя бранныя слова. Вдругъ тотъ изъ нихъ, который стоялъ ко мнѣ спиной, опустилъ руку въ карманъ, словно намѣреваясь выхватить револьверъ; тотъ же, который стоялъ лицомъ ко мнѣ, съ быстротой молніи выхватилъ свой, но направилъ его не на своего противника, а прямо на меня.

— На васъ?

— Да. Онъ нацѣлился на меня, я это видѣлъ ясно, я видѣлъ, что злобный взглядъ его былъ устремленъ прямо на меня. Вся эта ссора была лишь пустымъ предлогомъ, придуманнымъ для отвода глазъ; этотъ человѣкъ хотѣлъ убить именно меня — это мнѣ стало ясно въ мгновеніе ока, какъ только я угадалъ, кто былъ этотъ человѣкъ.

— Риксъ?

— Да, именно онъ, Риксъ. Я мгновенно упалъ всею тяжестью своего тѣла плашмя на полъ, и цѣлый рядъ выстрѣловъ грозно и жутко прогрохоталъ по залу надъ моей головой. Присутствующіе пришли въ ужасъ; послышались крики, вопли, угрозы, общій шумъ и смятеніе. Всѣ кинулись, давя другъ друга, къ окнамъ и дверямъ. Мнѣ казалось, что меня застрѣлили, но я не смѣлъ шевельнутся, чтобы убѣдиться въ невѣрности моего предположенія — я зналъ, что при малѣйшемъ движеніи меня немедленно прикончатъ. Я отлично зналъ, что Риксъ стрѣлялъ съ намѣреніемъ убить меня — и если бы ему представился еще разъ случай это сдѣлать, онъ сдѣлалъ бы это непремѣнно. Выждавъ удобный моментъ, я выкинулся изъ ближайшаго окна на улицу и сталъ удирать въ бѣгущей толпѣ, смѣшавшись съ нею.

— Вы были, вѣроятно, на волоскѣ отъ смерти. Ну, а впослѣдствіи, вамъ удалось узнать, чѣмъ все это кончилось?

— Отчасти. Въ чикагскихъ газетахъ я прочелъ о томъ, что мѣстная полиція задержала двоихъ: Рикса и Тима. Риксъ показалъ что онъ стрѣлялъ для самозащиты, а причиною ссоры послужило то, что во время танцевъ онъ по неосторожности натолкнулся на Тима, при чемъ они обмѣнялись взаимно обычными любезностями. Ирландецъ вышелъ изъ себя и выхватилъ свой револьверъ, а Риксъ, защищаясь, оказался проворнѣе его и выстрѣлилъ первый. Тимъ подтвердилъ это показаніе полностью, и Риксъ былъ оправданъ.

— Да, такова была версія полицейскаго отчета, — сказалъ сидѣвшій у постели человѣкъ, — но зная, крючкотворство мѣстныхъ властей и общепринятые въ Америкѣ пріемы, я попросилъ бы васъ сообщить мнѣ, какъ на самомъ дѣло все это произошло. Риксъ васъ узналъ, это, несомнѣнно, и рѣшилъ васъ убить; съ этой цѣлью онъ инсценировалъ всю эту ссору со своимъ пріятелемъ, который долженъ былъ выхватить изъ кармана револьверъ для того, чтобы дать Риксу возможность застрѣлить васъ. Такъ?

— Да, по крайней мѣрѣ я такъ объяснилъ себѣ все это дѣло.

— Но вы во всякомъ случаѣ счастливо отдѣлались, потому что я хорошо знаю, какъ превосходно стрѣляютъ изъ револьверовъ всѣ эти

американскіе злоумышленники, воры и грабители; вы можете благодарить за это свою судьбу.

— Я и благодарю ее, повѣрьте. Но я не захотѣлъ и часа долѣе оставаться въ Чикаго. Мало того: мнѣ казалось, что и Нью-Орлеанъ не достаточно далеко отстоитъ отъ этого города. Мною овладѣлъ какой-то паническій страхъ за свою жизнь. Собравъ пожитки, я спѣшно ликвидировалъ свои дѣла и бѣжалъ за Атлантическій океанъ; здѣсь я укрылся среди кишащаго людьми города Лондона, гдѣ я живу съ тѣхъ поръ.

— Теперь скажите мнѣ, что васъ лишаетъ сна: страхъ ли за вашу жизнь и месть Рикса, или же сожалѣніе о содѣянномъ вами преступленіи?

— Страха во мнѣ теперь уже давно нѣтъ. Его месть меня не пугаетъ больше, но я горько сожалѣю о той роли, какую я сыгралъ во всей этой исторіи.

— И съ тѣхъ поръ вы никогда не пытались притти въ соприкосновеніе съ этимъ Риксомъ?

— Нѣтъ, никогда.

— Ни съ той дѣвушкой, которую вы называете Нанси?

— Нанси, это дѣло другое. Ее я никогда не терялъ изъ вида. Съ каждымъ годомъ я все больше и больше сожалѣю о ней. Какъ я уже говорилъ вамъ, она отдала всю себя благотворительности, и я уговорился съ однимъ нью-іоркскимъ юристомъ, чтобы онъ сообщалъ мнѣ всѣ подробности ея жизни. Одинъ разъ въ году она является къ этому юристу и сообщаетъ ему, въ чемъ она особенно нуждается или что препятствуетъ успѣшности ея работы, и если въ моихъ силахъ ей доставить то, въ чемъ она нуждается, или помочь ей какимъ-нибудь инымъ способомъ, я тотчасъ же это дѣлаю. Но она не знаетъ, отъ кого исходитъ эта помощь или поддержка; она полагаетъ, что ее выручаетъ и ей помогаетъ какой-нибудь богачъ- благотворитель. Если бы она только знала о томъ, какую роль я сыгралъ въ проступкѣ ея возлюбленнаго, она и пальцемъ не дотронулась бы до моихъ денегъ. Но она ничего объ этомъ не знаетъ, а для меня это такая отрада, что я имѣю возможность хоть чѣмъ-нибудь вознаград ть ее за то ужасное зло, которое я, не подумавъ о ней, причинилъ ей, лишивъ ее возлюбленнаго.

Наступило долгое и томительное молчаніе, которое, наконецъ, было прервано неизвѣстнымъ, сидѣвшимъ у постели.

— Сегодня я въ первый разъ въ жизни исполнялъ обязанности духовника и признаюсь, что это дѣло весьма интересное. Тѣмъ не менѣе я не долженъ забывать, что явился сюда по дѣлу, и не въ правѣ рисковать интересами этого дѣла. Какъ видите, я и безъ того уже рисковалъ больше,

чѣмъ слѣдовало бы.

Съ этими словами человѣкъ, сидѣвшій у изголовья, зажегъ небольшой электрическій фонарикъ, который, однако, не далъ настоящаго яркаго снопа лучей, а распространилъ вокругъ себя небольшое свѣтящее пятно; его было достаточно для того, чтобы освѣтить дуло револьвера.

— Заложите руки за спину, — приказалъ неизвѣстный.

Адамсъ повиновался. Фонарикъ погасъ. Въ слѣдующій моментъ Адамсъ почувствовалъ, что ему на руки надѣли ручныя кандалы.

— Въ своемъ дѣлѣ я научился рѣшительно никому не довѣрять, — пояснилъ, какъ бы про себя, человѣкъ у изголовья. — Вытяните ноги, — приказалъ онъ снора.

Неизвѣстный ловко и проворно стянулъ ихъ чѣмъ-то, но Адамсъ на этотъ разъ не испытывалъ ни малѣйшей тревоги, а когда, наконецъ, почувствовалъ ее, то было уже поздно. Фонарикъ опять тускло свѣтился въ рукахъ у неизвѣстнаго, и теперь свѣтъ былъ направленъ прямо на его лицо. И въ тотъ же моментъ какой-то липкій пластырь или компрессъ разомъ закрылъ ему ротъ, лишивъ его возможности издать хотя бы малѣйшій звукъ.

— Ну, на этотъ разъ вы въ моихъ рукахъ, — пробормоталъ голосъ неизвѣстнаго. — Кромѣ того, я полагаю, что для васъ не безынтересно знать, къ кому вы попались въ руки. Взгляните на это лицо. Узнаете?

И неизвѣстный направилъ свѣтъ фонарика на свое лицо: у Адамса глаза чуть не вылѣзли на лобъ, потому что онъ увидѣлъ, что передъ нимъ, у его постели, сидитъ никто иной, какъ Риксъ.

Адамсъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе, чтобы сброситься съ кровати на полъ, но Риксъ увѣреннымъ движеніемъ руки схватилъ его за плечи и придержалъ на мѣстѣ.

— Не шевелитесь! — угрожающе произнесъ онъ. — Я пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы убить васъ, объ этомъ вы вѣроятно догадываетесь, и совѣтую вамъ не предпринимать ничего такого, что могло бы ускорить осуществленіе моего намѣренія. Вы теперь не въ состояніи издать ни малѣйшаго звука. Не шевелитесь, иначе будетъ плохо, — предупреждаю васъ.

Риксъ погасилъ свой фонарь, и Адамсъ слышалъ, какъ онъ усѣлся на свое прежнее мѣсто у изголовья кровати. Спустя нѣкоторое время, онъ заговорилъ:

— Теперь моя очередь итти къ исповѣдальнѣ, а ваша — быть исповѣдникомъ. Для краткости стану продолжать съ того момента, на которомъ вы остановились, т. е. съ того, что произошло послѣ

разбирательства дѣла въ танцовальномъ залѣ, гдѣ я стрѣлялъ въ васъ. Несомнѣнно, что я тогда хотѣлъ убить васъ, и также несомнѣнно, что мы обо всемъ этомъ сговорились съ моимъ пріятелемъ Тимомъ. — Но затѣмъ я обдумалъ все это болѣе основательнѣе и пришелъ къ другого рода выводамъ. Съ того самаго дня, какъ я вышелъ изъ тюрьмы, я только думалъ объ одномъ, — о мщеніи вамъ. Я искалъ васъ вездѣ и всюду, и застрѣлилъ бы васъ въ любой моментъ и въ любомъ мѣстѣ. Но когда я въ тотъ вечеръ такъ досадно промахнулся и рисковалъ опять попасть въ тюрьму, я пришелъ къ заключенію, что не стоитъ портить себѣ жизнь и становиться рецидивистомъ изъ-за васъ. Я отбросилъ всякую мысль о мщеніи и уѣхалъ изъ Чикаго съ тѣмъ, чтобы больше туда не возвращаться. Я уѣхалъ далеко отъ тѣхъ мѣстъ и занялся честнымъ трудомъ. Богъ увѣнчалъ мои труды, мнѣ посчастливилось, и теперь я, какъ и вы, состоятельный и уважаемый въ своей округѣ человѣкъ. Мое намѣреніе было оставаться такимъ и далѣе, но вотъ я увидѣлъ васъ. Я пріѣхалъ въ Лондонъ отчасти, чтобы отдохнуть, отчасти, чтобы закупить кое-что. Случай столкнулъ меня съ вами. Вы покупали билетъ на подземную дорогу, ведующую въ Чарингъ-Кроссъ, я стоялъ какъ разъ за вашей спиной и послѣдовалъ за вами. Неужели ваше сердце тогда не екнуло въ груди? Вся горечь, накипѣвшая у меня на душѣ противъ васъ, всѣ старыя обиды и зло разомъ ожили въ моей душѣ. Я рѣшилъ убить васъ на этотъ разъ, но убить такъ, чтобы ваша смерть осталась загадкой для всѣхъ. И вотъ я явился сюда съ тѣмъ, чтобы, связавъ васъ по рукамъ и по ногамъ и заткнувъ вамъ ротъ, захлороформировать васъ на-смерть, а затѣмъ раскрыть всѣ окна и двери, чтобы дать улетучиться запаху хлороформа, развязать васъ и уйти, предоставивъ врачамъ догадываться, какая васъ постигла смерть и отъ чего.

И снова передъ глазами Адамса вспыхнулъ тусклый свѣтъ электрическаго фонарика. Онъ слышалъ, какъ Риксь возился съ чѣмъ-то, затѣмъ почувствовалъ, что онъ надавилъ ему колѣномъ грудь и накинулъ на лицо платокъ, смоченный хлороформомъ. Тогда онъ сталъ извиваться и напрягалъ всю силу своихъ мускуловъ, чтобы, сбросить съ себя Рикса. Но вскорѣ онъ почувствовалъ, что все его тѣло, даже воля ослабли, и остался лежать неподвижно, какъ трупъ…

Утромъ Адамсъ проснулся съ ощущеніемъ полной разбитости и смутнымъ, гнетущимъ сознаніемъ пережи таго кошмара. Оглядѣвшись съ

недоумѣніемъ, онъ замѣтилъ лежащій на стулѣ близъ кровати желтый томикъ моднаго американскаго романиста Лесли. Лицо книгопродавца прояснилось, и онъ произнесъ почти вслухъ:

— Ахъ этотъ Лесли!.. Его книжки бойко идутъ, и ими выгодно торговать. Но читать ихъ на ночь… слуга покорный! Эти криминальныя исторіи въ Новомъ Свѣтѣ — черезчуръ сильная доза фантазіи для моихъ нервовъ. Богъ съ ними! Пусть ихъ читаютъ люди помоложе.

……..

Калейдоскопъ «Міра Приключеній»

Калейдоскопъ „Міра Приключеній“.

Мартышка и гиря.

Можете ли вы сказать съ увѣренностью, куда подвинется гиря, изображенная на приложенномъ рисункѣ, если мартышка дернетъ внизъ перекинутую черезъ блокъ веревку?

Съ перваго взгляда кажется, что гиря должна поднятся вверхъ. Но такой отвѣтъ неправиленъ: вѣдь мартышка сама виситъ на той же веревкѣ и потому привести всю систему въ движеніе одними лишь собственными усиліями она не можетъ.

Правильный отвѣтъ будетъ тотъ, что гиря не подвинется ни вверхъ, ни внизъ.

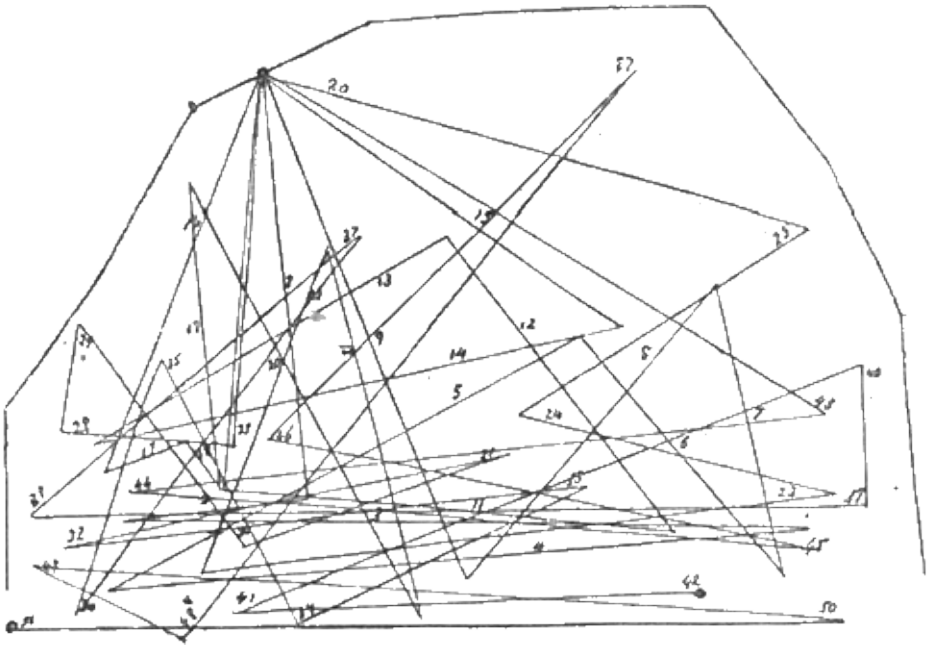
Разнообразіе шахматной игры.

Одинъ изъ читателей спрашиваетъ насъ: возможно ли, чтобы въ мірѣ сыграны были двѣ совершенно одинаковыя шахматныя партіи?

«Вѣдь существуютъ же десятки людей съ одинаковымъ числомъ волосъ, — пишетъ онъ; — въ одномъ Петроградѣ должно найтись не мало, такихъ равноволосыхъ людей, ибо число волосъ на головѣ человѣка исчисляется всего сотнями тысячъ, населеніе же Петрограда. достигаетъ чуть не 3 милліоновъ. Можетъ быть, число различныхъ комбинацій фигуръ на шахматной доскѣ какъ оно ни велико, все же меньше, чѣмъ число сыгранныхъ на земномъ шарѣ шахматныхъ партій — тогда какая-нибудь партія должна была неизбѣжно повториться».

Да, число комбинацій ограничено, — но оно такъ чудовищно велико, что объ исчерпаніи ихъ за тысячу лѣтъ существованія шахматной игры смѣшно даже говорить. Можно сосчитать, что число всѣхъ возможныхъ положеній фигуръ на доскѣ послѣ *второго* хода уже превышаетъ 70.000. И это только въ самомъ началѣ партіи, къ третьему ходу! Съ каждымъ слѣдующимъ ходомъ число это возрастаетъ въ головокружительной прогрессіи, такъ что бояться повтореній шахматистамъ не приходится.

Любопытный графикъ.

Изображенная здѣсь система линій есть не что иное, какъ послѣдовательная точная запись всѣхъ перемѣщеній по сценѣ, сдѣланныхъ одной англійской драматической артисткой въ теченіе трехъ актовъ пьесы.

Путь получился общей длинною чуть не въ цѣлую версту. Какъ

видимъ, «ногами работаютъ» не одни лишь балетные артисты, но и драматическіе.

Прилагаемый графикъ доказываетъ это съ достаточною наглядностью.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1918 годъ. Изданія годъ 33-й.

На еженедѣльный старѣйшій и самый распространенный изъ русской сельско-хозяйственной прессы

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

ИЛЛЮСТР. ЖУРНАЛЪ ПРАКТИЧЕСКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА и ДОМОВОДСТВА

Подъ редакціей *П. Н. Штейнберга,* возвратившагося изъ дѣйств. арміи.

Въ 1915, 1916 и 1917 г.г. П. Н. Штейнбергъ никакого участія въ редактированіи журнала „Сельскій Хозяинъ" не принималъ.

52 №№ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА, съ рисунками и чертежами, дающаго общепонятное, практически полезное чтеніе по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, пчеловодства и домоводства. **Свыше 1.500 статей и отвѣтовъ спеціалистовъ.**

6 новыхъ отдѣловъ журнала:

1. **Трудовой хуторъ.** Для малоопытныхъ сел. хозяевъ и новичковъ. Отвѣты на всѣ вопросы, возникающіе у новоселовъ при устройствѣ сельскаго хозяйства.
2. **Какъ мнѣ это сдѣлать.** Сезонныя практическія статьи по всѣмъ отраслямъ хозяйства.
3. **На всякій случай.** 500 полезныхъ совѣтовъ и рецептовъ. Особенно важный отдѣлъ въ наше время невѣроятной дороговизны.
4. **Народная медицина.** Описаніе лучшихъ домашнихъ лѣчебныхъ средствъ отъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней.
5. **Народная ветеринарія.** Испытанныя домашнія средства для лѣченія болѣзней и пороковъ домашнихъ животныхъ.
6. **Голодный отдѣлъ.** Приготовленіе изъ зерна, овощей и плодовъ недостающихъ въ наше время продуктовъ: **кофе, чая, сахара, табака, дрожжей, муки** и т. п.

6 КНИГЪ съ рис. и чертеж. БИБЛІОТЕКА ТРУДОВОГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА

1. **ПОСТРОЙКА ДЕШЕВАГО КРЕСТЬЯНСКАГО ДОМА.** Подробный проектъ съ текстомъ и смѣтой. Инж. *Биля.*
2. **СЕЛЬСКО-РАБОЧАЯ И РЕМОНТНАЯ ЛОШАДЬ.** Руководство для мелкихъ хозяевъ. Сост. *К. К. Саковскій.*
3. **КРЕСТЬЯНСКОЕ И ЛЮБИТЕЛЬСКОЕ ОГОРОДНОЕ СѢМЕНОВОДСТВО.** Какъ получаются лучшія сѣмена *Я. Пенерота.*
4. **КАКЪ РАЗВЕСТИ РЫБУ У СЕБЯ ВЪ ХОЗЯЙСТВѢ БЕЗЪ ОСОБЫХЪ ЗАТРАТЪ.** Техника по рыбоводству *Н. И. Митв.*
5. **КАКЪ САМОМУ УСТРОИТЬ ПЧЕЛИНЫЙ РАМОЧНЫЙ УЛЕЙ.** Съ чертеж. въ натуральную величину *П. Горскаго.*
6. **СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ САДОВАГО ХОЗЯЙСТВА.** Какъ выгоднѣе сбывать плоды. *М. С. Балабанова.*

32 НУМЕРА ЖУРНАЛА ПРОГРЕССИВНОЕ съ многочисленными рисунками

САДОВОДСТВО и ОГОРОДНИЧЕСТВО

Колоссальный спросъ на овощи и плоды въ послѣднее время обратилъ особое вниманіе нашихъ хозяевъ на эти отрасли сел. хозяйства, что и навело насъ на мысль дать въ приложеніе самостоятельный чисто-практическій журналъ по садоводству и огородничеству.

БЕЗПЛАТНО ОТВѢТЫ спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на журн. „Сельскій Хозяинъ" со всѣми приложеніями на годъ съ пересылкой по всей Россіи **25 РУБ.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 13 рублей и къ 1 іюня 12 рублей.

Контора журнала: Петроградъ, Стремянная ул., № 12.

Пятая Государственная тип. Птгр., Стремянная, 12.

notes

Примечания

1

) «Одинъ день царства».